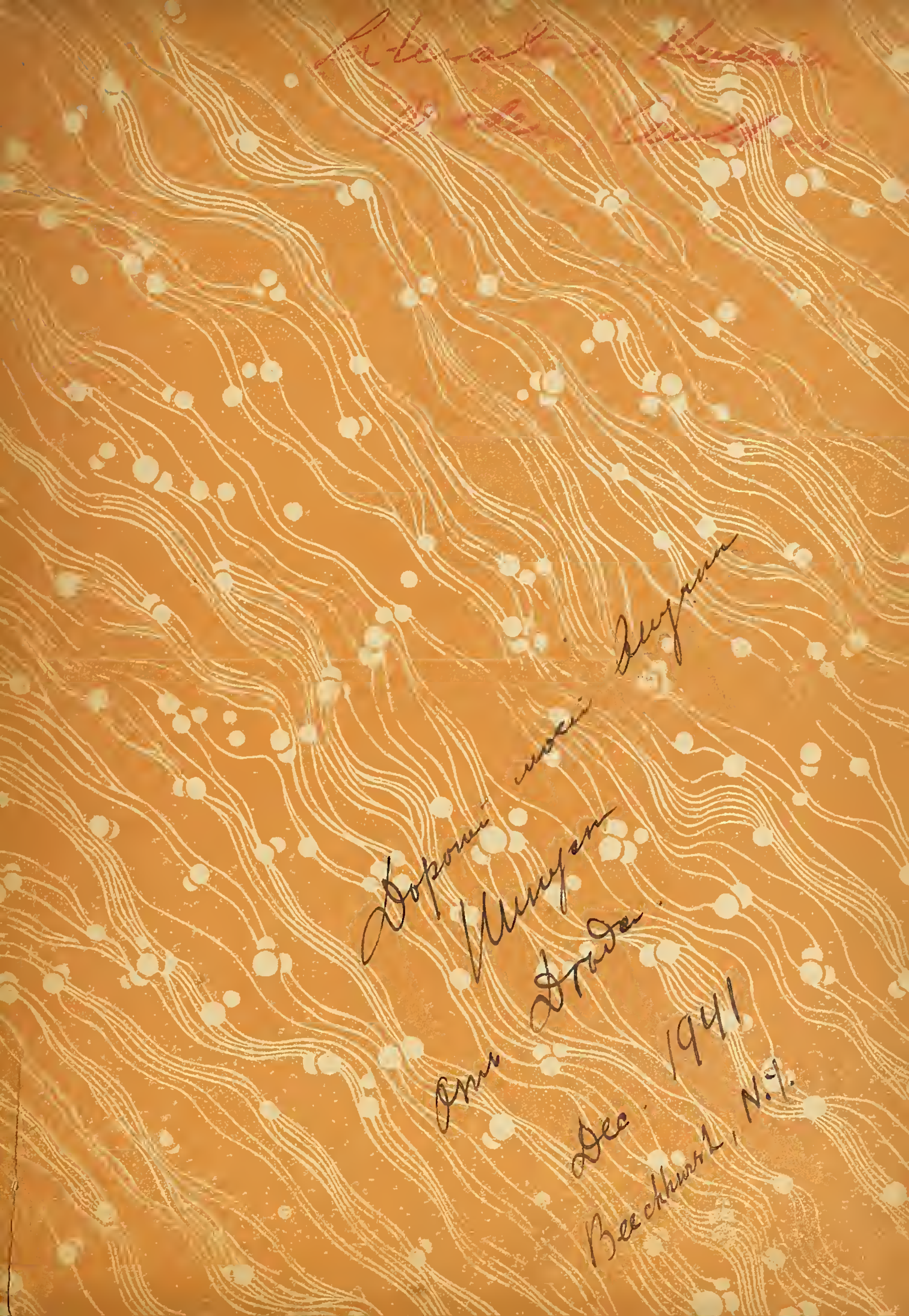


Живыя Картинки
С. Алексѣева
ъ
кихъ разсказовъ
А. П. Смирнова.
Лит Т-ва И. Д. Сытина въ Москвѣ.




Дорогой моей
от
Dec 1941
Beechhurst, N.Y.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ.

СБОРНИКЪ

ДѢТСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ.

А. Смирнова.

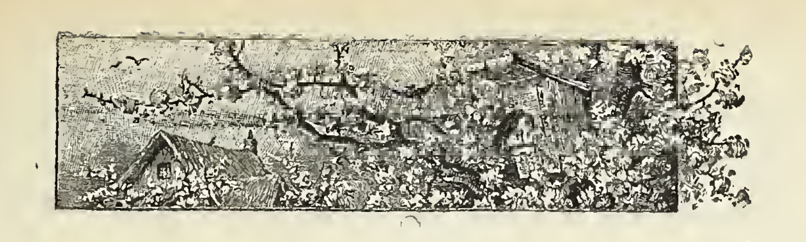
СЪ 8 РИСУНКАМИ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА, Пятницкая ул., собствен. домъ.

Москва.—1905.

Дозволено цензурою. Москва, 9 октября 1904 года.



Снѣжковъ и Вавилычъ.

Въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ глухихъ улицъ Москвы стоялъ, да и теперь еще стоитъ, кажется, маленькій, одноэтажный деревянный домикъ. Точно дряхлый убогій старикъ, выглядывалъ онъ изъ-за низкаго, когда-то выкрашеннаго зеленою краскою палисадничка, густо заросшаго репейникомъ и кропивой. Въ крошечномъ рѣдко просыхающемъ дворикѣ бродила одинокая худая свинья; изъ будочки, у крыльца, выглядывала косматая голова стараго сѣдого Барбоса, давно разучившагося лаять и только какъ-то глухо ворчавшаго.

Вѣчная скука и тишина царили съ ранняго утра и до поздняго вечера въ этомъ бѣдномъ убогомъ домишкѣ... Да, впрочемъ, и вся глухая забы-

тая улица, гдѣ стоялъ онъ, никогда не отличалась особеннымъ оживленіемъ. Жили здѣсь бѣдные рабочіе люди, вся жизнь которыхъ составляла одинъ только трудъ изъ-за куска насущнаго хлѣба, и жили они мирно, тихо, спокойно... Какъ тараканы за печкой, день денской жались въ своихъ душныхъ, тѣсныхъ лачужкахъ бѣдные обитатели бѣдной улицы... Чуть только солнышно взошло на небѣ и озарило своими лучами позолоченный крестъ ближней церкви,—глухая улица ужъ проснулась... Вонъ въ одномъ низенькомъ домикѣ съ кривыми, вросшими въ землю, оконцами застучалъ молотокъ сапожника... Вонъ въ другомъ, точно громадный шмель, зажужжало колесо токаря... Солнышко все выше и выше... Гдѣ-то на каланчѣ бьетъ часъ... два... три, а все попрежнему стучитъ молоточекъ, жужжитъ колесо... На улицѣ ни души человѣческой... Жарко; солнышко изрядно палитъ; тамъ и сямъ, по дорогѣ и у заборовъ, точно на дачѣ, пробивается довольно густая зеленая травка; шаловливые воробьи съ громкимъ чириканьемъ скачутъ по ней, ищутъ чего-то... Пробѣжала собака съ высунутымъ чуть не до земли языкомъ; корова съ мычаньемъ вылѣзла откуда-то изъ-за плетня и остановилась посреди улицы... Рѣдко - рѣдко когда появится здѣсь блюститель общественной тишины и спокойствія съ шашкой и револьверомъ, да и тотъ вскорѣ скроется: что ему тутъ дѣлать?..

Такъ мирно, тихо, спокойно весь годъ, изо дня въ день, тянется жизнь въ глухой улицѣ... Стучитъ молотокъ, жужжитъ колесо... Не слышно ни смѣха, ни говора, ни перебранки... Только въ ясные лѣтніе вечера, когда заходящее солнышко заливаетъ своими лучами и эту дорогу, кой-гдѣ заросшую зеленою травкой, кой-гдѣ избитую колеями, и эти бѣдные деревянные домики, выползаютъ иной разъ на завалинки утомленные, измученные за недѣлю работники... И Боже мой, сколько разсказовъ, вполнѣ жизненныхъ и безхитростныхъ можно услышать здѣсь, въ тиши теплаго лѣтняго вечера, подъ лучами заходящаго солнца!.. Случается иной разъ, въ воскресенье, послышатся гдѣ-нибудь пискливые звуки гармоники, пѣсня, да и замрутъ они вскорѣ, замолкнутъ...

Въ нашемъ бѣдномъ убогомъ домикѣ, о которомъ мы только что говорили, было еще тише, спокойнѣе, чѣмъ въ другихъ домикахъ рабочихъ людей... Чуть только прозвучитъ первый ударъ колокола къ ранней обѣднѣ, домохозяйка Анисья Петровна встаетъ и поспѣшно собирается въ церковь... Вотъ на низенькомъ расшатавшемся крылечкѣ появляется маленькая сгорбленная фигура старушки въ шубейкѣ и капорѣ... Быстро проходитъ она черезъ дворъ. Старая покривившаяся калитка на заржавленныхъ петляхъ жалобно застонала... Барбоска выглянулъ изъ ко-

нурки, но, замѣтивъ, что все кругомъ, слава Богу, благополучно, опять спрятался...

Вотъ въ этомъ-то самомъ домикѣ жили отставной штабсъ-капитанъ Снѣжковъ и его бывшій денщикъ Вавилычъ.

Во всемъ домикѣ было только три комнаты. Одну изъ нихъ занимала сама хозяйка, въ остальныхъ двухъ обитали жильцы.

Комнатка штабсъ-капитана не отличалась особымъ изяществомъ. Маленькая, низенькая, оклеенная свѣтло-синими выцвѣтшими обоями, съ двумя окнами, больше чѣмъ наполовину завѣшенными занавѣсками, она выглядывала далеко не весело... Въ переднемъ углу—два образа въ позолоченныхъ ризахъ съ вѣчно теплившеюся передъ ними лампадкою, небольшая полочка съ книгами. На стѣнѣ, передъ диваномъ,—литографіи героевъ севастопольской обороны; на потолкѣ — клѣтка съ чижикомъ. Передъ кроватью, за ситцевымъ пологомъ, висѣли два-три старыхъ черкесскихъ ружья съ серебряною насѣчкой, шашка, кинжалъ... Тутъ же, среди всѣхъ этихъ трофеевъ, помѣщался солдатскій георгіевскій крестъ, полученный штабсъ-капитаномъ при защитѣ знаменитаго въ русской исторіи Малахова кургана...

Отставной штабсъ-капитанъ Снѣжковъ по наружности далеко не походилъ на героя. Трудно было представить даже, чтобъ этотъ низенькій, худенькій старичокъ, съ лицомъ, изрытымъ мор-

щинами, съ жиденькими, сѣдыми усами, когда-нибудь могъ выказать себя истымъ богатыремъ. А это, дѣйствительно, было такъ. Штабсъ-капитанъ (тогда еще, впрочемъ, поручикъ) дрался, какъ левъ, отбивая у непріятеля знамя. Двѣ пули въ бедро, ударъ саблей въ голову и, наконецъ, солдатскій «Егорій» изъ собственныхъ рукъ великаго князя были результатомъ этой отчаянной схватки. Одна изъ пуль еще и до сихъ поръ сидитъ въ ногѣ старика и порядочно даетъ себя чувствовать при каждой перемѣнѣ погоды. Побаливаетъ и старая рана на головѣ...

Снѣжковъ былъ круглый сирота и никогда не зналъ ни отца ни матери. Принятый ради Христа какимъ-то отставнымъ майоромъ, доводившимся ему дальнимъ родственникомъ, онъ на десятомъ году былъ отданъ въ кадетскій корпусъ, прошелъ тамъ черезъ всѣ трудности тогдашняго суроваго воспитанія и, наконецъ, лѣтъ 20-ти былъ выпущенъ офицеромъ.

Товарищи никогда не любили Снѣжкова. Они вѣчно подсмѣивались надъ его низенькой, худощавой фигуркой, туго затянутой въ армейскій мундиръ; подсмѣивались надъ его застѣнчивымъ, робкимъ характеромъ и его страстной любовью къ чижикамъ и канарейкамъ. И дѣйствительно, любовь къ птичкамъ, доходившая часто до слабости, до смѣшного, была чуть ли не единственной страстью бѣднаго прапорщика. Чуть не все

свое скудное жалованье тратилъ онъ на покупку и содержаніе своихъ любимцевъ, которыхъ называлъ «пѣвческой ротой»... Зато какъ весело, какъ свободно чувствовалъ онъ себя среди этой «роты»!.. Застѣнчивый даже въ манежѣ или на плацъ-парадѣ, передъ солдатами, Снѣжковъ оживлялся въ своей маленькой, чистенькой комнаткѣ, чуть не по всѣмъ угламъ увѣшанной клѣтками... То-то онъ радовался, восхищался, когда раннимъ утромъ, при первыхъ лучахъ восходящаго солнышка, квартирка его оглашалась звонкими пѣснями и чириканьемъ пернатыхъ пѣвцовъ... Онъ самъ тогда готовъ былъ пѣть и свистать вмѣстѣ съ ними...

Была, впрочемъ, у Снѣжкова еще и другая привязанность. Въ денщикахъ у него жилъ нѣкто Вавилычъ, такой же круглый сирота, какъ и онъ, и страшный хлопотунъ и ворчунъ... Съ ранняго утра, бывало, и до поздняго вечера хлопочетъ этотъ Вавилычъ, суется изъ угла въ уголъ, отыскивая то стаканъ, то чайникъ, то тряпку какую-нибудь,—и все ворчитъ и ворчитъ...

— Ну, нѣтъ, ваше благородіе,—говоритъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ, потрясая облѣзлою сапожною щеткой,—такъ жить не резонъ! Помилуйте, на что же это похоже!.. Требуется вамъ теперь на ученье итти, сапоги надо вычистить, а чѣмъ мнѣ ихъ чистить прикажете? Чѣ-ѣмъ? Нешто такія щетки бываютъ?!.

— Ну, ладно, ладно,—отзывается какъ-то глухо Снѣжковъ.—Чего ворчать-то? На будущій мѣсяцъ куплю...

— На будущій мѣсяцъ!—чуть не оретъ Вавилычъ.—Да это я ужъ сколько разъ слышалъ... Не на будущій мѣсяцъ, а на этихъ дняхъ купить надо... Вѣдь былъ у васъ въ прошлое воскресенье цѣлковый... На чижика изволили издержать? На чижи-ка!—протягиваетъ онъ и презрительно усмѣхается.

Снѣжковъ молчитъ. Онъ немного сконфуженъ. Дѣйствительно, былъ у него въ прошлое воскресенье цѣлковый, и разсчитывалъ онъ купить: во-первыхъ, щетку сапожную, а во-вторыхъ, новый чубукъ,—старый никуда не годится,—да вотъ подвернула нелегкая этого парня съ чижикомъ...

— Да вѣдь поетъ-то онъ какъ, Вавилычъ!—оживляется вдругъ Снѣжковъ.—Ты послушай, послушай!.. *Тю-тю-тю-тю-ю-ю!..*—насвистываетъ онъ въ дудочку, на что чижикъ отзывается звонкимъ чириканьемъ.—Да вѣдь такому чижику,—пойми ты, братецъ ты мой,—такому чижику цѣны нѣтъ!.. А я и всего-то заплатилъ за него восемь гривенъ...

— Пустое, конечно! — совсѣмъ ужъ сердито рычитъ Вавилычъ.—Восемь гривенъ не деньги... Чижикъ... что говорить... А вотъ щетку бы, напримѣръ... Да что щетку, чайникъ бы надо купить: у стараго-то того и гляди носокъ отва-

лится... Не въ лахань же, съ позволенія сказать, чай заваривать...

— Да ты... ты, братецъ, того...—протестуетъ Снѣжковъ.—Ты, кажется, грубить начинаешь... Скажите пожалуйста, какую онъ волю взялъ!..

— Никакой я воли не бралъ, ваше благородіе,—понижаетъ голосъ Вавилычъ.—А только какъ вамъ угодно,—такъ жить не резонъ! Помилуйте, на что же это похоже! Полный домъ птицъ накупили, отъ одного крику ихняго чуть не оглохнешь, а ни ложки ни плошки,—ничего нѣтъ... Вотъ теперь сапоги надо бы чистить, а чѣмъ?..

— Да что ты присталъ ко мнѣ, братецъ? Что ты присталъ?.. Пошелъ вонъ!

— Что же: вонъ, вонъ...—пятится къ двери Вавилычъ.—Я и уйду... Уйти мнѣ, ваше благородіе, завсегда можно... А только какъ вамъ угодно,—такъ жить нельзя-съ...

И вотъ чуть не каждый день происходятъ подобныя сцены между бариномъ и денщикомъ, и конецъ у нихъ всегда одинъ... Снѣжковъ выгоняетъ Вавилыча, и Вавилычъ уходитъ, говоря, что такъ жить нельзя... На что же это похоже?

Однако, несмотря на эти постоянныя ссоры, Снѣжковъ очень привязанъ къ Вавилычу и любитъ его, пожалуй, не меньше своихъ чижиковъ и канареекъ, а можетъ-быть, даже и больше... Не нравятся ему, правда, больно не нравятся

брюзжанье и воркотня («неужто я въ самомъ дѣлѣ не хозяинъ въ квартирѣ?»), но онъ очень хорошо понимаетъ, что брюзжанье и воркотня эти вполнѣ основательны.

Дѣйствительно, купить за восемь гривенъ чижика и въ то же время остаться до будущаго мѣсяца безъ сапожной щетки, безъ чубука и безъ чайника—вещь далеко не практичная... Сердится Снѣжковъ на Вавилыча, изъ терпѣнья даже иной разъ выходитъ, но онъ цѣнитъ его: онъ знаетъ, что тотъ любитъ его, какъ сына родного, и жизнью за него радъ пожертвовать... Никогда не забудетъ Снѣжковъ, какъ разъ пролежалъ онъ мѣсяца полтора въ сильнѣйшей горячкѣ, и Вавилычъ за нимъ ухаживалъ. Ворчалъ, положимъ, онъ и тогда («ишь вѣдь опять лѣкарство все пролили!.. Говорилъ: изъ моихъ рукъ пейте,—такъ нѣтъ... Гдѣ вамъ ложку сдержать!») ворчалъ, но зато ночей не спалъ напролетъ, и даже врядъ ли ѣлъ что-нибудь за все это время...

Не разъ случалось Вавилычу выручать барина въ довольно затруднительныхъ обстоятельствахъ. Страшно неразсчетливый, безпечный Снѣжковъ нерѣдко «до зарѣзу» нуждался въ какомъ-нибудь полтинникѣ, четвертакѣ. Попросить въ счетъ жалованья такую ничтожную сумму онъ никогда не рѣшился бы; не рѣшился бы и у товарищей взять. И вотъ вдругъ, Богъ вѣсть какъ и откуда, доставалъ Вавилычъ этотъ четвертакъ или

полтинникъ и вручалъ его барину. Снѣжковъ страшно конфузился и не бралъ, но Вавилычъ чуть не силою втискивалъ ему въ руку монету и куда-то скрывался предварительно, разумѣется, поворчавъ...

Садясь иной разъ за обѣдъ, приготовленный тѣмъ же Вавилычемъ, Снѣжковъ не всегда былъ увѣренъ, что обѣдъ этотъ приготовленъ на его деньги, а не на деньги Вавилыча, что было вполнѣ возможно, такъ какъ въ мясной въ долгъ не давали, а на провизію въ этотъ мѣсяцъ онъ выдалъ такую сумму, на которую и «двухъ собакъ не прокормишь»...

— Ты это на какія деньги говядину бралъ?— какъ-то смущенно спрашиваетъ Снѣжковъ, тыкая вилкой въ кусокъ бифштекса.

— Какъ на какія? На настоящія...

— Да я не о томъ... На свои, что ли?

Но тутъ Снѣжковъ чувствуетъ, что краска заливаетъ ему лицо, и, чтобъ скрыть смущеніе, начинаетъ сморкаться.

— На свои-и?—протягиваетъ Вавилычъ.—Да у меня откуда свои-то? Развѣ я жалованье получаю? Али на сапогахъ, можетъ, тысячи зарабатываю? Нѣтъ, ваше благородіе, капиталовъ на этихъ сапогахъ не сколотишь... Гнешь спину-то, гнешь, много цѣлковый какой въ мѣсяцъ добудешь... Да и когда мнѣ работать... Цѣлый день, какъ собака, бѣгаешь по вашимъ дѣламъ,—умаешься...

— Да нѣтъ ты постой, братецъ, постой!—продолжаетъ Снѣжковъ.—Я къ тому говорю, что ежели... Такъ я отдамъ... Признайся, на свои вѣдь купилъ?

— А хоша бы и на свои!—выпаливаетъ Вавилычъ.—Вамъ-то какое дѣло? Ваше дѣло кушать, а не спрашивать: какъ да откуда! Ну, на свои,—признается онъ.—Не Богъ вѣсть какія деньги — двугривенный... Нешто я не заработаю?

И вотъ иной разъ признательный и благородный Снѣжковъ при полученіи жалованья вдругъ, ни съ того ни съ сего, вручаетъ Вавилычу... синюю ассигнацію... Тотъ въ изумленіи.

— Это на что же-съ?—спрашиваетъ онъ.

— Да это такъ... гмъ... такъ... — заминается вдругъ Снѣжковъ.—Я думалъ... гмъ... Однимъ словомъ, возьми—пригодится...

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе,—съ усмѣшкою раскланивается Вавилычъ.—Поберегите-ка для себя, — вамъ нужнѣе... Вотъ хоша чижиковъ, — ввертываетъ онъ, — сколько теперь можно купить... Канарейку опять...

Снѣжковъ хмурится, но Вавилычъ не обращаетъ на это никакого вниманія.

— Соловья тоже мужикъ продавалъ,—продолжаетъ онъ,—на базарѣ, и недорого отдалъ бы: всего за семь рублевъ...

— Да оставь ты меня, Бога ради!..

— Не нравится? Вотъ то-то и есть... Подкладка на осеннемъ пальто, ваше благородіе, совсѣмъ обремхалась, — говоритъ онъ уже сердито, — да и воротничокъ плоховатъ... Купите-ка ужо тамъ фланельки али байки, что ли, — и будетъ ладно... А мнѣ куда экія деньги? Зачѣмъ? Сытъ я, слава Тебѣ, Господи... Чего еще? А коли иной разъ стаканчикомъ захочешь побаловаться, — такъ мастерство-то на что?

И цѣлыя ночи напролетъ сидитъ зачастую Вавилычъ за заборкой въ кухнѣ, съ сапогомъ въ одной рукѣ, съ шиломъ — въ другой и буквально въ потѣ лица зарабатываетъ двугривенные и четвертаки, большая часть которыхъ нерѣдко идетъ на потребности того же Снѣжкова...

Поручикъ Снѣжковъ нисколько не удивился, когда въ одно прекрасное утро полковой командиръ сообщилъ ему новость: полкъ ихъ черезъ пять, много черезъ шесть дней выступаетъ въ походъ къ Севастополю. Онъ зналъ, что это не сегодня — завтра случится.

Давно ужъ въ ихъ маленькомъ городкѣ шли толки о трудномъ, чуть не безвыходномъ положеніи севастопольцевъ; поговаривали о новыхъ наборахъ, объ ополченіи. Вездѣ слышались тяжкіе вздохи и соболѣзнованія: «Какъ-то теперь справляются *тамъ* наши солдатики?»

Снѣжковъ, разумѣется, не меньше другихъ болѣлъ сердцемъ за этихъ солдатиковъ, но только... только онъ никакъ не могъ представить себѣ ихъ труднаго, безвыходнаго положенія. Онъ даже не могъ хорошенько представить, что такое война. Онъ отлично зналъ по теоріи все военное дѣло. Зналъ маршировку, пріемы, бывалъ на маневрахъ, видалъ тамъ примѣрныя сраженія нѣсколькихъ ротъ, слышалъ выстрѣлы холостыми зарядами, но *настоящей* войны не видалъ и не зналъ, что это за штука...

«Такъ вонъ оно что,—думалъ Снѣжковъ, пробираясь изъ полковой канцеляріи на свою маленькую квартирку.—Значитъ, дней черезъ пять-шесть въ походъ.. Гмъ»... И ему вдругъ представляется, какъ онъ, во главѣ своей роты, выступаетъ изъ городка... Музыка, пѣсни...

«На-аши отцы, на-аши отцы».

громче всѣхъ выдается изъ хора голосъ рядового Гвоздилки и, точно барабанная дробь, разсыпается вдругъ:

«Хрррабры полководцы...
Вотъ гдѣ на-аши отцы!..»

Изъ растворенныхъ оконъ торчатъ мужскія, женскія и дѣтскія головы; въ воздухѣ развѣваются бѣлые и цвѣтные платки... «Счастливый путь! Дай Богъ успѣха! — слышатся голоса. — Сохрани васъ Господи и помилуй!..»

И вотъ полкъ вышелъ изъ города, идетъ по страшно пыльной, избитой колеями почтовой дорогѣ... Деревни, мѣстечки и города, и опять — деревни, города и мѣстечки... «А далеко еще до Севастополя?» — «Далеко, братецъ ты мой, далеко-о: сотъ семь, поди, будетъ, коли не больше...» — «Да скоро ли, наконецъ?» — «Надо быть скоро, ваше благородіе, теперь ужъ не за горами...»

«А чижики-то, а канарейки-то на кого же останутся?—приходитъ вдругъ ему въ голову. — Кто ихъ безъ меня чистить станетъ, кормить?..»

Но тутъ Снѣжковъ чувствуетъ, что краснѣетъ: ему стыдно, что въ такія минуты, когда *тамъ* гремятъ выстрѣлы, льется кровь, ему припомнились... какіе-то канарейки и чижики!..

«Сегодня же всѣхъ ихъ продамъ! — рѣшаетъ онъ.—Непремѣнно! Не о птичкахъ теперь думать надо, а о другомъ»...

Черезъ шесть дней N—скій пѣхотный полкъ, дѣйствительно, выступилъ изъ городка, и фантастическая картина, нарисованная воображеніемъ Снѣжкова, осуществилась вполнѣ... Была музыка, пѣсни, изъ оконъ торчали головы, развѣвались платки... «Счастливый путь!.. Дай Богъ успѣха!.. Родные вы наши, голубчики!..» слышались искреннія пожеланія.

И вотъ деревни, мѣстечки и города... А вотъ, наконецъ, и *онъ*—Севастополь!

Какъ ни крѣпился Снѣжковъ, а не могъ-таки удержать этой «глупой» слезинки, что противъ воли выкатилась у него изъ глаза, когда, очень довольный дешевой покупкой, купецъ-лабазникъ Терентьевъ уносилъ его чижиковъ и канареекъ... Зато и стыдилъ же его Вавилычъ за эту слезинку, ворчалъ чуть не всю дорогу, вплоть до самаго Севастополя.

— Э-эхъ, ваше благородіе,—говорилъ онъ, насмѣшливо улыбаясь и покачивая головой.—Не во гнѣвъ будетъ вашей милости сказано: не офицеръ вы, а...

— Ну, ну,—огрызался Снѣжковъ,—ты, однако, братецъ, того... не забывайся... Помни съ кѣмъ говоришь... Ну, неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что мнѣ жалко ихъ, птичекъ-то? Ха-ха-ха! Жалко... Дуракъ же ты послѣ этого...

Вавилычъ ни на шагъ не отставалъ отъ Снѣжкова и ворчалъ и брюзжалъ на него болѣе обыкновеннаго. Совершенно забывая обстоятельства военнаго времени, когда человѣку некогда заботиться о мелочахъ, онъ, точно какъ дома, ворчалъ и за то, что сапоги баринъ надѣлъ не съ толстыми непромокаемыми подошвами,—точно на балъ собрался: «Грязь-то, грязь-то какая! Какъ разъ ноги промочите!» Ворчалъ и за то, что онъ въ полотняной, а не въ шерстяной рубашкѣ.

— Долго ли простудиться, ваше благородіе!— говоритъ Вавилычъ.—Сохрани Богъ!.. Вѣтра-то

какіе стоятъ,—морозъ! И вѣчно вы такъ, сударь, — продолжалъ онъ, —никакой, то-ись, заботы о себѣ нѣтъ... Али забыли горячку-то? А? Чуть вѣдь не померли... Сколько мнѣ тогда хлопотъ съ вами было—умаялся... Какъ за ребенкомъ ходилъ... Да ребенокъ и есть вы,—заключаетъ онъ рѣшительнымъ тономъ, — не офицеръ...

— Одно тебѣ скажу, братецъ,—протестовалъ Снѣжковъ,—ты положительно спятилъ!.. Ну, можетъ ли человѣкъ съ разсудкомъ говорить о какихъ-то пустякахъ: о сапогахъ, о рубашкахъ въ то время, когда... Да, когда пушки гремятъ тамъ... въ Севастополѣ, кровь льется ручьями. Понимаешь ли ты: *пра-вослав-ная рус-ская кровь!*.. О простудѣ ли мнѣ теперь думать, чудакъ ты этакій?.. Вѣдь все равно, не сегодня—завтра могутъ убить... наконецъ, ранить...

— Сохрани, Господи, и помилуй!—ужасался Вавилычъ.—Что вы, ваше благородіе, полноте!.. Никто какъ Богъ... А только что касательно этихъ рубашекъ и сапоговъ... Ну, долго ли простудиться? На грѣхъ мастера нѣтъ...

Но Снѣжковъ только отмахивался и прибавлялъ шагу.

Гулко раздаются въ холодномъ и сыромъ воздухѣ тяжелые шаги солдатъ... Вѣтеръ гдѣ-то шумитъ въ лѣсу... Горнисты наигрываютъ веселый мотивъ; слышится пѣсня...

«Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывутъ,—
Наши храбры гарррнадеры
Со ученьица идутъ...»

раздается громкій, но нѣсколько хриплый, простуженный теноръ рядового Гвоздилки...

Вавилычъ и представить себѣ не могъ, чтобъ его баринъ оказался когда-нибудь истымъ героемъ... Приди ему въ голову подобная мысль, онъ усмѣхнулся бы только. Онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что «его благородіе» созданъ только для обученія солдатъ маршировкѣ, ружейнымъ пріемамъ, стрѣльбѣ въ цѣль и т. п. мирнымъ воинскимъ упражненіямъ; но чтобы сражаться «настоящимъ манеромъ», да мало того, лѣзть прямо головою въ огонь,—объ этомъ онъ и не думалъ. А именно такъ и случилось. Первое время по прибытіи въ Севастополь Снѣжковъ какъ будто робѣлъ. Онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ этомъ осажденномъ, бомбардируемомъ городѣ. Его оглушалъ грохотъ пушекъ и ружейныхъ залповъ; тяжело дышалось ему сырымъ, пропитаннымъ пороховымъ дымомъ воздухомъ; онъ «кланялся», какъ говорятъ солдатики, каждой пролетающей пулѣ, точно «доброй знакомой»... Но вотъ прошла недѣлька-другая, Снѣжковъ приглядѣлся, прислушался и...

— Помилуйте, ваше благородіе!—въ ужасѣ вопіялъ Вавилычъ.—Такъ поступать не резонъ... На что же это похоже?

— Ну, ну, чего ты?

— Да какъ: чего ты? Помилуйте... Нешто у васъ двѣ головы?.. Такъ прямо подъ пули и лѣзете... Ишь вѣдь ихъ... Ишь сколько проклятыхъ: такъ и жужжатъ, какъ шмели... А вдругъ, сохрани Богъ, задѣнетъ...

— Небось не задѣнетъ. Проваливай!.. *Кладсь!*— командовалъ Снѣжковъ своей ротѣ.—Э-э, отойди, Вавилычъ! Что ты прямо подъ руку лѣзешь?..— *П-пли!..*

— Не отойду, ваше благородіе, хоть убейте, не отойду!

И Вавилычъ съ самымъ рѣшительнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отчаяннымъ видомъ усаживался на землю...

А пули такъ и жужжали; изрѣдка пролетало ядро и тяжело шлепалось въ лужу, обрызгивая окружающихъ...

— И чудакъ же ты, братецъ!—говорилъ Снѣжковъ.—Прямой чудакъ!.. Самъ не знаешь, что говоришь... Ты за *меня* боишься?..

— Боюсь, ваше благородіе, страсть какъ боюсь... Ну, долго ли тутъ до грѣха?

— А за *себя* не боишься?

— Богъ милостивъ...

— Вотъ то-то и есть... Тебя Богъ помилуетъ, помилуетъ и меня... Да и нельзя же мнѣ, наконецъ... Пойми ты, братецъ, *нельзя*... Вѣдь я на посту...

— Это точно, ваше благородіе... А все же къ сторонкѣ какъ-нибудь встали бы...

Пальба кончилась, слава Богу. Опять все тихо, спокойно... Темная безлунная ночь спустилась надъ Севастополемъ... Въ маленькомъ, сыромъ и грязномъ *блиндажѣ* *) тускло горитъ свѣча... Тамъ и сямъ похрапываютъ подъ шинелью утомленные за день солдатики... На полу, на старомъ коврѣ, сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, Снѣжковъ и закусываетъ чѣмъ Богъ послалъ. Въ одной рукѣ у него ломоть чернаго хлѣба, въ другой—кусокъ вареной холодной говядины... Въ сторонѣ отъ него въ полупочтительной позѣ помѣстился Вавилычъ и набиваетъ трубочку корешками...

— Да, такъ вотъ какъ, братецъ ты мой,—говоритъ Снѣжковъ, съ трудомъ прожевывая кусокъ, — ужъ если на то пошло: не я себя не жалѣю, а ты... Ну, скажи, сдѣлай милость: зачѣмъ тебя давеча понесло туда? А?

Вавилычъ молчитъ.

— Изъ-за полтинника какого - нибудь убить вѣдь могли... Сидѣлъ бы себѣ тихо да смирно... Нѣтъ, понесла нелегкая въ этотъ трактиръ...

— Да какъ же, ваше благородіе,—оправдывается Вавилычъ. — Ништо безъ обѣда вамъ было си-

---

*) *Блиндажъ* — родъ погреба, крытый сверху связками хвороста (фашины) или землей для защиты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

дѣть?.. Славу Богу, умаялись за день-то, проголодались...

— Дуракъ же ты послѣ этого!—горячился Снѣжковъ.—Да знай я только, что ты улизнешь,—связалъ бы, ей Богу связалъ бы... Скажите на милость: пули, ядра летаютъ; люди, какъ мухи, валятся, а онъ въ трактиръ за борщемъ пошелъ!.. Да вѣдь тебя сто тысячъ... сто милліоновъ разъ бы убили...

— Богъ милостивъ, ваше благородіе... Уцѣлѣлъ... А безъ обѣда все-таки вамъ не резонъ оставаться было... Да и впередъ тамъ заплачено: десять рублевъ... Пропадать, что ли, деньгамъ? Аккуратности вотъ этой въ васъ нѣтъ! — заключаетъ Вавилычъ, закуривая трубочку. — И вѣчно такъ: тамъ рубль пропадетъ, тамъ—полтина... Совсѣмъ деньгамъ счету не знаете...

Прошло много лѣтъ. Давнымъ-давно кончилась грозная севастопольская кампанія. Поручикъ Снѣжковъ, награжденный за храбрость чиномъ штабсъ-капитана и солдатскимъ георгіевскимъ крестомъ, вышелъ въ отставку. И вотъ живетъ онъ теперь со своимъ вѣрнымъ другомъ Вавилычемъ въ одной изъ самыхъ глухихъ улицъ Москвы, въ домикѣ Анисьи Петровны...

Мѣрно, однообразно, какъ разъ заведенное колесо, тянется жизнь стариковъ... И лѣтомъ и

зимой одинаково Снѣжковъ встаетъ часовъ въ 7—8 утра, облекается въ ветхій халатъ и садится къ окну, съ трубкою и стаканомъ чая... Долго иной разъ глядитъ онъ на грязный, пустынный дворикъ... Вонъ бродитъ хавронья, отыскивая пропитаніе; вонъ старый Барбоска вылѣзъ изъ домика, нѣжится на тепломъ весеннемъ солнышкѣ, жмуритъ отъ удовольствія свои красные подслѣповатые глазки... Съ легкимъ журчаньемъ бѣгутъ грязные ручейки; мѣстами виднѣется еще нестаявшій снѣгъ... А вонъ тамъ, у забора, травка зазеленѣла, желтѣетъ цвѣтокъ одуванчика... Сидитъ Снѣжковъ у окна; волнами льется ему въ грудь свѣжій весенній воздухъ... На улицѣ тихо; воробьи только щебечутъ да изрѣдка донесется откуда-нибудь стукъ сапожнаго молотка... Но вотъ старикъ всталъ, допилъ давно уже простывшій чай, набилъ новую трубку... Мѣрно почикиваютъ часы; чижикъ въ клѣткѣ чирикаетъ... Ходитъ Снѣжковъ по комнатѣ; долго ходитъ... Изрѣдка остановится, постучитъ машинально пальцами по столу, трубку набьетъ и опять ходитъ и ходитъ... Богъ знаетъ о чемъ думаетъ онъ въ это время... Вспоминаетъ ли онъ свою давнымъ-давно пролетѣвшую молодость, Севастополь, геройскую оборону его, громъ пушекъ и ружей, стонъ раненыхъ, умирающихъ и кровь, кровь безъ конца?.. Но вотъ отворяется дверь, и просовывается въ нее сѣдая голова Вавилыча.

— Обѣдать, ваше благородіе, не пора ли?

— Обѣдать?—разсѣянно спрашиваетъ Снѣжковъ.—А, да, да... пожалуй...—Онъ садится обѣдать.

Покончилъ старикъ съ дурно сваренными щами, покончилъ съ пережаренною говядиной, опять набилъ трубку... На колокольнѣ Рождественской церкви зазвонили къ вечернѣ... Чуть-чуть шелеститъ вѣтерокъ занавѣской окна; потрескиваютъ слегка отклеившіеся, сырые обои... Снѣжковъ лежитъ на кровати, куритъ... Но вотъ трубка выскользнула изъ его ослабѣвшей руки,—онъ захрапѣлъ.

Часовъ въ шесть вноситъ Вавилычъ маленькій самоварчикъ. Начинается чаепитіе. А тамъ ужинъ—что Богъ послалъ... Старенькіе часы, кашляя и хрипя, пробили десять. Все тихо въ домикѣ Анисьи Петровны,—и хозяйка и жильцы ея спятъ...

Да, точно заведенное колесо, тянется жизнь... Но, впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ колесо это всегда тихо вертѣлось; случается, оно и поскрипываетъ... Вавилычъ не разучился ворчать. Попрежнему журитъ онъ «его благородіе» и говоритъ, что «такъ жить не резонъ...»

— Да какъ же, помилуйте!—брюзжитъ онъ.—На что это похоже!.. Вотъ хошь бы табакъ теперь... Да... Сколько вы табаку изведете!.. Безъ трубки, то-ись, ни встать ни лечь. Надо бы поберечь деньги-то...



— Да какъ же, помилуйте! — брюзжитъ Вавилычъ. — На что это похоже!.. Сколько вы табаку изведете!

— Да развѣ не берегу? — спрашиваетъ Снѣжковъ.

— Что толковать: бережете!.. Эхъ баринъ, баринъ!.. Взялъ бы вотъ васъ, да и... Ну, да чего тутъ... Пенсіи много вы получаете? Рубль - два, обчелся... А надо туда, сюда. Говядина, напримѣръ... Приступу нѣтъ къ говядинѣ... А вѣдь, небось, любите щечки-то... Да... Въ прошлую пятницу сколько было? Пятнадцать рублевъ было! Гдѣ же они?

Снѣжковъ молчитъ.

— Нищій тогда пришелъ, старичишка... Знаю я его хорошо: пьяница... Только бы ему стянуть что... А вы сколько дали?

— Да три рубля далъ... Что глаза выпучилъ? Пятеро ребятишекъ, жена больная, работы нѣтъ...

— Гмъ... Точно работы нѣтъ... Какая работа... Такъ три рубли? По - моему, три копейки, — и за глаза... Мало ли здѣсь ихъ, голодныхъ-то, — всѣхъ не накормишь...—Ребята вонъ тоже,—продолжаетъ онъ, — шутка сказать!.. Тому пряниковъ фунтъ, тому леденцовъ... Посчитайте-ка, сколько выйдетъ?

— Оставь, Вавилычъ,—бормочетъ Снѣжковъ,— надоѣлъ...

— То-то вотъ, надоѣлъ... Прежде, бывало, — птички... Ну, что птички?.. Купишь имъ сѣмени коноплянаго фунтъ, — пять копеекъ... Ну, а теперь-то?

— Ступай вонъ, пожалуйста!

— И уйду!

И опять, какъ и прежде въ былые годы, Снѣжковъ выгоняетъ Вавилыча, а Вавилычъ уходитъ, говоря, что такъ жить нельзя...

Ссорятся старики, каждый день ссорятся... А, впрочемъ, какія же это ссоры! Нисколько не нарушаютъ онѣ ихъ *мирной*, спокойной жизни... Невольно вспоминается мнѣ, читатель, такая картинка. Случалось ли вамъ бывать когда-нибудь въ теплый весенній вечеръ въ запущенномъ, старомъ саду? Тихо, спокойно стоятъ березы и липы; бесѣдка ветхая, полуразвалившаяся выглядываетъ изъ-за ихъ зеленыхъ вѣтвей... Вонъ прудъ съ перекинутымъ черезъ него легкимъ мостикомъ... Точно какъ зеркало, стоятъ тихія спокойныя воды; небо отражается въ нихъ... Но вотъ налетѣлъ вѣтерокъ: зашелестили листочки деревьевъ; прошла легкая зыбь по гладкой, зеркальной поверхности; еще мигъ — и опять все тихо, спокойно...

— Ты это откуда лѣзешь? А?—сердито кричалъ Вавилычъ и схватилъ за воротъ худенькаго мальчугана, проскользнувшаго было въ полуотворенную дверь кухни.—Чего надо?

— Дѣдушку бы мнѣ повидать, Петръ Вавилычъ... барина,—робко забормоталъ тотъ.

— Зачѣмъ тебѣ барина?

— Надо бы... Дѣльце одно...

— Денегъ опять, видно? А? Денегъ, шельмецъ?

Мальчикъ молчалъ.

— Кого это ты тамъ, Вавилычъ?—послышался голосъ Снѣжкова, и старикъ съ своимъ обычнымъ добродушіемъ вошелъ въ кухню.

— Да вотъ тутъ опять этотъ... Какъ его... Шляются только...

— А, это ты, Павлуша!—улыбнулся Снѣжковъ.—Здорово, голубчикъ. Что скажешь? Проходи, проходи...

Вавилычъ сердито фыркнулъ и захлопнулъ дверь.

— Тятенька къ вамъ послалъ, дѣдушка,—говорилъ мальчикъ.—Кланяться приказалъ... Чижика купить не желаете ли? Славный у насъ чижичекъ есть, зимовалый; важно поетъ... Дешево, говоритъ, отдалъ бы: деньги больно нужны...

— Чижика? Гмъ... Чижика... Да ты сядь, Павлуша.

— Ничего, постоимъ-съ.

— Видишь въ чемъ дѣло-то, братецъ,—началъ Снѣжковъ, закуривая трубку и расхаживая по комнатѣ. — Чижиковъ я любилъ прежде, очень любилъ... И чижиковъ, и канареекъ, и соловьевъ, и жаворонковъ, — о, очень любилъ... Клѣтокъ до сорока у меня было... Ну, а потомъ... гмъ... потомъ разлюбилъ я... то - есть оно не то, чтобы совсѣмъ разлюбилъ, а такъ... Расходъ,

видишь, на нихъ очень большой, да и этотъ опять, старый-то хрычъ,—понизилъ голосъ Снѣжковъ и кивнулъ головой по направленію къ кухнѣ... Хе-хе-хе! Ворчать очень ужъ сталъ... А тутъ какъ разъ—война... Я и продалъ всѣхъ гуртомъ... Теперь вотъ только одного и держу...

— Такъ, стало-быть, и не надо?—грустно спросилъ Павлуша.

— Не надо, голубчикъ... А ты говорилъ, деньги больно нужны?

— Больно нужны, дѣдушка: гроша мѣднаго въ домѣ нѣтъ...

— Гмъ...

Снѣжковъ тяжело вздохнулъ и опять зашагалъ по комнатѣ.

— Да, деньги... деньги...—бормоталъ онъ. — Презрѣнный металлъ... Послушай-ка, милый,— остановился онъ вдругъ передъ мальчикомъ,— много нужно вамъ? А?

— Денегъ-то, дѣдушка?

— Ну, да, да...

— А хоть бы съ рубликъ.

— Гмъ... Погоди-ка.

Снѣжковъ выдвинулъ одинъ ящикъ комода, перетряхнулъ лежавшее тамъ старенькое бѣлье, и пожалъ плечами; затѣмъ выдвинулъ второй ящикъ, вытащилъ оттуда связку пожелтѣвшихъ бумагъ и тоже перетряхнулъ ихъ.

— Ни гроша...—пробормоталъ онъ.—Ахъ, Господи!

— Да, да, постой-ка,—вспомнилъ Снѣжковъ.—Поди-ка сюда, Павлуша!

— Что, дѣдушка;

— Вотъ что, голубчикъ,—таинственно зашепталъ старикъ. — Поди-ка сюда, поди-ка... Вотъ это,—онъ снялъ со стѣны ружье съ серебряною насѣчкою.—Рублей полтораста стоитъ... Возьми, заложи...

— Ну, нѣтъ ужъ, ваше благородіе,—влетѣлъ вдругъ, какъ бомба, Вавилычъ.—Это ужъ не резонъ, — какъ вамъ угодно-съ... Изъ-за рубля да такую вещь закладывать... Пропадетъ еще...

Снѣжковъ сконфузился, оторопѣлъ.

— Да что же это... что же, Вавилычъ...—забормоталъ онъ.—Тебѣ-то какое дѣло?

— Нельзя, ваше благородіе: вещь денегъ стоитъ, а пропадетъ ни за грошъ.

— Да вѣдь ему рубль нуженъ, а у меня нѣтъ. Понялъ?..

— Какъ не понять. Достанемъ... Поди-ка сюда!—кивнулъ онъ Павлушѣ.—Не бойся, чего сталъ,—не съѣмъ...

Тотъ робко шагнулъ за нимъ въ кухню.

— А вы, ваше благородіе,—притворилъ дверь Вавилычъ, — и здѣсь оставайтесь, — безъ васъ справимся...

— Однако, братецъ ты мой...—заворчалъ Снѣжковъ,—какую онъ волю взялъ!..

— Никакой я воли не бралъ... Поди-ка сюда, малецъ!

Вавилычъ, шутя, взялъ мальчика за ухо и втянулъ его въ кухню. Цѣлковый тебѣ? Да?

— Просилъ тятенька.

— То-то вотъ: просилъ тятенька... Меньше бы онъ къ косушкамъ-то прибѣгалъ,—больше бы и цѣлковыхъ было въ карманѣ...

— Съ горя,—говоритъ все,—Петръ Вавилычъ, работы нѣтъ, долговъ куча...

— Знаемъ мы тоже... Ну, да ладно ужъ, что съ вами дѣлать—возьми...

Павлуша весело улыбнулся и протянулъ руку.

— Не торопись, погоди. Не въ карманѣ у меня деньги-то—ниже...

Вавилычъ разулся, развертѣлъ грязную и ветхую портянку и вытащилъ оттуда желтенькую бумажку.

— На вотъ, отдай тятькѣ да скажи ему: коли онъ еще ежели, такъ я ему...

— Ладно, дѣдушка, Петръ Вавилычъ! Спасибо—поклонился Павлуша.

— Э, да постой, постой!.. Жрать вѣдь, поди, хочешь? А? Что ѣли сегодня?

— Толокно ѣли...

— А-а... Ну, такъ на, вотъ тебѣ,—ѣшь, шельмецъ!

Вавилычъ вытащилъ изъ печи горшокъ щей и налилъ тарелку мальчику.

— Да чтобы все было съѣдено, слышишь? Не то за воротъ вылью...

Павлуша не заставилъ просить себя.

— Ишь вѣдь онъ жретъ-то какъ!—любовался Вавилычъ. — Точно съ осени не кормили... Ну, ѣшь, ѣшь, малецъ... Только смотри у меня!— онъ сердито погрозилъ пальцемъ. — Коли еще придешь барина безпокоить, такъ я тебѣ... Знаешь крапиву? Пробовалъ? Баринъ у меня старый, больной, — ему отдохнуть надо... Ну, что, все съѣлъ? Проваливай! Куча у меня дѣлъ-то, хоть разорвись...

И Вавилычъ подзатыльникомъ выпроводилъ мальчика изъ дверей...

Было ненастное, осеннее утро; по небу тамъ и сямъ плыли густыя, темныя облака; крупный и частый дождь барабанилъ по стекламъ... Жалобно, заунывно вылъ вѣтеръ въ трубѣ... Въ комнатѣ штабсъ-капитана, слабо освѣщенной лампадкой передъ иконами и чуть-чуть мерцающимъ огонькомъ въ печкѣ, пахло лѣкарствами... Блѣдный и исхудалый лежалъ Снѣжковъ на кровати и тяжело дышалъ... Маленькая, угловатая фигурка его рѣзко выставлялась изъ-подъ стеганаго ситцеваго одѣяла. Старикъ сильно вздрагивалъ и

открывалъ глаза; при каждомъ порывѣ рѣзкаго вѣтра на лицѣ его выражалась страшная мука, страданія. Замѣтно было, что онъ съ трудомъ подавлялъ стоны, готовые вырваться изъ его впалой, конвульсивно вздымавшейся груди.

Скрипнула дверь, и въ комнатѣ показался Вавилычъ. Робко, на цыпочкахъ подошелъ онъ къ кровати, заглянулъ больному въ лицо...

— Спите, ваше благородіе?—прошепталъ онъ.

Снѣжковъ вздрогнулъ, окрылъ глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ, Вавилычъ, не сплю... До сна ли...

— Полегче вамъ?

— Гдѣ ужъ полегче... Хуже все, хуже... Тѣло болитъ, кости ноютъ, ломаетъ... Въ жаръ кидаетъ, въ ознобъ...

Вавилычъ тяжело вздохнулъ и провелъ по глазамъ ладонью.

— Вотъ то-то и есть, ваше благородіе,—съ укоромъ заговорилъ онъ и присѣлъ на кровати, въ ногахъ больного.—Вѣдь сколько разъ говорилъ вамъ: эй, берегитесь: осень теперь, холодъ, вѣтры стоятъ, долго ли простудиться да захворать?— Ничего, молъ, Вавилычъ,—Богъ милостивъ... Ну, вотъ, такъ и случилось... Шарфикъ теперь купить бы, — продолжалъ онъ. — Сколько разъ я настаивалъ: шарфикъ купите, ваше благородіе!.. Шею тамъ повязать, что ли, — все же теплѣе... и стоитъ - то онъ всего гривенъ шесть, либо семь... Нѣтъ, не купили!.. Носки опять

шерстяные... Который вы годъ носки собирались купить? Денегъ у васъ, что ли, не было? Слава те, Господи: двадцать дюжинъ купили бы... Какъ можно! Зачѣмъ!.. Мы эти деньги, молъ, лучше Яшкѣ сапожнику отдадимъ: пусть пропиваетъ... Э-эхъ, баринъ, баринъ!—вздохнулъ Вавилычъ.—И вѣчно вы такъ, отъ юности да до старости... Тридцать пять лѣтъ вмѣстѣ жили, а ни одного, то-ись, разу не было, чтобы вы деньги на что дѣльное издержали... Все такъ, на вѣтеръ, на пустяки!.. А что, если этакъ прикинуть?..— И Господи Боже мой сколько теперь въ долгахъ пропало! Сколько опять побирушкамъ разнымъ да пьяницамъ роздали! Страхъ даже беретъ!..

— Ну, ладно, ладно, старый ворчунъ,—молчи ужъ,—слегка улыбнулся Снѣжковъ.—Знаю я тебя тоже... Ну, издержалъ... Что же такое, что издержалъ? Одинъ я, сирота круглый: ни отца, ни матери, ни жены, ни дѣтей... Куда мнѣ было дѣваться съ деньгами?

— Какъ куда? Деньги всегда нужны... Э, да чего ужъ тутъ!—махнулъ рукою Вавилычъ.—Съ вами вѣдь не столкуешь... Лѣкарство-то принимали сегодня?

— Нѣтъ...

— Какъ нѣтъ! Да что же вы, ваше благородіе, какъ вамъ не стыдно!.. А что вчера докторъ сказалъ?

— Все равно не поможетъ... Да ты постой, постой, сядь... Чего руками махать... Не поможетъ... Плохо мнѣ, старина, очень плохо, — конецъ подходитъ... Чувствую, что не сегодня—завтра—ау!..

— Глупости, баринъ, пустое!.. Такъ, блажь лѣзетъ вамъ въ голову... Помните тоже тогда, горячку-то?

— Да то тогда... Тогда вѣдь мнѣ двадцать съ небольшимъ было, ну, а теперь,—посчитай-ка..

— И теперь все равно,—поправитесь... Такія ли болѣзни проходятъ... Да вотъ чего лучше... Былъ у меня дѣдушка, баринъ, ветхій-преветхій такой старичокъ... Совсѣмъ помиралъ: исповѣдался, причастился; духъ ужъ занялся, холодѣть сталъ... Да вдругъ и поправился. Пять лѣтъ еще послѣ того на печкѣ покашливалъ... Вотъ оно что!—весело заключилъ Вавилычъ.

Но тутъ взглядъ его упалъ на больного: мертвенно - блѣдный, худой; грудь тяжело подымается... Старикъ отвернулся и смахнулъ рукавомъ выкатившуюся изъ глаза слезу... Низко понурилъ онъ голову...

— Да ты плачешь никакъ, Вавилычъ?—спросилъ Снѣжковъ.

— Пла-ачу? Это я плачу?—встрепенулся Вавилычъ и улыбнулся.—Да мнѣ съ чего плакать-то, ваше благородіе? Добро бы еще худо вамъ было...

— Такъ ты не вѣришь мнѣ?

— Въ жизнь не повѣрю!.. Такъ просто—попростудились... Выпейте-ка вотъ эту скляницу,—какъ рукой сниметъ... Однако, пора ужъ...—Откройте-ка ротъ!

— Да не хочу я...

— Какъ: не хочу я! Помилуйте!.. Что же такое... Вѣдь это, наконецъ, ни на что ужъ непохоже...

— Ну, ладно, ладно, давай,—и Снѣжковъ проглотилъ микстуру.

— Вотъ и отлично!—совсѣмъ ужъ весело заговорилъ Вавилычъ.—Теперь десять часовъ; въ двѣнадцать опять примемъ... А тамъ уснете вы хорошенько; тулупчикомъ укрою васъ—пропотѣете... Смотришь, къ завтраму и полегчаетъ...

— Да, полегчаетъ... къ завтраму...—грустно улыбнулся Снѣжковъ.—Однако, присядь, Вавилычъ. Поговорить съ тобой надо...

— Да мнѣ не совсѣмъ бы свободно, ваше благородіе: посуда еще не мытая...

— Ну, подождетъ посуда... Садись.

Вавилычъ присѣлъ.

— Тридцать пять лѣтъ вмѣстѣ прожили,—говорилъ Снѣжковъ слабымъ голосомъ.—Да, тридцать пять лѣтъ,—шутка сказать!.. Точно какъ нянька, ухаживалъ ты за мной, старина... Много ты для меня сдѣлалъ... Дай руку твою, ворчунъ!.. Да ну же скорѣй!..

Вавилычъ нехотя какъ-то протянулъ ему свою заскорузлую, слегка дрожащую руку.

— Спасибо, старикъ!.. За все твое добро, за всѣ ласки—спасибо...

— Да я уйду, ваше благородіе, коли такъ!—рванулся Вавилычъ.—Какія еще тамъ спасиба...

— Ну, ладно, ладно... Садись... Денегъ у меня нѣтъ, самъ знаешь,—и не бывало... Вещей цѣнныхъ немного: ружья, шашка, кинжалъ... Продай ихъ... Рублей 300—400 выручишь... Только... Сотни бы тысячъ тебѣ за доброту за твою, да жаль, нѣтъ ихъ...

— Ругаться буду, ваше благородіе,—заворчалъ Вавилычъ,—ей Богу буду ругаться...

— Семену рублей десять дай... пятнадцать, пожалуй... Плохо ему живется, бѣднягѣ... Который годъ мается...

— Меньше бы пьянствовалъ...

— Ладно... Не осуди, не осужденъ будеши... Старушкѣ этой... какъ ее... Маленькая такая, горбатая?

— Аксинья?

— Да, да, Аксинья... Дай ей рублей пятокъ. Пусть Бога помолитъ... Ну, а прочее себѣ все возьми...

— Да полноте вы глупости говорить, ваше благородіе!—не то съ досадой, не то съ отчаяніемъ заговорилъ Вавилычъ.—Сто лѣтъ еще проживете, меня схороните...

— Ну, хорошо, хорошо... Гробъ закажи самый простой, сосновый, некрашеный. Да чтобы на

рукахъ несли; дрогъ не надо—сохрани Богъ!.. А могилу ты вотъ гдѣ вели вырыть... Знаешь, тамъ, отъ церкви направо, ивы растутъ... Четыре ихъ, кажется, или пять... Часто я, бывало, тамъ сиживалъ—соловья слушалъ... Лучше будетъ какъ-то лежать, спокойнѣе... Ребятишки тоже туда ходятъ играть... Какъ это тамъ у Пушкина?.. Да, да...

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!..

Но Вавилычъ не слушалъ: онъ, какъ ошпаренный, вдругъ вскочилъ и убѣжалъ въ кухню...

Быстро несутся по небу темныя тучи; дождь льетъ, какъ изъ ведра; жалобно, заунывно воетъ вѣтеръ... Снѣжковъ заснулъ, но не спокойнымъ, укрѣпляющимъ сномъ, а тяжелымъ и лихорадочнымъ... Тяжко вздымается его впалая грудь; дыханіе съ трудомъ вылетаетъ изъ нея... Онъ бредитъ...

Вотъ представляется ему Севастополь... Густой черный дымъ отъ пушечныхъ и ружейныхъ залповъ затемняетъ солнечный свѣтъ и превращаетъ день въ вечеръ... Пальба, лязгъ скрещиваемыхъ штыковъ, вопли, стоны, проклятія, свистъ пуль, глухой гулъ пролетающихъ ядеръ... И вдругъ,—

страшный трескъ, — земля дрогнула, затряслась: взорвало гдѣ-то пороховой погребъ... А вотъ Малаховъ курганъ... Какъ кошки, лѣзутъ, карабкаются на него французы: ружье въ рукѣ, сабля въ зубахъ... Все ближе и ближе... «Въ штыки! — кричитъ Снѣжковъ не своимъ голосомъ. — Не выдай, братцы!.. Бей ихъ, разбойниковъ!.. Знамя, знамя, ради Христа!..» Удушливый дымъ ѣстъ глаза, спираетъ дыханіе... Что-то горячее брызнуло вдругъ въ лицо, это — кровь... Но тутъ все скрывается въ какомъ-то туманѣ... Снѣжковъ шатается, падаетъ на груду мертвыхъ, обезображенныхъ тѣлъ... Страшная боль въ ногѣ, въ головѣ. «Командира убили!» слышится смѣлый голосъ рядового Гвоздилки. «Коли ихъ!..» Снѣжковъ теряетъ сознаніе, но все еще крѣпко сжимаетъ въ рукѣ древко разорваннаго въ клочки, забрызганнаго кровью знамени... Но вотъ туманъ начинаетъ проясняться... Лазаретъ... Всюду, на койкахъ, на полу, лежатъ раненые солдатики... Стоны и вопли... Врачи съ засученными по локоть, окровавленными руками бѣгаютъ туда и сюда... *Moritur* [1])!.. *Moritur*!.. *Moritur*!.. слышится то и дѣло въ палатѣ спокойный голосъ хирурга. «Убрать!..» И вотъ изъ всей этой толпы снующихъ взадъ и впередъ людей съ носилками, компрессами, полотенцами, изъ всѣхъ этихъ су-

---

[1]) *Moritur*—умеръ (лат.).

ровыхъ, нахмуренныхъ лицъ, закоптѣлыхъ отъ дыма, выдѣляется одно лицо доброе, симпатичное... «Вавилычъ!.. Вавилычъ!..» шепчетъ Снѣжковъ. Какъ мать надъ больнымъ, умирающимъ сыномъ склоняется надъ нимъ Вавилычъ... Слезы ручьемъ текутъ по его смуглымъ щекамъ и падаютъ на окровавленное одѣяло...

То видитъ Снѣжковъ свою маленькую, чистенькую квартиренку... Горячіе лучи іюльскаго солнышка снопами бьютъ сквозь стекла, окна, золотятъ чисто вымытый полъ... На потолкѣ, на стѣнахъ, на окнахъ—вездѣ клѣтки, клѣтки и клѣтки .. Чижики, канарейки, жаворонки, соловьи... Пѣнье, щебетанье, чириканье... Вонъ запѣла синичка-любимица... Вонъ старый чижикъ съ выщипаннымъ хвостомъ затянулъ какой-то веселый мотивъ... Весело такъ, тепло на сердцѣ Снѣжкова,—и онъ улыбается...

. . . .

Опять скрипнула дверь... Въ комнату вошелъ какой - то высокій, худощавый господинъ, въ очкахъ. Онъ подошелъ къ постели больного, откинулъ одѣяло, послушалъ пульсъ... Вавилычъ, блѣдный, съ заплаканными глазами, такъ и замеръ, какъ статуя, у дверей...

— Славу Богу, кризисъ миновалъ,—проговорилъ докторъ.—Еще бы немножно— и былъ бы у праотцевъ...

Вавилычъ едва не упалъ. Слезы ручьемъ хлынули изъ его глазъ.

— Да развѣ... развѣ уже такъ былъ опасенъ, ваше высокоблагородіе...—почти простоналъ онъ.

— Да.

И докторъ вышелъ...

Жалобно, заунывно воетъ вѣтеръ въ трубѣ; дождь барабанитъ по стекламъ... Слабо, чуть-чуть мерцаетъ лампадка передъ иконой... Снѣжковъ спитъ тихимъ, спокойнымъ сномъ... Вотъ онъ открылъ глаза и какъ-то радостно остановилъ ихъ на старикѣ.

— Ваше благородіе!.. Баринъ!.. Голубчикъ вы мой!—зарыдалъ вдругъ Вавилычъ и рухнулся на колѣни передъ кроватью...





Своимъ трудомъ.

I.

Жаркое лѣтнее утро; солнце немилосердно палитъ. Печально поникли листы на деревьяхъ, поникла, пожелтѣла придорожная травка... Въ душномъ и спертомъ воздухѣ ни малѣйшаго вѣтерка. По пыльной, избитой колеями дорогѣ тащится тарантасъ, запряженный тройкой здоровыхъ, сытыхъ лошадокъ. Въ тарантасѣ сидитъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, съ темно-русыми, слегка вьющимися волосами и загорѣлымъ лицомъ, опушеннымъ рѣдкой бородкой. Подлѣ него помѣстился мальчикъ лѣтъ тринадцати-четырнадцати, въ старенькой пестрядинной рубашкѣ, съ разстегнутымъ воротомъ и съ узелкомъ за плечами...

Медленно, шагъ за шагомъ, плетутся усталыя лошади; колокольчикъ уныло позвякиваетъ... Сѣденькій старичокъ-ямщикъ лѣниво подергиваетъ вожжами...

— Фу ты жарища какая!—говоритъ молодой человѣкъ, снимая шляпу и отирая платкомъ мокрый лобъ. — Даже дышать тяжело... А тебѣ развѣ не жарко, Яша?—обращается онъ къ своему спутнику.

— Мнѣ?.. Нѣтъ, ничего, мнѣ не жарко,—отвѣчаетъ тотъ.

— Какъ не жарко!—усмѣхается молодой человѣкъ.—А погляди, какъ вспотѣлъ...

И точно, по страшно загорѣлому, запыленному лицу мальчика, съ правильными осмысленными чертами, съ бойкими глазками, потъ такъ и течетъ крупными каплями, прокладывая въ пыли грязные ручейки и дорожки...

— Такъ у тебя, говоришь, родные тамъ, въ Павловѣ?—спрашиваетъ опять молодой человѣкъ.

— Родные, дяденька. Сродственникъ одинъ дальній по матери.

— Гмъ... Замочному ремеслу хочешь учиться?

— Замочному, дяденька. Впрочемъ, тамъ посмотрю... Можетъ, и по кузнечной части пойду,—не знаю... Мнѣ все едино,—лишь бы кормиться...

— Да, лишь бы кормиться...—задумчиво проговорилъ молодой человѣкъ.—Такъ вся деревня сгорѣла?

— Вся, дяденька,—хоть шаромъ покати.—Голосъ мальчика слегка дрогнулъ. Онъ отеръ рукавомъ выкатившуюся изъ глаза не то слезу, не то каплю пота.—Вышли мы это на сѣнокосъ...

Луга у насъ за деревней, верстахъ въ четырехъ... Ну, косимъ себѣ, не думаемъ ни о чемъ... Вдругъ видимъ: дымъ... Господи! Не пожаръ ли?.. Побѣжали, какъ угорѣлые,—да гдѣ ужъ! Такъ вся деревня изъ конца въ конецъ полымемъ и занялась... Мало кому удалось пожитки спасти,—все погорѣло... У дяди Семена дочка сгорѣла,—дѣвчонка лѣтъ пяти... Совсѣмъ мужикъ ошалѣлъ... У насъ тоже вотъ...—Мальчикъ опять шмыгнулъ рукавомъ по глазамъ. — Никакъ одинъ только тулупъ и вытащили изъ полымя... Ну, тятька въ Питеръ пошелъ по малярной части (маляръ онъ); мамка—къ Ѳедору Павлычу, мельнику, въ работницы нанялась, а я вотъ въ Павлово нарядился... Что Господь Богъ пошлетъ...

Онъ замолчалъ. Тихо уныло позвякивалъ колокольчикъ; тихо плелись усталыя лошади. Старый ямщикъ закурилъ трубочку и что-то мурлыкалъ себѣ подъ носъ; молодой человѣкъ откинулся на спинку сидѣнья и уставилъ глаза въ какую-то точку...

— Э, вонъ и Павлово!—очнулся вдругъ онъ.— Стой, Савельичъ!

Лошади остановились.

По берегу неширокой рѣки, спокойной и гладкой, какъ зеркало, возвышалась гряда красноватыхъ уступовъ съ раскинувшимися на нихъ избушками... На плоскомъ берегу, поправѣе, зеленѣла небольшая дубовая рощица. Тамъ и сямъ,

по обрывамъ овраговъ, лѣпились цѣлыя группы и маленькихъ деревенскихъ лачужекъ, и домиковъ, и домовъ, построенныхъ на городской манеръ, съ красными и зелеными крышами... Надъ ними высоко поднимались колокольни каменныхъ и деревянныхъ церквей; ярко горѣли и переливались на солнцѣ золоченыя главы... Вонъ пестрѣетъ базарная улица; тянется мостъ... Койгдѣ виднѣются каменные дома, возвышаются трубы кузницъ, заводовъ... Это не село, это — городъ, и городъ не маленькій... Впрочемъ, немудрено. Въ селѣ Павловѣ (Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи) считается болѣе десяти тысячъ жителей и полуторы тысячи однихъ *деревянныхъ* домовъ; много слесарныхъ и точильныхъ заведеній и мастерскихъ, мѣднолитейныхъ, прядильныхъ, красильныхъ и кирпичныхъ заводовъ...

— Господи, благодать-то какая! — не удержался Яша, жадно пожирая глазами раскинувшуюся передъ нимъ картину. — Да это городъ, дяденька, цѣлый городъ... Куда противъ него наша Парменовка... Такъ мнѣ, значитъ, все прямо идти?

— Все прямо, голубчикъ, все прямо... Тамъ тебѣ скажутъ, гдѣ родственникъ твой живетъ... Да его какъ зовутъ-то? Можетъ-быть, я не знаю ли?

— Дядя Степанъ зовутъ.

— Ну, этого мало, что «дядя Степанъ», — улыбнулся молодой человѣкъ. — Прозывается-то онъ какъ?

— Степанъ Воронинъ, дяденька. Коренной онъ здѣшній, изъ Шереметьевскихъ...

— Воронинъ... Воронинъ... Нѣтъ, не слыхалъ что-то... Да ты ступай; тамъ скажутъ,—найдешь... Ну, прощай, дай Богъ счастливо... Не забудь, что давеча говорилъ: въ случаѣ, коли нужда будетъ какая,—прямо ко мнѣ обращайся... Усадьба Веселкино, Викторъ Андреевичъ Хребтовъ, — всякій укажетъ... Хребтовъ, смотри, не забудь... Слышишь?

— Нѣтъ, дяденька, не забуду. Спасибо вамъ. Дай вамъ Господи здоровья и счастья.

— Ну, ладно, ладно. Прощай... Трогай, Савельичъ!

Лошади тронулись. Тарантасъ свернулъ въ сторону отъ дороги въ село и скоро исчезъ въ облакѣ пыли...

Точно очарованный, шелъ Яша по улицамъ Павлова, чуть не на каждомъ шагу останавливаясь и тараща глаза на каменныя зданія, церкви, заводы... Чистенькіе, уютные домики зажиточныхъ павловскихъ фабрикантовъ съ ярко выкрашенными крышами, съ садиками, огородами казались ему чуть не палатами. И нѣтъ ничего удивительнаго. Мальчикъ всю жизнь не покидалъ бѣдной, убогой деревушки Парменовки, гдѣ онъ родился и росъ, и никогда ничего не видалъ, кромѣ дымныхъ, покосившихся на бокъ,

лачужекъ съ крытыми соломою кровлями да такихъ же черныхъ и дымныхъ овиновъ. Немудрено, что Павлово показалось ему чуть не раемъ...

Долго шелъ мальчикъ по улицамъ и, несмотря на раннюю пору, ему не встрѣтился ни одинъ человѣкъ; разъ только пробѣжала мимо него собака съ поджатымъ хвостомъ и юркнула куда-то въ ворота—и больше нигдѣ ни души...

«Да что это, спятъ, что ли, всѣ?—думалъ онъ шагая босыми ногами по глинистой, накаленной солнцемъ дорогѣ и оглядываясь по сторонамъ.— Нѣтъ, не спятъ—работаютъ...»

И точно, въ селѣ кипѣла живая лихорадочная дѣятельность. Тамъ и сямъ, изъ трубъ кузницъ, фабрикъ, заводовъ вырывались клубы чернаго дыма. Откуда-то доносилось шипѣнье парового котла, грохотъ машины... Воздухъ буквально наполненъ былъ стукомъ и громомъ... Вонъ мѣрно, разъ за разомъ, раздаются тяжелые удары молота въ кузницѣ; имъ вторятъ рѣзкія и частыя постукиванія молотковъ по наковальнямъ... Изъ каждой избушки, изъ каждаго домика тоже несутся стуки и стуки... Вонъ въ одномъ домикѣ слышатся глухіе, отрывистые удары, точно прибиваютъ, сколачиваютъ что-то небольшимъ молоткомъ; вонъ изъ другого несутся рѣзкіе, визгливые звуки пилы по желѣзу...

Яша остановился у какого-то большого зданія, мрачной наружности, съ вывѣской вдоль фасада

и высокой дымовою трубой. На дворѣ, заваленномъ кучами дровъ и угля, копошился надъ чѣмъ-то высокій, худощавый старикъ, съ закоптѣлымъ отъ дыма лицомъ, босой, въ рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ...

— Дѣдушка, а дѣдушка!—робко окликнулъ Яша.

Но дѣдушка упорно молчалъ. Весь углубленный въ свою работу, онъ даже не повернулъ головы.

— Дѣдушка!— крикнулъ Яша погромче.

Старикъ взвалилъ, кряхтя и охая, на плечи вязанку дровъ и, все не замѣчая мальчика, скрылся за дверью дома.

«Эхъ, досада какая!» подумалъ Яша и рѣшился послѣдовать за старикомъ.

Страшный гулъ и шумъ паровой шлифовальной машины чуть не оглушилъ мальчика, когда онъ отворилъ дверь мастерской. Въ довольно большой комнатѣ, съ сырыми, нештукатуренными стѣнами и узкими окнами работало у быстро вертящихся шлифовальныхъ колесъ десятка два-три блѣдныхъ, изнуренныхъ мастеровыхъ, съ мокрыми отъ пота лицами и волосами... Грохотъ машины былъ такъ великъ, что нельзя было иначе переговариваться, какъ крича во все горло... Въ душномъ и спертомъ воздухѣ носилась какая-то тонкая, острая пыль. Яша страшно закашлялся... Молча стоялъ онъ, разинувъ ротъ, на порогѣ и

удивленными глазами слѣдилъ за кипѣвшей работой... Онъ видѣлъ, какъ брали рабочіе изъ груды лежавшихъ на столѣ необдѣланныхъ желѣзныхъ вещей темные, почти черные клинки бритвъ и ножей, поднимали ихъ къ *личильнымъ* [1]) колесамъ... Быстро вертятся колеса... Жж... жужжатъ клинки и дѣлаются все свѣтлѣй и свѣтлѣй... И вотъ они гладки и блестящи, какъ зеркало... Работникъ откладываетъ ихъ въ сторону и беретъ новые...

Долго стоялъ на порогѣ Яша. Его то и дѣло толкали, и иной разъ довольно чувствительно, выходившіе изъ мастерской, но никто, рѣшительно никто не обращалъ на него никакого вниманія. Наконецъ, онъ рѣшился обратиться къ одному молодому рабочему, парню лѣтъ двадцати, съ добрымъ открытымъ лицомъ и голубыми глазами.

— Дяденька, скажи, сдѣлай милость...

— А-а? Что такое? Не слышу...

— Гдѣ дядя Степанъ живетъ?—крикнулъ Яша чуть не во все горло.

— Какой дядя Степанъ?—проворчалъ парень, прилаживая къ колесу лезвее перочиннаго ножичка.—Мало ли здѣсь дядей Степановъ...

— Степанъ Воронинъ...

— Ась?

---

[1]) *Личильные*—шлифовальные; *личить*—шлифовать (мѣстныя павловскія выраженія).

— Во-ро-нинъ!

— Воронинъ?.. Знаю... Прямо ступай... Тамъ, за оврагомъ, кузница будетъ. За кузницу повернешь,—будетъ дровяной складъ. Такъ тамъ, за складомъ-то, понимаешь? Маленькій домикъ, въ одно окно...

— Спасибо, дяденька...

— Ась?

— Спасибо!—заоралъ Яша.

Парень махнулъ рукой.

— Не слышу, не слышу...—онъ бросилъ въ сторону отшлифованный ножичекъ и взялся за бритву.

Яша поклонился и вышелъ.

— Ну, гдѣ ее тутъ найдешь, эту кузницу?—ворчалъ онъ, опять пробираясь по улицамъ.—За оврагомъ тамъ, говоритъ... А гдѣ онъ, этотъ самый оврагъ?.. Э-эхъ...

«А, вонъ старичокъ идетъ, — обрадовался онъ.—Спрошу у него».

Черезъ дорогу переходилъ, съ трудомъ передвигая ноги и опираясь на палку, низенькій, сгорбленный, весь сѣдой, какъ лунь, старичокъ.

Яша подошелъ къ нему и снялъ шапку.

— Здорово, здорово, кормилецъ,—прошамкалъ старикъ и опять, кряхтя и охая, заковылялъ впередъ.

— Скажи, дѣдушка, сдѣлай милость,—остановилъ его Яша: гдѣ здѣсь дядя Степанъ живетъ? Степанъ Воронинъ...

— Асеньки?

— Степанъ Воронинъ, говорю, гдѣ живетъ?

— Не слышу, кормилецъ, двадцать пять лѣтъ ужъ не слышу.

— Во-ро-нинъ, Сте-панъ!—закричалъ Яша на ухо старику.

Но тотъ только махнулъ рукой да заморгалъ красными, подслѣповатыми глазками...

— Хоть убей, ни единаго слова не слышу,—прошамкалъ онъ и поплелся своей дорогой.

«Ну, ладно, найдемъ какъ-нибудь», думалъ Яша, медленно подвигаясь впередъ и осматриваясь по сторонамъ.

А жаркое іюньское солнце такъ и жжетъ и палитъ... Тяжело, трудно дышать этимъ раскаленнымъ, пропитаннымъ дымомъ воздухомъ; тяжело ступать босыми, растрескавшимися отъ жары ногами по раскаленной дорогѣ... Идетъ Яша, идетъ, останавливаясь то и дѣло и отирая съ лица градомъ катившійся потъ... А навстрѣчу ему со всѣхъ концовъ работающаго села изъ каждой лачужки, изъ каждаго домика несутся стуки и стуки: громкіе и рѣзкіе, слабые, скрипъ, визгъ пилы...

А, наконецъ, слава Богу,—оврагъ... Да, это тотъ самый. Вонъ низенькая, вся черная кузница... Точно вздохи титана, несется изъ ея открытыхъ настежь дверей пыхтѣнье мѣховъ... По дну глубокаго глинистаго оврага, кой-гдѣ заросшаго

такъ и заноетъ... Немудрено, впрочемъ, было печалиться дѣвочкѣ. Дядя Степанъ былъ совсѣмъ плохъ. Еще съ лѣта онъ постоянно жаловался на сильную боль въ поясницѣ, кряхтѣлъ, морщился, но работалъ попрежнему: вставалъ часу во второмъ утра и, почти не разгибая спины, сидѣлъ за верстакомъ до вечера. Но теперь ему становилось все хуже и хуже. Онъ страшно кашлялъ, руки его дрожали... То, что прежде дѣлалъ онъ въ часъ, теперь съ трудомъ могъ сдѣлать въ два - три часа. Случалось нерѣдко, что онъ по цѣлымъ днямъ, не вставая, лежалъ подъ тулупомъ на печкѣ и охалъ... Немудрено, что Дуняша печалилась; немудрено, что хмурилась сухая, черствая тетка Аксинья: не сегодня-завтра дядя Степанъ умретъ, и онѣ останутся безъ опоры. Положимъ, и у нихъ тоже руки, и онѣ будутъ работать, кормиться. Да что же могутъ подѣлать двѣ женщины, изъ которыхъ одна даже и не женщина, а ребенокъ?..

Одинъ только Яша работалъ неутомимо. Всю недѣлю, вплоть до субботняго вечера, сидѣлъ онъ за верстакомъ и бойко постукивалъ молоточкомъ... Работа такъ и кипѣла въ его проворныхъ рукахъ. Онъ понималъ, что не приложи - ка онъ побольше стараній, — семья, навѣрное, пять дней въ недѣлю сидѣла бы впроголодь: и то ужъ давно во щахъ исчезла говядина и солонина, — ихъ замѣнялъ только свиной жиръ, да и то не

въ завидномъ количествѣ. И мальчикъ работалъ...

— Да полно ты, Яша, полно, голубчикъ, умаешься!—говорилъ иной разъ дядя Степанъ.— Ну, надо и поработать, надо и отдохнуть... Погляди, сколько ты сегодня замочковъ надѣлалъ!.. Вѣдь это и мнѣ впору бы... Отдохни-ка, давай, отдохни...

— Не усталъ, дядюшка!—отвѣчалъ Яша и еще усерднѣе работалъ напильникомъ.—Ну, вотъ, ей Богу же не усталъ... А что замочки-то... Много ли тутъ замочковъ? Въ прошлую пятницу я ихъ куда больше сдѣлалъ.

— Такъ вотъ, Аксинья,—обращался къ женѣ дядя Степанъ.—Помнишь, какъ ты дармоѣдомъ его называла? Что онъ теперь: дармоѣдъ?

Аксинья молчала и только хмурилась. Легкая краска выступила на ея смуглыхъ щекахъ.

— По міру бы мы, пожалуй, пошли, кабы не онъ.

— Ну, до этого-то, авось, Богъ не допуститъ.

— То-то вотъ: не допуститъ...

Работая за троихъ всю недѣлю, Яша, однако, находилъ время сбѣгать въ воскресенье, подъ вечерокъ, въ кузницу дѣдушки Еремѣя, поглядѣть, какъ старикъ быстро и ловко выковывалъ своими богатырскими руками лезы ножей, ножницъ, вилки, нарѣзывалъ винты. Не разъ онъ и самъ пробовалъ взяться за молотъ (не тотъ молотъ, которымъ работалъ старикъ: тотъ онъ и подни-

каплями лился съ лицъ утомленныхъ работниковъ...

— Дядюшка Воронинъ, Степанъ, здѣсь живетъ?—говоритъ Яша, снимая шапку и оглядывая избу.

— Здѣсь, — отвѣчала женщина, не оборачиваясь.—Чего тебѣ надо?

— Да вотъ, къ вашей милости... Батюшка съ матушкой къ вамъ послали...

— А? Что тамъ?—обернулся дядя Степанъ.— Ко мнѣ?

— Къ тебѣ, дядюшка. Не откажи... Пожаръ у насъ былъ, — погорѣли... Тятька въ Питеръ ушелъ въ маляры, мамка въ работницы нанялась къ Ѳедору Павлычу, мельнику... Такъ вотъ меня къ вамъ и послали... Не оставь, ради Христа...

— Та-акъ!—протянулъ дядя Степанъ, оставляя на минуту подпилокъ.—Совсѣмъ погорѣли?

— Совсѣмъ, дядюшка. Все сгорѣло, что было въ избѣ... Только изъ одежи и успѣли кой-что спасти, самую малость...

— Гмъ... Что станешь дѣлать?—вздохнулъ Степанъ.—На все Божья воля... Жалко Кузьму, жалко Матрену... Люди хорошіе, работящіе... Такъ къ намъ, говоришь?

— Къ вамъ, дядюшка. Не оставь,—низко поклонился Яша.—Вѣчно буду Бога молить...

Дядя Степанъ задумался.

— Ну, вотъ еще!—заворчала женщина. — Самимъ ѣсть нечего, перебиваемся съ хлѣба на квасъ, а тутъ еще нахлѣбника Богъ посылаетъ...— Она съ сердцемъ бросила на верстакъ замочекъ и сердито посмотрѣла на Яшу.—Не по средствамъ, голубчикъ, учениковъ намъ держать... Да и тѣсно у насъ: повернуться негдѣ...

— Аксинья!—крикнулъ дядя Степанъ.—Молчи! Вѣчно ты не въ свое дѣло суешься... Самимъ ѣсть нечего... Ладно... Никто, какъ Богъ,—справимся... Дай вотъ только мнѣ силъ понабраться... Заживетъ поясница...

— Знаю, какъ заживетъ... Третій годъ ломитъ...

— Молчи!—стукнулъ по верстаку Степанъ.— А парня возьму... Не объѣстъ онъ насъ, не обопьетъ... Выучится мастерству,—смотришь, и намъ будетъ полезенъ.

— Когда еще выучится...

— Молчи, говорятъ!.. Яковомъ звать-то тебя?— ласково обратился онъ къ мальчику.

— Яковомъ, дядюшка.

— Да... Помню я тебя еще во какого!—дядя Степанъ поднялъ руку на аршинъ отъ земли.— Выросъ теперь, больно выросъ... Такъ ладно, Яша. Оставайся съ Богомъ у насъ; работай, учись...

— Спасибо, дядюшка.—Яша опять поклонился

— Поѣсть, поди, хочешь? А?

— Н... нѣтъ... не хочу... Сытъ...—замялся мальчикъ...

— Ла-адно!.. Дай-ка ему, Дуня, сижка вчерашняго закусить,—обратился дядя Степанъ къ дѣвочкѣ. — Осталось никакъ?

— Осталось, тятенька.

— Вотъ, не было-то печали, — заворчала Аксинья, сердито работая надъ замкомъ.—Хвостъ тамъ одинъ отъ сига-то остался, — сами бы съѣли...

Дядя Степанъ сердито взглянулъ на нее, и она замолчала.

Черезъ минуту Яша сидѣлъ уже за столомъ, накрытымъ грубой, но чистой скатертью, и за обѣ щеки уписывалъ холодную рыбу.

Семья опять углубилась въ работу... Тишина въ избѣ нарушалась только визгомъ пилы да легкими постукиваніями молоточка... Тетка Аксинья, усердно работая подпилкомъ, не забывала, однако, кидать исподлобья на Яшу сердитые, почти злобные взгляды. Мальчикъ замѣчалъ ихъ и страшно конфузился...

— Покорно благодаримъ, дядюшка,—заговорилъ онъ, вставая изъ-за стола и крестясь на икону. — Спасибо, тетушка..,

— Не за что, не за что,—пробормоталъ дядя Степанъ. Аксинья молчала.

— Хорошо тутъ у васъ,—говорилъ Яша, подходя къ отворенному окну. — Огородикъ вонъ... макъ...

— А это Дуняша по воскресеньямъ балуется,— улыбнулся дядя Степанъ.—Страсть какъ любитъ цвѣточки... Ну, да и не одни тутъ цвѣточки у насъ... Есть и капустка и рѣпка... Все мало-мальски подспорье... Говядинки, иной разъ, купишь полфунтика аль солонинки... Ну, щечекъ сваришь, да и приправишь капусткой да рѣпкой... Все Дунька хлопочетъ...

И онъ съ любовью взглянулъ на дѣвочку. Та подняла отъ работы свое красивое, раскраснѣвшееся личико и весело улыбнулась...

— Вотъ лучше бы за замками-то больше сидѣла,—заворчала опять Аксинья.—Не нашему брату огородами заниматься... Цвѣточки опять... *Цвѣточки!*..—Она усмѣхнулась и еще усерднѣе заработала пилкой...

Дядя Степанъ молчалъ. Онъ только что сдѣлалъ всѣ нужныя части замка и теперь занимался склеиваніемъ ихъ воскомъ... Яша, молча, слѣдилъ за нимъ.

— Трудно, поди, работать-то, дядюшка? — замѣтилъ онъ.

— Н... да, не легко... Поучишься вотъ ужо, такъ узнаешь...

— А зачѣмъ ты ихъ воскомъ-то склеиваешь, дощечки-то эти?

— Зачѣмъ? А затѣмъ, другъ ты мой, что какъ слѣплю я ихъ воскомъ,—такъ коваль, вотъ, и будетъ ихъ спаивать по склейкамъ-то...

— А-а...

— Да... Дѣло-то, братъ, не то что ужъ очень мудреное, а повозиться съ нимъ надо... Вотъ теперь, примѣрно, этотъ самый замокъ...—Онъ взялъ съ верстака совсѣмъ уже готовый, такъ называемый *тульскій* замочекъ. — Ты думаешь, изъ сколькихъ частей онъ состоитъ?

— Не знаю, дядюшка.

— А, не знаешь!.. А вотъ посчитай-ка, такъ и увидишь... Частей двадцать шесть наберется, коли не больше [1]).

— Двад-цать ше-есть!—удивился Яша и вытаращилъ глаза.

— Да...

Опять наступило молчаніе. Постукивалъ молоточекъ, визжала пилка... Мухи, совсѣмъ одурѣвшія отъ жары, тучами носились по комнатѣ, то

---

[1]) Дядя Степанъ нисколько не преувеличивалъ. Если хотите, можете провѣрить сами, читатель. Возьмите обыкновенный висячій замокъ, хоть такъ называемый *рѣпчатый*, и попробуйте разобрать его по частямъ. Вотъ эти части: 1) *Двѣ* доски, составляющія бока коробки, 2) промежуточныя стѣнки между этими досками, 3) *двѣ* накладки, которыя придѣлываются на обѣ стѣнки коробки; одна изъ нихъ, передняя, съ отверстіемъ для ключа, 4) *два* ушка, 5) *два межушка*, т.-е. двѣ пластинки, заложенныя между ушками, 6) *двѣ* клинчатыя подставки подъ межушки, 7) *два* „канта", 8) покрышка, закрывающая коробку сверху, 9) отъ *трехъ* до *четырехъ* мелкихъ пластинокъ, помѣщаемыхъ между ушками, 10) дужка, 11) засовъ, 12) пружина, 13) шпенекъ, 14) кольцо ключа, 15) ожиминка или ободочекъ, находящійся подъ кольцомъ, 16) трубка, 17) бородка ключа.—Сосчитайте все это—и выйдетъ, дѣйствительно, до 26-ти частей. Вотъ что такое *обыкновенный* замокъ!

и дѣло вылетая изъ раствореннаго окна и опять влетая въ него.

— А дорого ли, дядюшка, даютъ за замочки-то эти?—спросилъ опять Яша.

— Всяко бываетъ. По замку и цѣна. *Шведскій* теперь шестьдесятъ копеекъ десятокъ; *тульскій*—сорокъ копеекъ; *рѣпчатый*, коли желѣзный—тоже сорокъ копеекъ, ну, а мѣдный — копеекъ на восемьдесятъ... Рублика полтора-два въ недѣлю все заработаемъ...

— Однако, и пообѣдать пора,—замѣтилъ дядя Степанъ.—Часа два, поди... Тащи-ка, Дуняша, горшочекъ...

Дуняша бросила желѣзныя полоски, молотокъ и вытащила изъ печи дымящійся горшокъ щей. Далеко не аппетитный запахъ попорченной солонины пронесся по всей избѣ, но запахъ этотъ показался, должно-быть, болѣе чѣмъ соблазнительнымъ усталымъ, утомленнымъ работникамъ. Дядя Степанъ потянулъ носомъ воздухъ и улыбнулся.

Аксинья, все еще сердитая и нахмуренная, нарѣзала нѣсколько ломтей хлѣба, достала изъ шкапика большую деревянную чашку, двѣ вилки...

— Господи, благослови!—говорилъ дядя Степанъ, широко крестясь и подхватывая на ложку кусокъ солонины.—А ты-то, что же, голубчикъ?—обратился онъ къ Яшѣ.

дождей... Страшно размыло, испортило узенькую проселочную дорожку, что идетъ отъ Н—скаго почтоваго тракта прямо въ усадьбу Веселкино: лужи, ухабы и лужи... Кой-гдѣ виднѣется ветхій бревенчатый мостикъ, подвижной, какъ фортепіанныя клавиши; кой-гдѣ торчитъ покосившійся межевой столбъ. Дико, уныло, пустынно... Только вѣтеръ рѣзкій, пронзительный, съ воемъ проносится по лѣсу. Вотъ онъ сорвалъ притаившійся между вѣтвей желтый листочекъ и бросилъ его въ грязную лужу... Вотъ налетѣлъ онъ на мокрую поникшую вѣтку березы... Точно слезы, закапали вдругъ съ нея брызги дождя... Гдѣ-то въ лѣсу раздаются заунывные стоны кукушки. Дико, уныло, пустынно...

Старинные стѣнные часы въ усадьбѣ Веселкино только что пробили десять. Викторъ Андреевичъ Хребтовъ, знакомый уже читателю молодой человѣкъ, владѣлецъ усадьбы, въ халатѣ и туфляхъ, прохаживался взадъ и впередъ по залѣ. Въ широкія, завѣшенныя гардинами, окна пробивался слабый свѣтъ осенняго утра; въ дорогихъ зеркалахъ отражались картины въ позолоченныхъ рамкахъ, отражалась въ нихъ старинная мебель; дубовые стулья, обитые голубою шелковою матеріей, съ золочеными гвоздиками, раскрытый рояль Эрара, ноты на пюпитрѣ, двѣ свѣчки въ серебряныхъ, массивныхъ подсвѣчникахъ...

— Фу ты, скука какая! — говорилъ Викторъ Андреевичъ, шагая изъ угла въ уголъ. — Ну, чѣмъ бы заняться теперь? Чѣмъ бы заняться?

Онъ подошелъ къ окну и невольно поморщился. Грустно смотрѣли изъ сада почти совсѣмъ обнаженные столѣтніе клены и липы; грустно смотрѣли дорожки, мокрыя, грязныя, усѣянныя опавшими листьями. Бесѣдка, въ готическомъ стилѣ, сѣрая теперь какая-то отъ дождя, выглядывала изъ-за стараго дуба. Викторъ Андреевичъ отошелъ отъ окна.

«А надо что-нибудь дѣлать! — думалъ онъ, Богъ вѣсть въ который ужъ разъ вымѣривая давно вымѣренную залу. — Но что же? Что, наконецъ? Всталъ въ семь часовъ... Нѣтъ, въ половинѣ седьмого... Кофе... газеты читалъ... Въ восемь приказчикъ явился со счетами... Богъ его знаетъ, что онъ тамъ написалъ: все—цифры и цифры... Сѣно... рожь... пшеница... картофель... яблоки... груши... Надулъ, конечно, какъ Богъ святъ—надулъ, знаетъ, что ничего не смыслю въ хозяйствѣ... Тоска!..

Онъ подошелъ къ роялю, присѣлъ. Въ громадной со сводами залѣ прозвучали два-три аккорда. Канарейка въ клѣткѣ подъ потолкомъ, вздремнувшая было, очнулась, чирикнула. Рѣзкій порывъ вѣтра хлопнулъ гдѣ-то ставнемъ окна... И вдругъ полились чудные. волшебные звуки

— А знаешь, что, Яша? — говорила дѣвочка, пробираясь по заросшей бурьяномъ дорожкѣ. — Бесѣдку я тебѣ свою покажу. Хочешь?

Яша молчалъ. Онъ какъ-то лѣниво подвигался впередъ за своей спутницей, не обращая никакого вниманія на окружающее... Онъ усталъ съ дороги, ему спать... хотѣлось А кругомъ было такъ весело, такъ хорошо... Ярко свѣтило іюньское солнышко, точно золотомъ заливая деревья... Вонъ весело зачирикала какая-то птичка на густой, развѣсистой яблонѣ... Въ душномъ, нагрѣтомъ горячими лучами солнца, воздухѣ разливался легкій ароматъ левкоевъ и мака...

— Сюда, сюда, Яша!—говорила Дуня. — Вотъ тутъ... Погляди-ка, благодать-то какая!..

Подъ тѣнью двухъ яблонь виднѣлось что-то, похожее на бесѣдку... Маленькая дерновая скамеечка... Сквозь вѣтви пробиваются солнечные лучи... Дѣйствительно, благодать!.

— Славно тутъ отдохнуть!—говоритъ Дуня, раскидываясь на скамьѣ. — Работаешь цѣлый день,—устанешь, Господи, какъ устанешь!.. Мамка ворчитъ все, ругается... Тятька вотъ только...

— А глянь-ка, цвѣточки-то, Яша, цвѣточки-то!— вскрикиваетъ вдругъ она, подбѣгая къ маленькой грядкѣ.—Все сама насадила!.. Вотъ тутъ левкоевъ немножко,—отецъ Павелъ далъ; вотъ макъ, царскіе кудри... вотъ ноготки...

— Вставать-то завтра рано ли надо?—огорошиваетъ ее Яша и широко зѣваетъ.

— Вставать? Да лѣтомъ мы встаемъ часу во второмъ или въ третьемъ; ну, а зимой—часу въ первомъ... Въ восемь ложимся...

— Гмъ... Рановато оно...

Дуня молчала.

Въ раскрытое настежь окно слышались легкія постукиванья молоточка, скрипъ пилы о желѣзо... Ярко свѣтило іюньское солнышко... Золотистыя пчелки весело перелетали съ цвѣтка на цвѣтокъ... Откуда-то, издали доносилось шипѣнье парового котла...

III.

Прошло двѣ недѣли. Въ бѣдномъ, убогомъ домикѣ дяди Степана все шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Какъ и всегда, далеко еще до солнечнаго восхода, поднималась семья и тотчасъ же усаживалась за работу. До поздняго вечера Красный оврагъ оглашался визгомъ напильника и постукиваньями молотковъ. Но только теперь работалъ, и очень усердно работалъ, въ семьѣ новый работникъ—Яша. Замочное мастерство, не особенно хитрое въ сущности, но требующее упорнаго, усидчиваго труда, легко далось мальчику. Еще съ первой недѣли по прибытіи въ Павлово, онъ довольно ловко справлялся съ желѣзными полосками и молоткомъ, гвоздиками,

винтиками, шпеньками, — такъ ловко, что дядя Степанъ улыбался только, поглядывая на работу мальчика, да приговаривалъ, что «парень, дескать, не даромъ хлѣбъ ѣстъ» и «толкъ изъ него выйдетъ всенепремѣнно, вотъ только бы Господь Богъ сподобилъ». Даже тетка Аксинья, вѣчно нахмуренная и суровая, не такъ ужъ часто косилась на Яшу, хотя и ворчала иной разъ что-то насчетъ дармоѣдства...

Итакъ, въ двѣ недѣли Яша совсѣмъ освоился, сроднился съ новой семьей. Онъ, какъ родного отца, полюбилъ дядю Степана, добраго, ласковаго человѣка; какъ сестру, полюбилъ Дуняшу. Не легко ему было, правда, на первыхъ порахъ вставать еще до свѣту и тотчасъ же, даже безъ завтрака, приниматься за трудъ. Но мало-по-малу онъ попривыкъ. Любознательный отъ природы, онъ даже заинтересовался работой; ему было пріятно думать, что вотъ и онъ тоже не «какой-нибудь», не «лыкомъ шитъ», какъ говорится; что и онъ тоже «мастеръ», и можетъ сработать настоящій замокъ... Обращались съ нимъ ласково, не бранили, не били. Кормили тоже не дурно, т.-е., по крайней мѣрѣ, сравнительно: кормили тѣмъ же, что и сами ѣли... На завтракъ, какъ водится,—тюрька; иной разъ, съ кваскомъ, а иной разъ и съ ключевою водицей; на обѣдъ— щи съ капустой, приправленныя сальцемъ, а при хорошемъ заработкѣ—и солониной или говяди-



Но только теперь работалъ, и очень усердно работалъ, новый работникъ—Яша.

ной... Часу въ восьмомъ ужинъ: опять та же тюрька или холодныя щи, а затѣмъ и спать, часу до второго утра...

Было ясное, теплое лѣтнее утро. На колокольнѣ Преображенскаго собора только что ударили въ колоколъ къ ранней обѣднѣ. Тетка Аксинья, еще съ вечера вынувшая изъ сундучка праздничные наряды—довольно новое платье, платокъ шалевый, на манеръ «турецкаго», янтарныя бусы, козловые башмаки, съ легкимъ скрипомъ (купленные задешево на ярмаркѣ),—снаряжалась въ церковь. Дуняша, очень веселая и довольная (по случаю праздника), тоже вертѣлась передъ маленькимъ, тусклымъ зеркальцемъ, напрасно стараясь разсмотрѣть въ немъ, хорошо ли у нея приглажены волосы... Дядя Степанъ лежалъ на лавкѣ подъ овчиннымъ тулупомъ и охалъ. Бѣднягѣ вотъ ужъ третій день нездоровилось: поясницу страшно ломило, въ жаръ кидало, въ ознобъ... Яша, въ старенькой, но чистой рубашкѣ, подпоясанной кушачкомъ, сидѣлъ у верстака и внимательно разсматривалъ только вчера конченный имъ *тульскій* замочекъ... Работа была не особенно чистая: мало-мальски знакомый съ слесарнымъ дѣломъ тотчасъ бы, съ перваго взгляда, замѣтилъ въ ней многіе недостатки; однако, Яша любовался ею съ неменьшимъ восторгомъ, чѣмъ любуется на свою первую

недурную картину, только что начинающій художникъ-артистъ... Онъ такъ углубился въ свое занятіе, что даже и не замѣтилъ, какъ легкій утренній вѣтерокъ изъ раствореннаго окна совсѣмъ растрепалъ его гладко-причесанные волосы, смазанные по случаю праздника коровьимъ масломъ... Не слыхалъ онъ, какъ доносились откуда-то, съ конца села, несмотря на раннее утро, звуки пѣсни подгулявшаго павловца... Не слыхалъ, какъ гдѣ-то, поблизости, визжалъ подпилокъ, постукивалъ молотокъ, неуспѣвшихъ докончить къ сроку работу...

«Ты поди, моя коровушка, домой.
Ты поди, моя недоеная»...

раздавалось гдѣ-то вдали...

— Ишь вѣдь какъ ихъ забираетъ! — ворчала Аксинья, накидывая на плечи «турецкую» шаль.— Рань на дворѣ, къ обѣднѣ звонятъ, а они ужъ гуляютъ... Слышишь, Степанъ?

— Ну, Богъ съ ними!—пробормоталъ дядя Степанъ и еще плотнѣе укрылся тулупомъ...

— Пора, пора, маменька!—торопила Дуняша мать.—Этакъ, пожалуй, и мѣста не сыщешь...

— И впрямь пора,—согласилась Аксинья.— Идемъ-ка-сь...

И обѣ скрылись за дверью...

Чуть-чуть брезжится огонекъ въ лампадкѣ передъ иконой Сергія Радонежскаго... Яша по прежнему сидитъ, весь углубленный въ разсматриванье

замка... Тишина въ избѣ нарушается только жужжаньемъ мухъ да шелестомъ бойко бѣгающихъ по стѣнамъ таракановъ-прусаковъ...

«Вотъ кабы копеекъ десять взять за этотъ самый замочекъ,—мечтаетъ Яша, съ любовью разсматривая свое произведеніе. — Хорошо бы оно... А то что тутъ?—*Че-ты-ре* копейки... Ладно, какъ на базарѣ возьмутъ,—думаетъ онъ.—А то вдругъ: много у насъ, дескать, куплено, больше не надо...»

— Яша, ты здѣсь?—раздается вдругъ изъ-подъ тулупа голосъ дяди Степана.

— Здѣсь, дядюшка.

— Ушли наши-то?

— Ушли... А что?

— Да вотъ, видишь, замки-то... Сколько ихъ у насъ недодѣланныхъ?

— Пять... десять... пятнадцать...—считаетъ Яша,—двадцать два... тридцать... Сорокъ два, дядюшка...

— А-а... Снести бы ихъ надо къ дѣдушкѣ Еремѣю... Знаешь, гдѣ онъ живетъ?

— Н... нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? Сколько разъ говорилъ... Ну, слушай. Выйдешь вотъ изъ оврага-то,—будетъ церковь... Видалъ?

— Знаю, дядюшка.

— Вотъ... Подлѣ церкви будетъ домикъ, съ зеленой крышей, въ пять оконъ... Отецъ Алексѣй тутъ живетъ. Понялъ?

— Да.

— Подлѣ отца Алексѣя живетъ бабушка Дарья Ивановна, ну, а за бабушкой Дарьей Ивановной и будетъ дѣдушка Еремѣй... Домикъ такой маленькій, чистенькій, на крышѣ—пѣтухъ...

— Найду, найду, дядюшка.

— Славно живетъ онъ, старикъ-то,—какъ-то задумчиво проговорилъ Степанъ, выглядывая изъ-подъ тулупа.—Горенки теперь у него—господа не побрезгаютъ... По стѣнамъ все картинки... Ну, такъ вотъ... Возьми эти замочки и отнеси къ нему... Дядя Степанъ, молъ, прислалъ,—знаетъ... Къ завтраму, скажи, къ вечеру просилъ докончить...

— Ладно, дядюшка.

— Ступай, съ Богомъ.—И дядя Степанъ опять спрятался подъ тулупомъ.

Яша собралъ только что склеенные воскомъ замочки, бережно увязалъ ихъ въ платокъ, взялъ шапку и вышелъ...

IV.

Теплый утренній воздухъ, пропитанный ароматомъ левкоевъ изъ садика, такъ и пахнулъ въ лицо мальчика, когда онъ очутился на улицѣ. Старая, вся закоптѣлая кузница дяди Петра стояла тихая и безмолвная. Изъ-за плотно запертой двери ея не слышалось пыхтѣнья мѣховъ, стука молота;

не вылеталъ изъ трубы густой, черный дымъ. Только одинъ ручеекъ, съ легкимъ журчаньемъ и плескомъ, пробирался по камнямъ, да тамъ и сямъ жужжали, не знающія ни покоя ни отдыха, трудолюбивыя пчелы...

Прошелъ Яша Красный оврагъ, — и вотъ передъ нимъ длинная улица, вся сплошь застроенная домиками и домами... Вонъ церковь... Изъ настежь раскрытыхъ оконъ ея несется пѣніе; легкимъ синеватымъ облачкомъ вылетаетъ дымъ ладана и разстилается въ воздухѣ... Яша снялъ шапку и набожно перекрестился... Вонъ домикъ о. Алексѣя, новенькій, недавно отстроенный, съ ярко выкрашенною крышей... Въ окнѣ, съ полуопущенной шторой, мелькаетъ фигура матушки-попадьи... Она накрываетъ столъ красною камчатною скатертью; ставитъ чашки, стаканы... А вотъ, наконецъ, и домикъ дѣдушки Еремѣя... Да, это онъ должно-быть... Бревенчатый, низенькій, съ тремя окнами, чуть не совсѣмъ скрытыми раскидистыми вѣтвями черемухи,—онъ почти весь спрятался отъ взоровъ прохожихъ... Яша вошелъ въ маленькія, прохладныя сѣнцы и остановился. Черезъ неплотно притворенную дверь доносится до него чей-то голосъ.

...«И повелѣ Господь киту великому пожрати Іону, — читалъ кто-то, — и бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи... И помолися Іона къ Господу Богу своему изъ чрева китова и рече»...

Яша отворилъ дверь и вошелъ. Въ небольшой, низенькой комнаткѣ, оклеенной по стѣнамъ лубочными картинками суздальскаго издѣлія, съ ярко горѣвшей лампадкой передъ кіотомъ, сидѣлъ за столомъ старикъ лѣтъ шестидесяти, крѣпкій, здоровый, широкоплечій, съ сѣдыми вьющимися волосами, и читалъ какую-то книгу въ кожаномъ переплетѣ. Прямо, противъ него помѣщались два молодые, рослые парня, въ новенькихъ кумачныхъ рубашкахъ, и внимательно слушали чтеніе...

...«И рече: возопилъ въ скорби моей ко Господу Богу моему,—читалъ старикъ,—и услыша мя: изъ чрева адова вопль мой, услышалъ еси гласъ мой»...

— Доброе утро,—заговорилъ Яша, кланяясь.— Дѣдушка Еремѣй здѣсь живетъ?

Старикъ обернулся.

— Здѣсь. Что скажешь?

— Да вотъ дядя Степанъ послалъ къ вамъ, съ замочками...

— Какой Степанъ?

— Воронинъ.

— А-а... Знаю, знаю. Давай.

— Яша вынулъ изъ узелка замочки и подалъ ихъ старику.

— Сколько? — спросилъ тотъ.

— Сорокъ два, дѣдушка. Къ завтрашнему вечеру просилъ кончить...

— Ладно, успѣемъ. — Старикъ бросилъ замочки на столъ, заваленный кучами необдѣланныхъ желѣзныхъ вещей. — Можетъ, и сегодня начнемъ, въ вечеру... Праздникъ, оно грѣшно-бы, ну, да Господь Богъ проститъ: пропасть работы... А ты давно ль у него живешь-то? —спросилъ онъ.

— Да третья недѣля пошла.

— Гмъ... Сродственникъ будешь?

— Сродственникъ, дѣдушка, дальній,—по матери...

— Та-акъ. Присядь-ка.

Яша присѣлъ.

— А что самъ Степанъ не пришелъ?—спрашивалъ дѣдушка Еремѣй, снимая очки въ мѣдной оправѣ и отодвигая въ сторону книгу. — Давно мы съ нимъ не видались. Ужъ не захворалъ ли, на грѣхъ? Аль у обѣдни?

— Нѣтъ, дѣдушка. Боленъ лежитъ, третій день. Поясницу все что-то ломитъ, да и знобитъ...

— Онъ, батюшка, все хвораетъ, — замѣтилъ одинъ изъ парней, встряхивая густыми темнорусыми волосами. — Который годъ на поясницу все жалуется...

Старикъ ничего не отвѣтилъ и только вздохнулъ.

— Не здѣшній?—обратился онъ къ Яшѣ.

— Это кто? я-то?

— Ну, да.

— Нѣтъ, дѣдушка, муромскій... Изъ деревни Парменовки...

— Знаю, знаю Парменовку! — оживился старикъ.—Бывалъ тамъ разъ пять, коли не больше... Какъ не знать; маленькая деревушка.—Да ты чей будешь?

— Кузьмы Панкратьева сынъ.

— Это еще не рыжій ли такой? изъ себя рябоватый, малярь?

— Онъ самый, дѣдушка.

— Господи ты, Боже мой! Да вѣдь я зналъ и Кузьму-то, паренькомъ еще зналъ... Выросъ потомъ онъ, женился, — я и на свадьбѣ былъ у него, посаженымъ отцомъ... Такъ ты сынъ его, значитъ?

— Сынъ, дѣдушка.

— А какъ звать-то?

— Яковомъ.

— Ну, вотъ! — совсѣмъ ужъ обрадовался дѣдушка Еремѣй. — Знаю никакъ и тебя... Былъ какъ-то въ Парменовкѣ, лѣтъ... гмъ... да лѣтъ этакъ двѣнадцать назадъ... Чай еще пилъ у Кузьмы... Такъ вотъ, помню: ползалъ по полу клопъ какой-то замазанный... Ты, видно, и былъ?

— Должно-быть, я, дѣдушка,—усмѣхнулся мальчикъ.

— А батька-то гдѣ теперь?

— Въ Питеръ ушелъ на заработки... Погорѣли мы...

— Какъ погорѣли?—удивился старикъ.

— Да Богъ знаетъ, какъ...

И Яша разсказалъ ему всѣ подробности пожара деревни. Дѣдушка Еремѣй, молча, слушалъ и только покачивалъ головой...

Обѣдня кончилась. Толпа разряженнаго по-праздничному народа повалила по улицѣ. Сыновья дѣдушки Еремѣя, замѣтивъ, должно-быть, изъ окошка знакомыхъ, скрылись изъ комнаты. Только дверь хлопнула да застучали въ сѣняхъ подкованные каблуки...

— И наказанье же съ ними!—заворчалъ добродушно старикъ. — Удрали вѣдь!.. Это они къ Ивану Петровичу, видно,—именинникъ сегодня... Вотъ и жди ихъ до поздняго вечера; а надо бы поработать.—Ты чего тамъ?—обратился онъ къ Яшѣ.—Что смотришь?

— Да вотъ, дѣдушка, ножики тутъ, вилки, ножницы... Смотрю да думаю: не поучиться ли тоже?

— Ковать-то?

— Да, ковать, слаживать... Трудно, поди?

— Ничего, братъ, на свѣтѣ нѣтъ легкаго,—улыбнулся старикъ.—Все трудно, пока не привыкнешь...

— А ты привыкъ?

— Я-то? —Дѣдушка Еремѣй засмѣялся. — Привыкнешь, какъ тридцать пять лѣтъ по наковальнѣ поколотишь... Теперь привыкъ, — все, какъ съ гуся вода... Ну, а раньше трудненько было... Помашешь это молоткомъ-то съ ранняго утра да чуть не до ночи, такъ все тѣло болитъ: и поясница, и грудь, и руки, точно тебя кто палкой отдулъ... Случается оно и теперь... Гмъ... Годы, впрочемъ, такіе... Да, годы, —продолжалъ онъ, задумчиво. —Гдѣ противу прежняго!.. Прежде, бывало, — лѣтъ этакъ пять-шесть назадъ, — дюжинъ двадцать *лезъ* [1]) въ недѣлю выковывалъ, ну, а теперь, шалишь, братъ: и восемнадцать довольно... Вонъ Васька съ Мишухой и посейчасъ дюжинъ по двадцати слишкомъ куютъ... Да что они, парни здоровые!.. Впрочемъ, не жалуюсь я: грѣхъ жаловаться... Слава Тебѣ, Господи! —перекрестился старикъ. —Живемъ себѣ: сыты, одѣты...

— Выгодно, значитъ?

— Гмъ... Какъ бы сказать... Не то чтобъ ужъ очень... Втроемъ-то мы рубликовъ восемь выработаемъ въ недѣлю. Да вотъ, считай самъ, коли хочешь: беремъ мы съ дюжины копеекъ пятьдесятъ ну, пятьдесятъ пять пожалуй. Желѣза пойдетъ на дюжину фунта три—на четвертакъ, да угля копеекъ на десять. Вотъ и смекни, сколько барыша будетъ...

---

[1]) *Леза*—лезвее (мѣстное павловское выраженіе).

Яша задумался.

— Ну, а въ черенки-то, дѣдушка, вы же вправляете?—спросилъ онъ.

— Да, такъ, по малости. Мишка иной разъ въ свободное время займется. Некогда... У насъ вѣдь, братъ, у каждаго своя часть. Да вотъ ты возьми хоть тотъ же замокъ, особенно мѣдный... Одинъ теперь выльетъ —*литейщикъ*, другой спаяетъ всѣ части — *паяльщикъ*, третій отдѣлываетъ, обточитъ напильникомъ, четвертый (бабы больше) узоры распишетъ... Тоже вотъ и желѣзный... Дядя Степанъ полосокъ нарѣжетъ, дырки, гдѣ надо, пробьетъ, напилкомъ подпилитъ, а потомъ все склеитъ воскомъ, да и несетъ къ тому же дѣдушкѣ Еремѣю. А дѣдушка Еремѣй и скуетъ, что тамъ нужно... Вотъ и ножъ тоже... Много надъ нимъ работаютъ. Одинъ лезу выкуетъ, другой точитъ, третій шлифуетъ (*личитъ*, по-нашему), четвертый въ черенокъ вправитъ. Да и тутъ еще, надъ черенкомъ-то, не мало повозишься... Надо его почернить, гайку наложить надо, нутро свинцомъ залить али особымъ составомъ,—это гдѣ *баланецъ* [1]) съ *сорочкой* [2]). Вотъ оно что. Много, братецъ, много работы...

— А вотъ ножницы, — съ тѣми еще больше хлопотъ,—продолжалъ онъ. — Возьми ихъ да по-

---

[1]) *Баланецъ*—мѣсто, въ которое упирается черенокъ.

[2]) *Сорочка*—гвоздь, закрученный книзу спиралью, который идетъ отъ лезвея къ концу черенка.

смотри: кажись, штука не хитрая, а попробуй-ка, сдѣлай...

— А ты дѣлаешь?

— Нѣтъ. Пробовалъ было, да бросилъ. Пропасть съ ними возни, а прибыль не Богъ вѣсть какая. Такъ вотъ, ножницы... Глянь-ка. — Онъ взялъ со стола небольшія, грубо-сработанныя ноженки и показалъ Яшѣ. — Лезы выковать — плевое дѣло, ну, а сладить... Гмъ... Много работы...

— Да ты, дѣдушка, разскажи.

— Чего разсказать?

— Какъ дѣлаютъ ихъ, ножницы-то...

— Долго разсказывать.

— Ничего.

— Ну, ладно... Такъ вотъ... Перво-наперво, лезы выковать, — это разъ (дѣдушка Еремѣй загнулъ палецъ); потомъ надо ихъ спилить — два (онъ загнулъ другой палецъ); потомъ выправить хорошенько на наковальнѣ да обточить — три... Теперь надо сдѣлать, чтобы *притины* [1]) лучше сходились. Вотъ тутъ припиливаютъ *подзаковы* — створы притинъ, — дырочку просверлятъ въ нихъ, винтъ вставятъ... Это будетъ... Сколько будетъ? Четыре никакъ? (онъ загнулъ еще палецъ). Потомъ закаливаютъ лезы — пять; молоткомъ выправляютъ, шлифуютъ — шесть, семь... потомъ

[1]) *Притины* — мѣсто, гдѣ сходятся между собою на винтѣ оба лезвея ножницъ.

глянчить [1]) надо, полировать — восемь... Ручки теперь... Опять ихъ и закаливаютъ, и личатъ, и полируютъ... Сколько это вышло? Одиннадцать?

— Одиннадцать, дѣдушка, —пробормоталъ совсѣмъ растерявшійся Яша. — Ему и въ голову никогда не приходило, чтобы надъ такой простой «штучкой», какъ ножницы, было столько возни. Замокъ — дѣло другое: тамъ все же «машинка», а ножницы...

— Да, такъ вотъ сколько работы,—говорилъ дѣдушка Еремѣй. — Что, теперь хочешь учиться?

Яша молчалъ.

— Попробую, дѣдушка,—проговорилъ онъ и улыбнулся. — Времени-то у меня, правду сказать, больно мало... Развѣ по воскресеньямъ... Лезы бы ковать научиться.

— Что жъ, доброе дѣло, парень... Вѣкъ живи, вѣкъ учись...

— Пригодится оно, дѣдушка, да еще и какъ пригодится-то!—продолжалъ Яша.— Учусь я теперь замочному мастерству... Ну, годъ, можетъ, у дяди Степана пробуду, два, — вернусь въ деревню... Замковъ-то у насъ тамъ мало идетъ: запирать нечего, а вотъ кузнецъ нуженъ. Верстъ на сорокъ кругомъ ни одной кузницы нѣту... Не знаю только, у кого бы поучиться ковать. Вотъ, ты

---

[1]) *Глянчить*—наводить глянецъ.

развѣ, дѣдушка...—Онъ робко взглянулъ исподлобья на старика.—Вѣкъ бы за тебя Бога молилъ.

— Такъ зачѣмъ дѣло, — учись! Приходи ужо въ кузню. Денегъ съ тебя не возьму — люди знакомые. Зналъ батьку-то, хорошо зналъ... Въ Питерѣ, говоришь?

— Въ Питерѣ, дѣдушка.

— Да-а. Э, да вонъ и мой родитель никакъ идетъ. Онъ и есть.

Въ сѣняхъ послышался сухой старческій кашель, шарканье ногъ. Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ маленькій, весь сгорбленный, сѣдой старичокъ. Яша сразу узналъ его. Это былъ тотъ самый, у котораго онъ спрашивалъ, какъ найти дядю Степана.

— Много народу-то было?—крикнулъ ему дѣдушка Еремѣй.—Въ церкви-то?

— Много, много, кормилецъ... Яблоку негдѣ было упасть... Викторъ Андреичъ не пріѣзжалъ?

— Нѣтъ.

— Асеньки?

— Нѣтъ, говорю.

— Это какой Викторъ Андреичъ?—спросилъ Яша.—Не Хребтовъ ли?

— Онъ самый. Да ты его развѣ знаешь?—удивился дѣдушка Еремѣй.

— Знаю маленько. Подвезъ онъ меня до Павлова-то. Добрый такой... Коли нужда, говоритъ, будетъ какая,—ко мнѣ обращайся...

— Да, баринъ хорошій. Обѣщалъ къ намъ сегодня заѣхать, — дѣло какое-то тамъ, да и не ѣдетъ. А я и въ церковь не пошелъ съ ребятами, — все дожидался.

— Чай-то не будешь пить, батюшка? — закричалъ онъ отцу, который, разоблачившись, кряхтя и охая, залѣзалъ на печь. — Я бы самоварчикъ поставилъ.

Но старикъ только махнулъ рукою и скрылся.

— Старенекъ дѣдушка-то, — замѣтилъ Яша.

— Да, ништо-таки: сто шестой годъ живетъ.

— Сто шес-той?

— Вѣрно. На самаго Симеона Богопріимца сто пять стукнуло. Пожилъ-таки, поработалъ, — отдыхаетъ теперь... Крѣпостнымъ былъ у графа у Шереметьева. Матушку, блаженной памяти, Екатерину Вторую, — какъ вотъ я тебя, въ Питерѣ видѣлъ (былъ онъ тамъ съ бариномъ) и даже серебряный рубль отъ нея получилъ. Носитъ его теперь вмѣстѣ съ крестомъ на гайтанѣ. Хорошій старикъ, смирный... Одно вотъ только — глухъ очень, да еще на серебро не умѣетъ считать: все, попрежнему, на ассигнаціи. — Дѣдушка Еремѣй улыбнулся. — Зашилъ въ армякѣ двѣ синенькія. Брось, говорю, батюшка, вѣдь это не деньги — бумага. Смѣется. «Полно, говоритъ, шутки шутить. Это я, говоритъ, на похороны себѣ берегу».

— Домой, однако, пора, — поднялся вдругъ Яша. — Засидѣлся я, дѣдушка. Тетка Аксинья давно, поди, дожидается да ворчитъ. Прощай.

— Прощай, голубчикъ... Яковомъ звать-то?

— Яковомъ.

— Кланяйся тамъ да скажи дядѣ Степану, что я самъ къ нему ужо заверну, вотъ только съ работой управлюсь. Ну, а замочки къ завтрашнему вечеру будутъ готовы.

— Ладно дѣдушка.

V.

А время шло все да шло впередъ. Вотъ пролетѣло и ясное, теплое лѣто, наступила осень. Погода по цѣлымъ днямъ стояла прескверная: то дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, накрапывалъ мелкій дождикъ; то въ воздухѣ стоялъ какой-то туманъ; на улицахъ—грязь, слякоть... Ясное, чистое небо потемнѣло, нахмурилось и, точно сѣрою дымкой, окутало Павлово.

Все такъ же, попрежнему, визжалъ напильникъ, стучалъ молотокъ въ домикѣ дяди Степана. Тетка Аксинья, пасмурнѣй самой осени, сидѣла за верстакомъ. Дуняша была тоже что-то задумчива. Бойкіе, проворные прежде пальчики дѣвочки какъ-то лѣниво, неохотно складывали полоски желѣза... Дуняша нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ на работающаго отца, и сердце у нея

такъ и заноетъ... Немудрено, впрочемъ, было печалиться дѣвочкѣ. Дядя Степанъ былъ совсѣмъ плохъ. Еще съ лѣта онъ постоянно жаловался на сильную боль въ поясницѣ, кряхтѣлъ, морщился, но работалъ попрежнему: вставалъ часу во второмъ утра и, почти не разгибая спины, сидѣлъ за верстакомъ до вечера. Но теперь ему становилось все хуже и хуже. Онъ страшно кашлялъ, руки его дрожали... То, что прежде дѣлалъ онъ въ часъ, теперь съ трудомъ могъ сдѣлать въ два - три часа. Случалось нерѣдко, что онъ по цѣлымъ днямъ, не вставая, лежалъ подъ тулупомъ на печкѣ и охалъ... Немудрено, что Дуняша печалилась; немудрено, что хмурилась сухая, черствая тетка Аксинья: не сегодня-завтра дядя Степанъ умретъ, и онѣ останутся безъ опоры. Положимъ, и у нихъ тоже руки, и онѣ будутъ работать, кормиться. Да что же могутъ подѣлать двѣ женщины, изъ которыхъ одна даже и не женщина, а ребенокъ?..

Одинъ только Яша работалъ неутомимо. Всю недѣлю, вплоть до субботняго вечера, сидѣлъ онъ за верстакомъ и бойко постукивалъ молоточкомъ... Работа такъ и кипѣла въ его проворныхъ рукахъ. Онъ понималъ, что не приложи - ка онъ побольше стараній, — семья, навѣрное, пять дней въ недѣлю сидѣла бы впроголодь: и то ужъ давно во щахъ исчезла говядина и солонина, — ихъ замѣнялъ только свиной жиръ, да и то не

въ завидномъ количествѣ. И мальчикъ работалъ...

— Да полно ты, Яша, полно, голубчикъ, умаешься!—говорилъ иной разъ дядя Степанъ.—Ну, надо и поработать, надо и отдохнуть... Погляди, сколько ты сегодня замочковъ надѣлалъ!.. Вѣдь это и мнѣ впору бы... Отдохни-ка, давай, отдохни...

— Не усталъ, дядюшка!—отвѣчалъ Яша и еще усерднѣе работалъ напильникомъ.—Ну, вотъ, ей Богу же не усталъ... А что замочки-то... Много ли тутъ замочковъ? Въ прошлую пятницу я ихъ куда больше сдѣлалъ.

— Такъ вотъ, Аксинья,—обращался къ женѣ дядя Степанъ.—Помнишь, какъ ты дармоѣдомъ его называла? Что онъ теперь: дармоѣдъ?

Аксинья молчала и только хмурилась. Легкая краска выступила на ея смуглыхъ щекахъ.

— По міру бы мы, пожалуй, пошли, кабы не онъ.

— Ну, до этого-то, авось, Богъ не допуститъ.

— То-то вотъ: не допуститъ...

Работая за троихъ всю недѣлю, Яша, однако, находилъ время сбѣгать въ воскресенье, подъ вечерокъ, въ кузницу дѣдушки Еремѣя, поглядѣть, какъ старикъ быстро и ловко выковывалъ своими богатырскими руками лезы ножей, ножницъ, вилки, нарѣзывалъ винты. Не разъ онъ и самъ пробовалъ взяться за молотъ (не тотъ молотъ, которымъ работалъ старикъ: тотъ онъ и подни-

малъ даже съ трудомъ, а за другой, полегче). Выходило иногда кое-что: конечно, не особенно хорошо, но все-таки выходило. И Яша былъ радъ.

— Не вдругъ Москва строилась,—ободрялъ его дѣдушка Еремѣй. — Научишься, погоди: лучше меня ковать будешь. Парень-то ты на всѣ руки...

Было ненастное осеннее утро. Въ тусклое оконце избушки дяди Степана стучалъ мелкій дождикъ... Яша сидѣлъ за верстакомъ и склеивалъ воскомъ замочекъ. Тетка Аксинья съ Дуняшей складывали полоски. Дядя Степанъ лежалъ подъ тулупомъ на печкѣ и охалъ... Въ душной, полутемной комнаткѣ слегка пахло дымкомъ отъ самовара.

Въ сѣняхъ послышались чьи-то шаги; дверь отворилась, и въ комнату влѣзъ высокій, худощавый дѣтина, съ сумкой черезъ плечо.

— Письмецо вотъ тутъ есть,—заговорилъ онъ, вынимая конвертъ.—Якову Кузьмину Панкратьеву... Ты, что ли, будешь?—обратился онъ къ Яшѣ.

Тотъ вздрогнулъ.

— Я—Яковъ Панкратьевъ. Отъ кого письмо?

— А я почемъ знаю.

— Ноги бы вотъ лучше вытеръ,—заворчала тетка Аксинья. — Ишь, сколько грязи нанесъ... Сиволдай...

— Ну... ну...—промычалъ парень.—Бери письмо-то...

Яша дрожащей рукой взялъ письмо и началъ его распечатывать.

— Пятакъ съ тебя слѣдуетъ. Давай скорѣй... Некогда ждать.

— Пятакъ?

Яша обшарилъ карманы, но въ нихъ ничего не было.

— Тетушка, у тебя нѣтъ ли?—обратился онъ къ теткѣ Аксиньѣ.

— Какъ же вотъ, припасла для тебя! Вчера послѣдній гривенникъ издержала.

— А, чтобъ васъ черти побрали!—плюнулъ разсыльный и вышелъ, сердито хлопнувъ дверями.

— Откуда, Яша, письмо-то?—послышался съ печи слабый голосъ дяди Степана.

— Да отъ татки, никакъ.

— Прочитай-ка.

Яша подошелъ къ окну и сталъ съ трудомъ разбирать исписанную каракульками четвертку сѣрой бумаги.

«Любезному сыну, Якову Кузьмичу, посылаю мое родительское благословеніе и съ любовью низко кланяюсь,—читалъ Яша, останавливаясь на каждомъ словѣ. — Увѣдомляю при семъ, что я, слава Богу, живъ и здоровъ. Хозяинъ нашъ, Петръ Аѳанасьичъ—мужикъ ласковый, добрый. Кормитъ насъ хорошо; вотъ только хлѣба иной

разъ маловато даетъ... А по воскресеньямъ—каша и пироги, хотя, впрочемъ, пироги больше съ *аминемъ*[1]). Фатеру держитъ богатую; шесть горницъ съ куфней, а мы (десять человѣкъ насъ, мастеровыхъ) въ одной каморкѣ живемъ. Жалованья опредѣленнаго не положилъ, а говоритъ, что, молъ, не обидитъ. На зиму, Богъ дастъ, буду живъ да здоровъ, — пріѣду въ деревню (строятся тамъ, пишутъ, у насъ), думаю избу сладить. Мать твоя, Матрена Прокопьевна, шлетъ тебѣ свое родительское благословеніе и съ любовью низко кланяется. А живетъ она нынче въ куфаркахъ у какого-то офицера. Хозяева, говоритъ, больно хорошіе, только за каждую разбитую вещь вычетъ дѣлаютъ. Жалованья она получаетъ пять рублевъ, и горячее со стола. — Здоровъ ли ты и какъ привыкаешь на новомъ мѣстѣ? Хорошо ли работаешь? Думалъ бы я тебя тоже по малярной части пустить. Петръ Аѳанасьевичъ приметъ. Въ случаѣ, если вздумаешь,—напиши. Вышлю, при первой оказіи, рублевъ десять. — Дядюшкѣ Степану Захарычу и тетушкѣ Аксиньѣ Мироновнѣ—низкій поклонъ. А за симъ остаюсь отецъ твой Кузьма Панкратьевъ. Думаю, по малярной части тебѣ лучше будетъ, чѣмъ по слесарной... И дѣдушка твой тоже малярнымъ мастерствомъ занимался».

---

[1]) Съ *аминемъ*, т.-е. безъ начинки, пустые (народное выраженіе).

Яша бережно сложилъ письмо и сунулъ его въ карманъ.

— Да, такъ вотъ оно что!—говорилъ дядя Степанъ.—Въ Питеръ зовутъ... Что же, голубчикъ, пойдешь?

Яша молчалъ. Аксинья, хлопотавшая около самовара, обернулась и бросила на него пытливый взглядъ.

— Лучше, говоритъ, по малярной-то части,—продолжалъ дядя Степанъ.—Какъ не лучше, что толковать... Деньги платятъ порядочныя... Иной разъ рублей двадцать пять мастеровой получаетъ въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ харчахъ. Такъ какъ же, Яша, въ Питеръ? А? Здѣсь вѣдь, братъ, въ Павловѣ, немного на замкахъ наколотишь. Самъ видишь: перебиваешься съ хлѣба на квасъ.

Яша молчалъ. Плотно прильнувъ лбомъ къ сырому, холодному стеклу оконца, онъ какъ-то разсѣянно глядѣлъ на улицу... Мрачное, свинцовое небо; тамъ и сямъ плывутъ по немъ густыя, темныя облака; дождикъ накрапываетъ; маленькій ручеекъ, въ Красномъ оврагѣ, разлившійся теперь отъ дождей въ цѣлую рѣчку, съ шумомъ и плескомъ бѣжалъ по камнямъ... Изъ кузницы слышатся мѣрные, глухіе удары молота... Богъ вѣсть о чемъ думалъ мальчикъ въ эти минуты... Быть-можетъ, ему хотѣлось, страстно хотѣлось повидаться съ отцомъ, съ матерью; хотѣлось повидать Петербургъ, этотъ большой, шумный,

блестящій городъ, о которомъ онъ такъ много слыхалъ.

Темная комнатка освѣтилась маленькой керосиновой лампой. Аксинья заваривала чай, немилосердно гремя чашками.

— Нѣтъ, дядя Степанъ,—заговорилъ вдругъ Яша, отворачиваясь отъ окна и вытирая выкатившуюся изъ глазъ слезинку,—не пойду я въ Питеръ,—Богъ съ нимъ... Татка теперь, слава Богу, живетъ: сытъ, одѣтъ; мамка тоже... Зачѣмъ же мнѣ васъ покидать? Приняли вы меня ласково, какъ родного, кормили, поили, худого слова я отъ васъ никогда не слыхалъ... Мастерству опять обучили... Нѣтъ, не пойду, дядюшка.—И Яша улыбнулся сквозь слезы...

Дядя Степанъ молчалъ, какъ убитый. Онъ только тяжело-тяжело такъ вздохнулъ и даже не выглянулъ изъ-подъ тулупа.

— Пей, Яша, чай-то, — заговорила тетка Аксинья, и голосъ ея слегка задрожалъ.

Яша съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Она въ первый разъ назвала его «Яшей», а прежде звала Яковомъ, Яшкой подчасъ. Голосъ ея не былъ сердитъ, какъ всегда, напротивъ, былъ даже ласковъ.

— Пей,—повторила Аксинья и придвинула къ нему чашку крѣпчайшаго чаю и большой кусокъ сахару.

— Дармоѣдъ! Ха-ха-ха! Дармоѣдъ! — засмѣялся Степанъ и страшно закашлялся.

Аксинья покраснѣла и отвернулась...

Тускло, дымясь, горѣла лампочка, освѣщая темныя, неконопаченныя стѣны избы. На столѣ весело шипѣлъ пузатенькій самоваръ. Дядя Степанъ, блѣдный, худой, но съ прояснившимся лицомъ, сидѣлъ подлѣ Яши. Тетка Аксинья совсѣмъ спряталась за самоваромъ, изрѣдка только выглядывая изъ-за него. Дуня допивала вторую чашку и то и дѣло посматривала на Яшу веселыми, карими глазками... Точно праздникъ справлялся... И Яша былъ героемъ этого праздника...

«Ну, теперь хоть умру я спокойно, — думалъ дядя Степанъ.—По міру не пойдутъ... Сохрани ихъ, Господи, и помилуй... Царица Небесная...»

VI.

Было ненастное октябрьское утро. По хмурому свинцовому небу, какъ дымъ, плыли темныя облака; въ воздухѣ стояла сырость какая-то, — не то накрапывалъ дождикъ, не то шелъ мокрый снѣжокъ. Грустно, уныло смотрѣлъ лѣсъ, почти совсѣмъ обнаженный; на темныхъ вѣтвяхъ его, мокрыхъ, сырыхъ отъ дождя, изрѣдка только кой-гдѣ виднѣлся одинокій желтый листочекъ... Грустно, уныло смотрѣли убранныя поляны. Трава на лужайкахъ пожелтѣла давно, подгнила отъ

дождей... Страшно размыло, испортило узенькую проселочную дорожку, что идетъ отъ Н—скаго почтоваго тракта прямо въ усадьбу Веселкино: лужи, ухабы и лужи... Кой-гдѣ виднѣется ветхій бревенчатый мостикъ, подвижной, какъ фортепіанныя клавиши; кой-гдѣ торчитъ покосившійся межевой столбъ. Дико, уныло, пустынно... Только вѣтеръ рѣзкій, пронзительный, съ воемъ проносится по лѣсу. Вотъ онъ сорвалъ притаившійся между вѣтвей желтый листочекъ и бросилъ его въ грязную лужу... Вотъ налетѣлъ онъ на мокрую поникшую вѣтку березы... Точно слезы, закапали вдругъ съ нея брызги дождя... Гдѣ-то въ лѣсу раздаются заунывные стоны кукушки. Дико, уныло, пустынно...

Старинные стѣнные часы въ усадьбѣ Веселкино только что пробили десять. Викторъ Андреевичъ Хребтовъ, знакомый уже читателю молодой человѣкъ, владѣлецъ усадьбы, въ халатѣ и туфляхъ, прохаживался взадъ и впередъ по залѣ. Въ широкія, завѣшенныя гардинами, окна пробивался слабый свѣтъ осенняго утра; въ дорогихъ зеркалахъ отражались картины въ позолоченныхъ рамкахъ, отражалась въ нихъ старинная мебель; дубовые стулья, обитые голубою шелковою матеріей, съ золочеными гвоздиками, раскрытый рояль Эрара, ноты на пюпитрѣ, двѣ свѣчки въ серебряныхъ, массивныхъ подсвѣчникахъ...

— Фу ты, скука какая! — говорилъ Викторъ Андреевичъ, шагая изъ угла въ уголъ. — Ну, чѣмъ бы заняться теперь? Чѣмъ бы заняться?

Онъ подошелъ къ окну и невольно поморщился. Грустно смотрѣли изъ сада почти совсѣмъ обнаженные столѣтніе клены и липы; грустно смотрѣли дорожки, мокрыя, грязныя, усѣянныя опавшими листьями. Бесѣдка, въ готическомъ стилѣ, сѣрая теперь какая-то отъ дождя, выглядывала изъ-за стараго дуба. Викторъ Андреевичъ отошелъ отъ окна.

«А надо что-нибудь дѣлать! — думалъ онъ, Богъ вѣсть въ который ужъ разъ вымѣривая давно вымѣренную залу. — Но что же? Что, наконецъ? Всталъ въ семь часовъ... Нѣтъ, въ половинѣ седьмого... Кофе... газеты читалъ... Въ восемь приказчикъ явился со счетами... Богъ его знаетъ, что онъ тамъ написалъ: все—цифры и цифры... Сѣно... рожь... пшеница... картофель... яблоки... груши... Надулъ, конечно, какъ Богъ святъ—надулъ, знаетъ, что ничего не смыслю въ хозяйствѣ... Тоска!..

Онъ подошелъ къ роялю, присѣлъ. Въ громадной со сводами залѣ прозвучали два-три аккорда. Канарейка въ клѣткѣ подъ потолкомъ, вздремнувшая было, очнулась, чирикнула. Рѣзкій порывъ вѣтра хлопнулъ гдѣ-то ставнемъ окна... И вдругъ полились чудные. волшебные звуки

Erlkönig'а [1]) Шуберта... Викторъ Андреевичъ преобразился. Куда дѣвалось вялое, апатичное выраженіе лица его!.. Веселый, довольный, сидѣлъ онъ на бархатномъ табуретѣ, и длинные, худощавые пальцы его, настоящіе «музыкальные» пальцы, бойко летали по клавишамъ. Далеко-далеко унесся онъ съ этими звуками... Что тутъ рожь, пшеница, картофель!.. Громкій, выразительный теноръ звучно раздавался по залѣ:

«Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?—
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ его, держитъ и грѣетъ старикъ...
«Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?»
— Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ.
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой...
«О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой».

— Викторъ Андреевичъ!—послышался голосъ.
— А? что такое? очнулся Хребтовъ.
— Мальчикъ васъ какой-то тамъ спрашиваетъ.
— Какой такой мальчикъ?
— Не могу знать-съ. Изъ Павлова, говоритъ.
— Изъ Павлова? Зови, зови, братъ.

Черезъ минуту въ залу вошелъ Яша. Весь мокрый съ головы до ногъ отъ дождя, онъ робко остановился у двери, поискалъ глазами икону въ углу...

---

[1]) *Erlkönig*—„Лѣсной царь“, извѣстная баллада Гёте (переводъ Жуковскаго, музыка Шуберта).

— Что скажешь, милѣйшій!—обратился къ нему Викторъ Андреевичъ.

— Къ вамъ, дяденька,—пробормоталъ Яша, оглядывая съ удивленіемъ комнату. — Велѣли зайти.

— Зайти велѣлъ? Когда же? Не помню.

— Да вотъ, лѣтомъ еще... Подвезли вы меня тогда...

— А-а, да, да,—вспомнилъ Хребтовъ.—Яша никакъ?

— Я самый, дяденька.

— Милости просимъ, садись!

И онъ указалъ мальчику на роскошный диванъ, обитый темноголубымъ бархатомъ. Но тотъ не двигался съ мѣста.

— Что же ты?

— Мокрый я, дяденька, грязный...

— Ну вотъ еще... Сядь.—Онъ чуть не силою усадилъ его. — Что скажешь? Нужда какая?

— Нужда, дяденька... *баринъ*, — поправился Яша.—Изволили тогда говорить: въ случаѣ чего, ежели...

— Ну, помню, помню.

— Такъ вотъ-съ... Жилъ я теперь у дяди Степана Воронина. Добрый мужикъ былъ такой, ласковый... Точно родного принялъ меня... мастерству обучилъ...

— Ну?

— Умеръ теперь, баринъ. Третьяго дня схоронили. Семья осталась: вдова, тетка Аксинья, дѣвочка небольшая...

— Что же?

— Да что, баринъ... Умеръ онъ,—гроша мѣднаго не нашлось. Хоронить надо было, заняли восемь рублевъ... Работа совсѣмъ съ рукъ нейдетъ... Стучишь-стучишь молоткомъ, полушки въ недѣлю не заработаешь. Пропасть, говорятъ, на базарѣ нонѣ замочковъ... Хочешь, молъ, чаемъ заплатимъ аль солониной? Какой ужъ тутъ чай, — хлѣба куска въ домѣ нѣтъ, а солонина— Богъ съ ней: больно ужъ дорога. Такъ вотъ мы и того...

— Плохо?

— Куда хуже... Больно ужъ плохо. Дѣдушка Еремѣй теперь, добрый старикъ... Радъ бы, говоритъ, отъ души радъ бы помочь, да у самого нынче ни гроша... Вотъ, говоритъ, черезъ мѣсяцъ, рублевъ двадцать пять получу,—ну, тогда дамъ... А гдѣ же, сами судите, мѣсяцъ намъ ждать: голодны, холодны...

— Стой! стой!—остановилъ его Викторъ Андреевичъ.— *Ты*-то чего тутъ хлопочешь? Ты какъ у нихъ? Учишься?

— Да вотъ, баринъ...

И Яша разсказалъ Хребтову, какъ онъ поселился въ семьѣ дяди Степана. Тотъ слушалъ, не возражая ни слова.

— А-а... да, хорошо... хорошо!..

Викторъ Андреевичъ вскочилъ и нѣсколько прошелся разъ по комнатѣ.

— Ну, что же, закусить хочешь? А? Чаю, можетъ-быть, кофе?

Яша оторопѣлъ.

Хребтовъ дернулъ сонетку. Изъ-за дверей выглянуло заспанное лицо лакея...

— Чаю два стакана. Сейчасъ... И бутерброты.

— Слушаю-съ... Чаю стаканъ?

— Два, тебѣ говорятъ...

— Два-съ?

Лакей съ изумленіемъ оглянулся. Онъ никакъ не могъ сообразить, для кого это понадобился второй стаканъ: въ комнатѣ, кромѣ «барина» и этого «оборванца-мальчишки», никого не было...

— Два-съ?—повторилъ онъ. — Для кого же другой?

— Да ты съ ума сошелъ, кажется!—разгорячился Викторъ Андреевичъ.—Пошелъ вонъ!..

Лакей скрылся.

— Такъ какъ же, милѣйшій,—говорилъ Хребтовъ.—Денегъ тебѣ?

— Денегъ бы, баринъ. Рубликовъ пять–шесть... Господи, какъ бы поправились...

— Гмъ... будто поправились бы?

— Какъ нельзя лучше.

— Ну, на, возьми!—Онъ сунулъ руку въ карманъ, вытащилъ оттуда цѣлую горсть смятыхъ

кредитокъ и подалъ ихъ Яшѣ. — Сколько тутъ, ужъ не знаю, — считай.

Мальчикъ дрожащей рукой началъ пересчитывать деньги.

— Пятнадцать рублей, баринъ.

— А-а... Хорошо, хорошо... Въ добрый часъ!..

Викторъ Андреевичъ опять всталъ, подошелъ къ роялю и взялъ на немъ два-три аккорда.

Яша вздрогнулъ и вытаращилъ глаза, — онъ никогда не видалъ такой «штуки».

— Это что же такое, баринъ?—ткнулъ онъ пальцемъ въ рояль.

— Музыка, музыка, милый... Сыграть?

— Сыграйте.

Викторъ Андреевичъ присѣлъ.

— Ну, что жъ тебѣ сыграть? Пѣсенку? *Возлѣ рѣчки, возлѣ моста, трава ро-осла... Трава росла муравая, шелковая-ая...* Да? Ну, нѣтъ, я тебѣ другое сыграю. Слушай. — И онъ ударилъ по клавишамъ.

Въ широкое, завѣшенное гардиной окно ярко блеснулъ лучъ выглянувшаго изъ-за облака солнышка и весело заигралъ на гладкомъ, навощенномъ полу. Въ стѣнныхъ часахъ хлопнула дверка... Бронзовая кукушка выскочила оттуда и, распустивъ крылья, звонко прокуковала *одиннадцать*. Изъ двухъ хрустальныхъ стакановъ поднимался душистый паръ; тутъ же стоялъ золоченый молочникъ съ густыми вареными сливками, и цѣлой

горкой возвышались на блюдѣ аппетитные бутерброты. Но ни на что не обращалъ вниманія Яша. Точно какъ заколдованный, сидѣлъ онъ и слушалъ, слушалъ и слушалъ... Одна рука его крѣпко сжимала пачку рублевыхъ кредитокъ, другая полѣзла было въ затылокъ, да такъ и остановилась на полдорогѣ... Яша любилъ пѣсни. Случалось ему нерѣдко въ своей родимой Парменовкѣ, слышать хорошихъ, голосистыхъ пѣвцовъ... Слыхалъ онъ и *Лучину — лучинушку* и *Не бѣлы-то снѣги...* Случалось иной разъ и аккомпанировали этимъ пѣснямъ звуки гармоники или скрипки слѣпого дяди Матвѣя, но такой музыки, такой пѣсни Яша никогда не слыхалъ... Чудно гремѣлъ рояль, чудно звучалъ въ залѣ теноръ Хребтова:

«Эй, работнички, Божій народъ!
Столяры, кузнецы, слесаря!
Ваше дѣло: вставай чуть заря,
Не досци, не доѣшь отъ заботъ.
А и впрямь честенъ тотъ,
Кто работой живетъ...
Вы не больно красивы на видъ:
Этотъ сгорбился — гдѣ ужъ краса!
Тотъ въ жару да въ дыму все коптитъ,
Черномазый, торчкомъ волоса...
Ну, такъ что жъ? Честенъ тотъ,
Кто работой живетъ.
А работа подчасъ не легка:
Надъ доской день денской спину гнешь;
Онѣмѣютъ плечо и рука,

Какъ безъ-устали молотомъ бьешь...
Да зато честенъ тотъ,
Кто работой живетъ.
На обѣдъ бы вамъ хлѣба да щей,
Ваша роскошь—испить бы чайку;
А ужъ этихъ заморскихъ сластей
Не увидѣть вамъ, чай, на вѣку!
Ну, такъ что жъ? Честенъ тотъ,
Кто работой живетъ.
Не балованы дѣтки у васъ,
Имъ гостинецъ—орѣшковъ на грошъ:
Имъ приходится тоже, подчасъ,
Знать и нужду и трудъ, да хорошъ
Имъ припѣвъ: честенъ тотъ,
Кто работой живетъ»...

— Все!—сказалъ Викторъ Андреевичъ, вставая и захлопывая доску рояля. — Понравилось? Хорошо?

— Больно хорошо, баринъ. Какъ это вы такъ?..

— Ну, тамъ какъ-нибудь... Не о томъ рѣчь... Теперь мы съ тобой о другомъ потолкуемъ. Да что же ты чай-то не пьешь? Вѣдь простылъ...

— Покорно благодаримъ.

Яша помѣшалъ ложкой въ стаканѣ.

— Вотъ ты говоришь, замкамъ нынче нѣтъ сбыта, — продолжалъ Викторъ Андреевичъ. — А много ли у васъ заготовлено?

— Да сотни три слишкомъ.—Яша вздохнулъ. — Куда эку прорву продашь?

— Я возьму.

— Вы? На что вамъ столько?

— А это ужъ мое дѣло,—улыбнулся Викторъ Андреевичъ. — Можетъ-быть, я ихъ съѣмъ всѣ... Какіе замки? Разные?

— Разные, баринъ. *Рѣпчатыхъ* сто пятьдесятъ а прочіе *тульскіе*. Всего никакъ, триста двадцать.

— Ну, вотъ, я и беру ихъ за пятнадцать рублей. Согласенъ?

— Да какъ же такъ...—сконфузился Яша.— Вѣдь вся - то цѣна имъ десять рублевъ, много - много — одиннадцать...

— Ладно, сочтемся. Завтра и тащи ихъ. А тамъ, коли въ случаѣ опять сбыта не будетъ, тоже — ко мнѣ...

— Дай вамъ, Господи, баринъ... — Слезинки блеснули въ глазахъ Яши.—Награди васъ Царица небесная....

Викторъ Андреевичъ отвернулся къ окну и забарабанилъ по стеклу пальцами.

— Благодарностей мнѣ не надо, — говорилъ онъ. — Я не даромъ деньги даю—за работу. Самъ былъ въ нуждѣ: знаю, что значитъ безъ хлѣба сидѣть. Не забудь только одно, Яша: *Честенъ тотъ, кто работой живетъ.* Ну, а теперь ступай, съ Богомъ. До завтра...

VI.

Тускло, дымясь, горѣла маленькая керосиновая лампочка въ избушкѣ дяди Степана. Въ стекла оконца, слегка подернутыя вечернимъ морозомъ,

чуть-чуть пробивались лучи мѣсяца... Гдѣ-то за печкой сверчокъ тянулъ свою монотонную пѣсенку... У верстака, заваленнаго цѣлой грудой желѣзныхъ полосокъ, гвоздиковъ, винтиковъ, сидѣлъ Яша и съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывался въ хитрый, совсѣмъ непонятный для него механизмъ замочка «съ секретомъ».

«Вотъ бы заняться-то чѣмъ,—думалъ онъ, отирая крупныя капли пота на лбу.—Рубля два-три за штуку взять можно. *За штуку!..* Господи! Научиться бы!..»—И онъ все съ большимъ и большимъ вниманіемъ вглядывался въ механизмъ.

Тетка Аксинья, сильно похудѣвшая за послѣднее время и все такая же мрачная и нахмуренная, накрывала на столъ. Вотъ накрошила она хлѣба въ большую деревянную чашку, плеснула туда квасу изъ бутылки...

— Дуня-ашка!—сердито закричала она.—Доколѣ ты дрыхнуть-то будешь? Вставай!

— А-а...—послышалось гдѣ-то.

— Вставай, говорю. Ужинъ готовъ.

— Не хочу, мамонька, спа-ать хочу...—Съ печи выглянуло заспанное личико Дуни и опять скрылось.—Ус-та-ала...

— А, наплевать! Садись, Яша, поѣшь. Я не буду.

— Что такъ?—поднялъ голову мальчикъ.

— А то, что кусокъ мнѣ въ горло нейдетъ, вотъ что! Не до ѣды... Третью недѣлю ѣсть не

могу, сна совсѣмъ нѣту. День денской какъ въ туманѣ бродишь какомъ-то, мѣста не можешь прибрать. Работа изъ рукъ валится... Да что *работа!*—Она усмѣхнулась.—Какая работа теперь! Живъ былъ Степанъ,—то развѣ было? Ну, положимъ, болѣлъ онъ въ послѣднее время, изъ-подъ тулупа не вылѣзалъ, а развѣ хуже мы жили? Гдѣ ужъ... Ѣли не Богъ знаетъ какъ, а все лучше, чѣмъ нонѣ. Умеръ—все точно прахомъ пошло... И долги теперь эти и работа нейдетъ... Э-эхъ, Степанъ, Степанъ!.. Упокой Господи твою душеньку...—Она отвернулась и шмыгнула рукавомъ по глазамъ.

Яша сидѣлъ, какъ убитый. Горько было слушать ему эти жалобы, причитанья...

«Господи! Чѣмъ же я виноватъ?—думалъ онъ.—Развѣ отъ меня это?»

— Полно, тетушка, полно!—заговорилъ онъ, и голосъ его слегка задрожалъ.—Чего тутъ горевать да печалиться? Точно, лучше мы жили при дядѣ Степанѣ, царство ему небесное... Да что станешь дѣлать? Вотъ и баринъ тоже, Викторъ Андреичъ, мнѣ говорилъ: никто какъ Богъ, Яша, надѣйся, не унывай... Мало, говоритъ, на свѣтѣ богатыхъ да счастливыхъ людей, а куда больше бѣдныхъ, несчастныхъ. Работать, говоритъ, надо, Яша... Были, говоритъ, *великіе* люди... Памятники теперь имъ поставлены... Весь вѣкъ работали, весь вѣкъ трудились они, а голодали, годами

голодали... А все жъ, куда они были лучше многихъ богатыхъ... Работай, говоритъ, голубчикъ мой, Яша, работай,—только въ работѣ и сила... Много онъ мнѣ чего разсказывалъ, тетушка. Память только плоха, не припомню, да и не сумѣю, какъ онъ, разсказать... А добрый баринъ, дай ему Господи здоровья и счастья... Вотъ мы, говоритъ, люди богатые, склавши ручки сидимъ, ничего не работаемъ,—ну, и тоска же, говоритъ, насъ забираетъ... Работай, молъ, Яша, трудись... Воля да... гмъ... воля и трудъ человѣка дивныя дива творятъ...

Мальчикъ остановился. Крупныя капли пота выступали у него на лбу... Тетка Аксинья молчала. Она и половины не поняла, что говорилъ Яша; да онъ и самъ, впрочемъ, врядъ ли все понималъ.

— Уѣхалъ онъ? Баринъ-то твой? Какъ его...

— Викторъ Андреичъ? Уѣхалъ. До весны, говоритъ, не пріѣду: дѣла...

— Да-а!—протянула Аксинья.—Баринъ хорошій, что говорить. Многіе въ Павловѣ хвалятъ... Ѣсть кто захочетъ—накормитъ; денегъ надобно—денегъ дастъ... Добрый баринъ... Ты сколько тогда съ него получилъ?

— Пятнадцать рублей, тетушка...

— А, да, пятнадцать... Рубля три лишнихъ пошло: сочтемся, молъ... Добрый баринъ... Ну, а

потомъ-то, Яша? Потомъ-то какъ?—И она тоскливо поглядѣла на мальчика.

Яша молчалъ.

— Какъ-нибудь, тетушка, справимся,—пробормоталъ онъ.

— Вотъ то-то и есть: какъ-нибудь... Къ намъ кто-то идетъ никакъ... Кто бы?..

Дверь отворилась. Въ избу вошелъ дѣдушка Еремѣй, кряхтя и отряхая снѣгъ съ шапки. За нимъ ковылялъ родитель его, Петръ Аѳанасьевичъ...

— Господи Іисусе Христе!—говорилъ дѣдушка Еремѣй, истово крестясь предъ иконой.—Поздненько никакъ: девять часовъ... Не осудите... Шли вотъ мимо съ родителемъ, да и зашли...

— Милости просимъ, милости просимъ, Еремѣй Петровичъ, Петръ Аѳанасьичъ,—засуетилась Аксинья.—Вотъ тутъ, тутъ; у печки,—теплѣе...

— Спать, поди, собирались?—спросилъ дѣдушка Еремѣй.

— Нѣтъ, родной, только поужинали.

— А-а...—Старикъ опустился на лавку.—Дѣльце есть до тебя, Аксинья Мироновна.

— Что скажешь?

— Да вотъ... Приходилъ о прошлой недѣлѣ Якунька, денегъ просилъ. Рубля два-три, говоритъ, въ самый бы разъ... Радъ бы, голубушка, да что станешь дѣлать, коли самъ получить не могу... Суббота сегодня?

— Суббота.

— Воскресенье... понедѣльникъ... вторникъ... среда... Въ четвергъ дамъ, пожалуй.

— Ладно, ладно. Спасибо.

— Батька еще тебѣ что-то хотѣлъ сказать.

— Мнѣ?

— Да... Ишь задремалъ тамъ, въ углу-то... Батюшка! — крикнулъ дѣдушка Еремѣй. — Что ты тамъ хотѣлъ сказать Аксиньѣ Мироновнѣ?

Петръ Аѳанасьевичъ вздрогнулъ, очнулся.

— Да... да... да... Подь-ка, Аксиньюшка, подька сюда,—зашамкалъ онъ.—Вишь, дѣло какое...

— Что, дѣдушка?

— Сказывалъ тебѣ Еремѣй, насчетъ Яши-то?

— Сказывалъ.

— Да. Приходилъ онъ о прошлой недѣлѣ... Плохо, дескать, у насъ, больно плохо: долги одолѣли, работа нейдетъ... Ну, и просилъ Еремѣя: дай, молъ, рубля два-три—отдамъ... Кхе-е...—закряхтѣлъ дѣдушка Петръ.—Знаю, что не пропали бы эти рубли,—отдали бы, да не въ томъ суть, а въ томъ, милая, что денегъ-то́ нонѣ ни-ни... Какъ передъ Истиннымъ... Плохо дѣлишки идутъ...

— Знаю, что плохо, дѣдушка, знаю,—пробормотала Аксинья—Да что же?

— Асеньки?

— Что, говорю?

— Да то, милая... Гмъ... Какъ бы сказать... Случалось и прежде оно: занималъ Степанъ—отда-

валъ... Почему бы не дать—нѣ-ѣту... Да стойже. ты, стой, погоди!.. Есть у меня теперь... гмъ...—таинственно зашепталъ онъ, есть двѣ синихъ бумажки... Правду сказать, на похороны я ихъ берегъ,—ну, да ужъ ежели... гмъ... Дамъ я, пожалуй, одну, отдадите...

— Ха-ха-ха! — засмѣялся дѣдушка Еремѣй.— Полно ты, батюшка... Синенькими-то твоими ребятамъ только играть... Бу-ма-га вѣдь! Гроша никто не дастъ...

Дѣдушка Петръ усмѣхнулся и тряхнулъ головой.

— Вѣрно. Нигдѣ не возьмутъ. Это ежели бы лѣтъ сорокъ назадъ...

Тетка Аксинья копошилась надъ чѣмъ-то у печки. Яша попрежнему сидѣлъ, углубившись въ разсматриваніе замка. Вотъ онъ отложилъ его въ сторону, взялъ полоску желѣза. Рѣзкій, пронзительный вѣтеръ загудѣлъ вдругъ на улицѣ... Сверчокъ затянулъ свою безконечную пѣсенку...

«...А работа подчасъ не легка»...

пришло почему-то въ голову Яшѣ.

«Надъ доской день денской спину гнешь;
Онѣмѣютъ плечо и рука,
Какъ безъ-устали молотомъ бьешь...
Да зато честенъ тотъ,
Кто работой живетъ!..»

— Ничего, какъ-нибудь, справимся...

И опять застучалъ въ избѣ молоточекъ, завизжала пила...



Илья-богатырь.

Мрачно и грозно глядятъ на свѣтъ Божій страшно крутыя, мѣстами совсѣмъ неприступныя Балканскія горы; высоко поднимаютъ онѣ къ синему небу свои покрытыя снѣгомъ вершины. Обрывы, обледянѣлые, скользкіе, расщелины, глубокія, темныя пропасти попадаются здѣсь чуть не на каждомъ шагу. Тропинки, узенькія, неровныя пролегаютъ по краямъ этихъ зіяющихъ пропастей, и эти тропинки—часто единственный путь, по которому съ величайшимъ трудомъ можно пройти, не говорю ужъ—проѣхать.

И вотъ, черезъ эти-то неприступныя горы, черезъ эти обрывы и глубокія пропасти еще недавно перешла русская армія... Телеграфъ коротко извѣстилъ удивленную Россію: *Наши перешли за Балканы*!..

Страшно тяжелъ и опасенъ былъ этотъ путь русской арміи. Сколько мощной, непобѣдимой энергіи, мужества, ловкости требовалъ онъ!..

Тамъ, гдѣ нельзя было ни пройти ни проѣхать— карабкались наши солдатики, какъ дикія кошки, на четверенькахъ ползли, цѣплялись руками, ногами и даже зубами за выдающіеся выступы скалъ, падали, обрывались, опять подымались и опять карабкались и ползли... Лошади даже выбивались изъ силъ и не могли больше работать... Но чего не могла сдѣлать лошадь, то дѣлалъ русскій солдатъ... Онъ на собственныхъ плечахъ переносилъ тяжелые обозные тюки, телѣги, пушки вмѣстѣ съ лафетами и колесами; переносилъ больныхъ, обезсиленныхъ офицеровъ, ослабѣвшихъ товарищей... Многіе погибли при этомъ. Много умерло отъ истощенія силъ, отъ лютыхъ морозовъ, отъ голода; многіе нашли себѣ могилу на днѣ зіяющихъ пропастей, вдребезги разбились о скалы... Но подвигъ былъ совершонъ, и Россія его никогда не забудетъ. Вѣчная память погибшимъ! вѣчная честь и слава живымъ!

Итакъ, русская армія только что перешла за Балканы.

Была ясная морозная ночь. На широкой снѣжной полянѣ, освѣщенной луной и пламенемъ кой-гдѣ горѣвшихъ костровъ, раскинулся лагеремъ полкъ... Тамъ и сямъ виднѣлись наскоро сдѣланныя палатки. Измоченныя, изнуренныя лошади лѣниво пережевывали овесъ... Былъ часъ двѣнадцатый ночи, и въ лагерѣ почти всѣ уже спали; только у нѣкоторыхъ костровъ сидѣли и лежали

еще небольшія группы солдатъ да мѣрно шагали взадъ и впередъ часовые, закутанные въ башлыки и изрѣдка перекликались другъ съ другомъ.

— Слу-ша-ай! — неслось съ одного конца лагеря.

— Слу-ша-ай!—глухо доносилось съ другого.

Одинъ изъ костровъ почти совсѣмъ догорѣлъ Синеватое пламя чуть-чуть вспыхивало и слабо освѣщало блѣдныя, утомленныя лица двухъ солдатъ, примостившихся у костра. Оба были еще молодые ребята. Одинъ изъ нихъ, худощавый, съ жесткими, черными волосами, торчащими, какъ у ежа, снялъ съ себя прорванную во многихъ мѣстахъ шинель и такъ, въ одной рубашкѣ, сидѣлъ у огня, нашивая кой-гдѣ заплатки. Другой, бѣлокурый, широкоплечій и коренастый, разлегся передъ костромъ съ трубкой въ зубахъ и лѣниво слѣдилъ глазами, какъ вспыхивалъ и опять погасалъ огонекъ.

Но вотъ онъ поднялся, подбросилъ небольшую охапку хвороста. Костеръ вспыхнулъ и запылалъ. Вотъ пламя его освѣтило лицо третьяго солдата, лежавшаго до сихъ поръ въ тѣни и, повидимому, крѣпко спавшаго. Солдатъ этотъ невольно обращалъ на себя вниманіе. Представьте здоровеннѣйшаго дѣтину, вершковъ двѣнадцати росту, съ широкою, истинно-богатырскою грудью и такими же плечами. Высунувшаяся изъ-подъ шинели рука просто поражала толщиной своихъ

мускуловъ. Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, толстое, скуластое лицо геркулеса было болѣе чѣмъ простодушно,—глуповато пожалуй. Вотъ онъ потянулся, вздохнулъ и вдругъ слегка застоналъ.

Черноволосый солдатикъ вздрогнулъ и обернулся. На лицѣ его выразилось глубокое участіе, состраданіе.

— Что ты, Илюшенька, что ты? — обратился онъ къ великану, и голосъ у него задрожалъ.— Ноетъ рука-то?

Но великанъ не отвѣтилъ и только перевернулся на другой бокъ. Онъ спалъ. Солдатикъ заботливо, какъ нянька ребенка, прикрылъ его поплотнѣе шинелью.

— Оставь его, пусть отдохнетъ!—замѣтилъ бѣловолосый.—Усталъ...

— Да-а-а! — протянулъ онъ, закуривая потухшую трубку. — Отродясь я такихъ силачей не видывалъ — лошадь!.. Да и получше, пожалуй, лошади будетъ. Былъ у насъ въ 37-мъ солдатикъ одинъ, Порфирій Назарьевъ,—пятаки мѣдные свертывалъ,—только нѣтъ: противъ этого— далеко-о!.. Подивились мы давеча, братецъ... Пушка у насъ сорвалась съ кручи,—не доглядѣли. Ну, извѣстно, Павелъ Степанычъ достать приказалъ... Спустились мы,—человѣкъ десять было... И туда двинемъ и сюда двинемъ,—ни съ мѣста... Страсть какъ измаялись... Только онъ и подхо-

дитъ, Илья-то. Смѣется. «Что, говоритъ, братцы, упарились? А ну-тка, Господи благослови», да какъ дви-и-нетъ!.. Мы ажно глаза вытаращили... И что же ты думаешь: вѣдь вперли на кручу-то, вотъ те Христосъ... Самъ Павелъ Степанычъ замѣтилъ. «Какъ, говоритъ, тебя, братецъ, зовутъ?» это Ильѣ-то. «Илья Тимоѳеевъ, говоритъ, ваше высокоблагородіе».—«Ну, молодецъ, говоритъ, Илья Тимоѳеевъ; не Тимоѳеевъ, говоритъ, ты, а Илья-богатырь... На-тка, вотъ, выпей!» и полтину ему подаетъ. «Усталъ?»—«Никакъ нѣтъ, говоритъ, ваше высокоблагородіе». И точно, какъ встрепанный... Сила!

Черноволосый усмѣхнулся и ласково поглядѣлъ на спавшаго великана.

— Сила-то, сила,—заговорилъ онъ,—да не въ ней суть, Яковъ Ѳомичъ. Душа вотъ у него, кабы ты зналъ,—ангельская душа... И до сихъ поръ дивлюсь я: съ чего это онъ въ солдаты пошелъ, турокъ бить? Мухи человѣкъ въ жизнь не обидѣлъ.

— Э, да ты его давно, видно, знаешь?

— Его-то? Слава те Господи! лѣтъ пять знаю, коли не больше. Вмѣстѣ, бывало, въ артели жили, въ Нижнемъ,—работали. Въ жизнь мнѣ его не забыть, Яковъ Ѳомичъ. Сто лѣтъ проживу — не забуду.

— А что такъ?—заинтересовался Яковъ Ѳомичъ.

— Да что? Первое—душа человѣкъ. Ну, а второе—жизнь онъ мнѣ спасъ... Дай ему, Господи,



— «Что, говоритъ, братцы, упарились? А ну-тка, Господи благослови», да какъ двинетъ!

много лѣтъ здравствовать!—перекрестился солдатикъ.—По веснѣ было дѣло-то, въ Нижнемъ... Ѣду я съ возомъ черезъ Оку, а ледъ — тонкій-претонкій. Ну извѣстно: тррахъ!—и ушелъ подъ ледъ вмѣстѣ съ лошадью... Вытащилъ! И меня вытащилъ, и лошадь, и возъ...

Солдатикъ остановился: онъ былъ замѣтно взволнованъ. На минуту воцарилось молчаніе. Костеръ слабо потрескивалъ... «Слу-ша-ай!» раздавалось въ тихомъ, морозномъ воздухѣ...

— А все жъ не могу я хорошенько понять, что онъ за человѣкъ за такой,—продолжалъ опять черноволосый.— Не то онъ чуденъ, не то, Богъ знаетъ, что... У насъ вонъ въ артели, въ Нижнемъ, всѣ чудакомъ его звали, да и теперь тоже въ ротѣ чудакомъ кличутъ.

— Да что въ немъ чудного-то?

— Гмъ... Какъ бы сказать... Не знаю ужъ, право... Одно слово—чудной человѣкъ... Да вотъ хоть бы теперь доброта эта—глупая доброта...

— Э-э?

— Глупая... Самъ посуди. Жили мы теперь въ Нижнемъ, въ артели, кули съ мукой съ барокъ у одного купца перетаскивали...

— Въ крючникахъ, значитъ?

— Да. Плату мы не одинаковую получали: когда рубль, а когда и три четвертака,—по работѣ... Ну, а вотъ Илья-то, — тому завсегда вдвое платили, потому—лошадь... Самъ, бывало, Терен-

тій Терентьевичъ, приказчикъ, смѣется: «Битюгъ, говоритъ, воронежскій, меньше вывезетъ, чѣмъ Илья Тимоѳеевъ»... Ну, и платилъ ему вдвое да втрое. Бурунъ былъ денегъ у парня; а вотъ распорядиться-то ими и не умѣлъ.

— Пилъ, видно?

— Пи-илъ? Да онъ и до сихъ поръ не знаетъ, что въ водкѣ за скусъ, — отродясь не пивалъ! Нѣтъ, такъ вотъ, зря деньги расшвыривалъ. Профершпилятся, бывало, наши ребята послѣ получки: извѣстно, чаи тамъ въ трактирахъ, селянки, графинчики,—дочиста иной разъ прогорятъ. Ну и къ Ильѣ. «Выручи, другъ, ради Создателя, дай рубль или два: паспортъ тамъ, что ли, выправить надо». Дастъ. «Подати требуютъ въ волостное,—другой говоритъ,—трехъ рублей не хватаетъ: да и ребятишкамъ надо бы выслать: на мякинѣ, пишутъ, сидятъ... И этому дастъ. Не выдержишь иной разъ. Побойся ты, говоришь, Бога, Илья, не давай ты этимъ мотыгамъ, — надуютъ. Вѣдь у тебя у самого семья дома. (А у него мать-старуха тамъ гдѣ-то, въ Новгородской губерніи, да сынишка; женка-то померла.) «Э, говоритъ, отдадутъ!» Такъ вотъ его, какъ малаго ребенка, и проводили.

— Да-а-а...—протянулъ бѣлокурый, снова закуривая трубочку.—Простофиля!

— Чего хуже... Ну и додавалъ до того, что самъ профершпилился. Получаетъ разъ изъ де-

ревни письмо. Пишетъ старуха: пожаръ у нихъ былъ,—погорѣли. Вышли, молъ, родимый, ради Христа, двадцать цѣлковыхъ, а не то суму придется надѣть, по міру итти съ Петькой. Оторопѣлъ парень; денегъ-то—ни копейки. Засовался туда да сюда. «Побойтесь, говоритъ, Бога, ребята: я ли когда отказывалъ вамъ?» Ну, а ребята, извѣстно: «Хошь наизнанку насъ выверни, говорятъ, гроша мѣднаго нѣту». Бѣгалъ, бѣгалъ по городу, досталъ-таки 20 цѣлковыхъ, послалъ... И что же ты думаешь, Яковъ Ѳомичъ?—чуть не крикнулъ съ горечью черноволосый.—Не прошло послѣ этого и двухъ недѣль,—приходитъ къ нему Данила Силантьевъ (препьющій-пьющій былъ мужиченокъ; за пьянство его и изъ артели-то выгнали).—«Дай, говоритъ, пять цѣлковыхъ, а не то, хошь давись... Во-какъ»...—Далъ!!.

— Э-эхъ!—крикнулъ Ѳомичъ.

— Ну, тутъ ужъ не выдержалъ я... Пять лѣтъ жили мы съ нимъ душа въ душу, ни разу дурнымъ словомъ не перемолвились, а тутъ разругался... Дубина, говорю, безмозглая, дуракъ ты!.. А онъ только смѣется.

Черноволосый опять замолчалъ. Ѳомичъ, видимо, утомленный, все чаще и чаще позѣвывалъ.

— Ну, а дальше-то, дальше что?—лѣниво проговорилъ онъ.

— Да что дальше!.. Чудачилъ онъ такимъ манеромъ, чудачилъ, да вдругъ и случись съ нимъ

оказія. Гляжу, задумываться что-то сталъ парень. И прежде онъ никогда не былъ веселъ: ни пѣсенъ не пѣлъ ни въ гармонію не игралъ, ну, а тутъ что то ужъ очень...—Молчу я,—что, думаю, дальше будетъ. Смотрю, и отъ ѣды начало его отбивать. Бывало, за пятерыхъ, убираетъ, а тутъ нѣтъ: поболтаетъ-поболтаетъ ложкой во щахъ, да и баста. Что, говорю, съ тобой, Тимоѳеичъ? Аль захворалъ? «Нѣтъ, ничего, говоритъ, такъ...» Однако, началъ я слѣдить за нимъ,—услѣдилъ...

— А-а!—встрепенулся Ѳомичъ и, сильно заинтересованный, даже привсталъ.—Что же?

— Да что! Чудеса, братъ, стали твориться, и до сихъ поръ никакъ понять не могу... Никогда онъ прежде изъ дому не выходилъ. Придетъ съ работы, закуситъ—и спать. А теперь, что ни вечеръ—и слѣдъ простылъ... Куда, думаю, это онъ ходитъ? И что же—въ трактиръ...

— А-а... Запилъ?

— Какое тутъ запилъ! Отроду, говорю, въ ротъ не бралъ. Нѣ-ѣтъ... Ну, вотъ, вижу какъ-то, юркнулъ онъ подъ сутемочки въ «Якорь»,—и я туда же за нимъ... Спрашиваю полового (знакомый былъ): у васъ Илья Тимоѳеевъ?—«У насъ», говоритъ. Пьетъ?—«Нѣтъ, говоритъ, не пьетъ, газету читаетъ».—Гмъ... А часто онъ ходитъ къ вамъ?—«Да кажинный, говоритъ, вечеръ. Придетъ, спроситъ иной разъ пару чаю, да и читаетъ, читаетъ. Всѣ, говоритъ, газетины переберетъ (а мы

ихъ пять штукъ получаемъ)». Развелъ я, братецъ, руками, задумался. Что за притча такая?.. Читалъ онъ и прежде, положимъ, любилъ почитать... Библія у него была да Евангеліе. И намъ, случалось, читалъ. Но только газета... Не видалъ что-то... Ушелъ... Приходитъ онъ, двѣнадцать ужъ било. — Что, говорю, Тимоѳеичъ, новенькаго пишутъ въ газетахъ? А? Удивился. Молчитъ. «Да ты, говоритъ, почему это знаешь?» — Да такъ, знаю. — «А вотъ что, говоритъ, Степа, пишутъ»... Да и пошелъ и пошелъ. Битый часъ говорилъ. Голосъ дрожитъ, слезы... Слушалъ я его, слушалъ, да и самъ, братецъ ты мой, мало что не разрюмился... «Пишутъ вонъ, говоритъ, въ газетахъ: война теперь съ турками за славянъ». — Слыхалъ, говорю, сколько разъ. — «Да, и я, говоритъ, тоже слыхалъ, да только не зналъ, *что тамъ* творится... Вотъ, почиталъ бы ты, говоритъ»... И пошелъ!.. Наши проснулись, слушаютъ... «Бьютъ, говоритъ, славянъ, притѣсняютъ поганые турки. Солдатиковъ нашихъ мученски-мучаютъ. Головы, говоритъ, отрѣзываютъ, ноги, руки»... Дрожь меня прошибла, Ѳомичъ... Слыхалъ я и прежде, что больно что-то турки безчинствуютъ, только *этого* не слыхалъ... «Идутъ, говоритъ, теперь на войну и старые и молодые; бьются, кровь проливаютъ. Жертвуютъ всѣ... Мужички вонъ, пишутъ, послѣдніе гроши посылаютъ... Да что же это такое? Когда будетъ конецъ? Рѣшилъ, говоритъ, я,

Степа,—*иду!*»—Ты!?.—«Я, говоритъ. Что будетъ, то будетъ».—А мать то? А Петька?—Рукой только махнулъ. «Богъ, говоритъ, да царь не оставятъ...» И что же ты думаешь? Проснулся я утромъ: нѣту Ильи. День проходитъ, другой, третій—все нѣтъ. Вернулся черезъ недѣлю,—ахнулъ я только: шинель солдатская на немъ, кепка... Что жъ, думаю, коли ты, такъ отчего бы и мнѣ... Пропадать, такъ пропадать, что ли, вмѣстѣ... И отправился я въ рекрутское присутствіе... Чуешь, Ѳомичъ?

Но Ѳомичъ отвѣчалъ только храпомъ. Онъ давно уже спалъ.

— Э, да никакъ и заря занимается,—говорилъ Степанъ, поглядывая на горизонтъ. — Что-то на завтра Богъ дастъ... Сохрани насъ Господи и помилуй... Спи-итъ!—улыбнулся онъ, взглянувъ на Илью.—Спи, спи, родимый... Ахъ, ты, рука-то... Какъ онъ ее разсадилъ!—И онъ подвернулъ подъ шинель лѣвую руку Ильи, наскоро перевязанную окровавленной тряпкой.—Надо бы и мнѣ тоже съ часочекъ вздремнуть.

Степанъ растянулся у потухающаго костра, закрылся шинелью и черезъ минуту ужъ спалъ.

— Слу-ша-ай!—протяжно неслось съ конца лагеря.

Солнышко только всходило... Вотъ первые красноватые лучи его пробились сквозь облака

и освѣтили поляну съ раскинутыми на ней палатками... Подулъ холодный утренній вѣтерокъ...

Трра-та-та!.. та...та...та!—загрохоталъ вдругъ барабанъ, и сонный лагерь сталъ подыматься. Вотъ вылѣзъ откуда-то, чуть ли не изъ-подъ лафета, унтеръ Гавриловъ, высокій, бодрый старикъ, съ бѣлыми, какъ молоко, бакенбардами и усами и съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ, полученнымъ имъ еще за Севастопольскую кампанію,—вылѣзъ, перекрестился, досталъ изъ кармана берестяную тавлинку и съ наслажденіемъ нюхнулъ табаку. Тамъ и сямъ замелькали фигуры солдатиковъ. Опять загорѣлись костры; котелки на нихъ зашипѣли.

Давнымъ-давно проснулся Илья Тимоѳеевъ. Поджавъ подъ себя ноги, какъ турокъ, онъ сидѣлъ у огня и съ величайшимъ аппетитомъ уписывалъ сырой, забусѣлый сухарь... Вяло, равнодушно какъ-то поглядывалъ онъ на все болѣе и болѣе оживлявшійся лагерь, и только при видѣ солдатъ съ перевязанными руками и ногами, охающихъ, прихрамывающихъ, — на лицѣ его выражалось что-то, похожее на участіе. Но и въ голову не приходило Ильѣ, что у самого у него, какъ бревно, руку раздуло; страшно болѣла, ныла она, но онъ не обращалъ на боль никакого вниманія. Не думалъ Илья и о томъ, что сдѣлалъ онъ при переходѣ черезъ «эфти самыя горы». А сдѣлалъ онъ, признаться, не мало. Онъ десять

разъ, если не больше, рисковалъ жизнью, вытаскивая изъ глубокихъ расщелинъ провалившихся туда солдатиковъ; онъ поддержалъ своими богатырскими плечами страшно-тяжелую фуру, рискуя быть ею задавленнымъ; а не поддержи онъ ее,—она задавила бы *шесть* человѣкъ. Припоминалось ему правда, все это, но только какъ что-то простое, обыденное, о чемъ и толковать-то не стоитъ. Улыбнулся онъ только, вспомнивъ сорвавшуюся съ кручи пушку: понравилось ему, какъ похвалили его «лошадиную» силу, и даже самъ строгій, суровый полковникъ, Павелъ Степанычъ, похлопалъ его по плечу и подарилъ полтину на водку.

— Захаръ Вахрамѣевъ! Степанъ Пестряченко! Алексѣй Барсуковъ! — раздался чей-то звонкій голосъ.—Это дѣлали ежедневную утреннюю перекличку по лагерю.

— Илья Тимоѳеевъ!

— Я-а!

— А ты что вчера на перевязку не шелъ?— замѣтилъ проходившій мимо фельдшеръ Ильѣ.— Руку, говорятъ, разсадилъ... Покажи-ка!

— Да чего тутъ казать... Заживетъ...

— Покажи, покажи!

Илья, нехотя, размоталъ окравленную тряпицу и показалъ фельдшеру страшно распухшую, посинѣлую руку. Тотъ поглядѣлъ и невольно покачалъ головой.

— Скверно, братъ, скверно... Да какъ же это ты такъ?

— А Богъ знаетъ, не помню.

— Отрѣзать придется! — брякнулъ полковой эскулапъ.—На гангрену что-то похоже... А впрочемъ, пойдемъ-ка къ Андрею Ивановичу. Пусть онъ посмотритъ.

Ни одинъ мускулъ не шевельнулся на апатичномъ лицѣ Ильи. Онъ, молча, пошелъ за фельдшеромъ.

— Гмъ...—промычалъ старикъ-докторъ, многозначительно сжимая губы.—Нехорошо... Рѣзать—не рѣзать, а изъ строя выбыть придется недѣли на двѣ или на три. Въ обозъ... Савельевъ, дай-ка бинты!

Молча, не дрогнувъ, вынесъ Илья мучительную боль перевязки, но лицо его вдругъ опечалилось.

— Такъ какъ же... какъ же...—бормоталъ онъ, направляясь обратно къ костру.—Въ обозъ... Гмъ... Въ «дѣлѣ», значитъ, быть не придется... Э-эхъ!..

— Ну, что? Ну, что?—кинулся къ нему Степанъ.— Что докторъ сказалъ?

— Да что! — махнулъ рукою Илья. — Совсѣмъ плохо дѣло...

— Рѣ-ѣзать!—ужаснулся Степанъ.

— Нѣ-ѣтъ... не рѣзать... въ обозъ... Недѣли три, говоритъ, надо лежать.

Солдаты захохотали.

— Да ты не торопись больно, парень!—пошутилъ кто-то.—Успѣешь еще помереть-то,—убьютъ. Чудачина!..

Но Илья угрюмо молчалъ. Онъ и безъ того былъ убитъ: единственная мечта, которую онъ такъ долго лелѣялъ, изъ-за которой пошелъ на войну,—быть въ «дѣлѣ», настоящемъ жаркомъ «дѣлѣ» съ «проклятыми бусурманами»,—эта мечта улетѣла... Три недѣли проваляться въ обозѣ, а можетъ и мѣсяцъ и больше!.. Товарищи съ турками будутъ драться, кровь свою за братьевъ-славянъ проливать, а ты лежи себѣ, какъ чурбанъ, какъ колода!.. Чуть не съ ненавистью поглядѣлъ Илья на свою искалѣченную руку и, глубоко вздохнувъ, сталъ свертывать папироску. И во весь этотъ день не могли отъ него слова добиться; даже и съ лучшимъ своимъ другомъ—пріятелемъ Степой, онъ не хотѣлъ говорить...

— Чудаковатъ парень-то, чудаковатъ! — говорилъ, покачивая головою, Ѳомичъ.—Не хочется, ишь, безъ дѣла сидѣть... Богатырь!..

Прошло три недѣли, мѣсяцъ прошелъ. Война съ турками была въ полномъ разгарѣ... Много блестящихъ побѣдъ одержали наши солдатики; много геройскихъ подвиговъ совершили они... Молча, съ надеждой на Бога, съ молитвой въ душѣ, шли они на врага, часто далеко превышав-

шаго ихъ числомъ; до послѣдней капли крови сражались съ нимъ и также молча и безропотно умирали...

Была ненастная, зимняя ночь. Снѣгъ валилъ цѣлыми тучами на мерзлую, обледянѣлую землю. Глухо, тоскливо какъ-то слышались въ русскомъ лагерѣ оклики окоченѣвшихъ отъ холода часовыхъ. Сторожевые огни мелькали, какъ звѣздочки, сквозь непроглядную тьму, и то ярко вспыхивали, то опять погасали...

Въ широкой, просторной лазаретной палаткѣ, почти совсѣмъ занесенной мятелью, лежалъ на кучѣ соломы Илья. Тусклый свѣтъ висѣвшаго на потолкѣ фонаря слабо освѣщалъ его блѣдное осунувшееся лицо... Хриплое, зловѣщее дыханіе съ трудомъ вылетало изъ его широкой, богатырской груди, той самой груди, которою онъ шелъ *напроломъ* въ сегодняшней битвѣ и изъ которой добрый докторъ, Андрей Иванычъ, только что вынулъ двѣ пули...

А вотъ и самъ старикъ-докторъ. Мрачный, суровый, съ нахмуренными бровями, съ окровавленнымъ *корицангомъ* (пулевыми щипцами) въ одной рукѣ и кучей компрессовъ—въ другой, стоитъ онъ на колѣняхъ предъ раненымъ и прислушивается къ его дыханію... Тутъ же, возлѣ доктора, стоитъ бѣдный Степанъ и глазъ не сводитъ съ товарища. Слезы ручьями бѣгутъ по его блѣднымъ щекамъ... А тамъ, въ разныхъ углахъ хо-

лодной палатки, похрапываютъ раненые и утомленные битвой солдатики. Тамъ и сямъ слышится глухой, надрывающій душу стонъ бѣдныхъ страдальцевъ... Фельдшеръ Савельевъ, вторую ночь глазъ не смыкавшій, копошится въ углу, возлѣ маленькой печки, приготовляетъ лѣкарства. Вотъ докторъ еще разъ приложился ухомъ къ хрипящей груди Ильи, поднялся и подошелъ къ слѣдующему больному. Осмотръ былъ не дологъ: двое совсѣмъ умирали, человѣкъ пять-шесть были опасны, у другихъ—болѣе или менѣе тяжелыя раны... Глубоко вздохнулъ старый докторъ и направился къ выходу.

— Ваше высокоблагородіе! — остановилъ его вдругъ блѣдный, дрожащій Степанъ.—Позвольте спросить...

— Что, голубчикъ?

— Умретъ онъ, ваше высокоблагородіе?

— Кто? Тимоѳеевъ? Гмъ... Какъ бы сказать... Врядъ ли поправится: раны очень опасны. А, впрочемъ, Богъ знаетъ...—И докторъ вышелъ.

Степанъ закрылъ руками лицо и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

И вотъ, вдругъ предстали предъ нимъ, какъ сейчасъ, всѣ событія этого страшнаго дня... О, Господи, что это было! Вѣтеръ бушуетъ и воетъ; снѣгъ валитъ цѣлыми тучами. Стонетъ, дрожитъ земля отъ страшнаго грохота канонады; дымъ застилаетъ глаза... И вотъ, въ этомъ черномъ

ѣдкомъ дыму, стройно, шеренгами, съ ружьями на-руку, идутъ, идутъ наши солдаты на приступъ... Вотъ и онъ, Степанъ, вотъ и Илья Тимоѳеевъ... Куда дѣвалось вялое, апатичное лицо геркулеса! куда дѣвался задумчивый взглядъ! Звѣремъ какимъ-то смотритъ Илья: глаза у него такъ и горятъ, сверкаютъ, какъ уголья... Злобно сжалъ онъ рукой ружейный прикладъ... А вотъ и Ѳомичъ... Все ближе и ближе подступаютъ солдаты, еще бы немного... Но вдругъ страшный залпъ, — и цѣлая туча картечи разбиваетъ отрядъ... «Сомкнись!» раздается команда. Солдаты сомкнулись, и опять идутъ и идутъ... Еще залпъ — и ряды опять разрываются... А вотъ, наконецъ, и турки. Но тутъ все перемѣшивается, и Степанъ не можетъ дать хорошенько отчета: какъ и что было дальше. Онъ помнитъ только звяканье и лязгъ сабель и скрещиваемыхъ штыковъ, свистъ пуль и картечи... Помнитъ Илью... Точно разъяренный слонъ, ломитъ и ломитъ впередъ богатырь; всюду, гдѣ ни пройдетъ онъ, гдѣ было тѣсно — тамъ широкая, просторная улица... Турки все отступаютъ... Ротный командиръ, поручикъ Ивановъ, убитъ, и мѣсто его занялъ унтеръ Гавриловъ... «Впередъ, ребята, впередъ!» грозно рычитъ старикъ, и съ бѣлыхъ, какъ молоко, бакенбардъ его каплетъ не потъ, а кровь, — Богъ знаетъ чья: своя или вражья... А Илья все ломитъ и ломитъ... Но вдругъ онъ остановился, окаме-

нѣлъ; поднятое ружье такъ и замерло въ воздухѣ... Что тамъ такое? Раненый турокъ, маленькій, худенькій, чуть не ребенокъ, упалъ на колѣни, и съ мольбой протянулъ руки къ «дикому звѣрю»... Остановился «звѣрь», дрогнулъ... «Дуракъ!—зарычалъ старый Гавриловъ.— Коли его! Бей!..» Но было уже поздно. Двѣ пули впились въ грудь Ильи, и онъ повалился на землю... Затѣмъ все исчезло. . . . .
. . . .

Глухо гудитъ и воетъ холодный вѣтеръ; глухо раздаются по лагерю оклики часовыхъ. Тускло горитъ фонарь въ лазаретной палаткѣ. Фельдшеръ Савельевъ выронилъ изъ рукъ ступку, въ которой что-то толокъ, прикурнулъ въ углу возлѣ печки и захрапѣлъ... Степанъ не спитъ и глазъ не спускаетъ съ Ильи.

«Господи! ужъ не померъ ли?» думаетъ онъ и тревожно прислушивается къ дыханію больного. Но Илья живъ еще, дышитъ хрипло и тяжело... Вотъ онъ застоналъ, пошевелился и открылъ глаза...

— Пи-ить!.. дай, ради Христа... — прошепталъ онъ.—Горитъ все... палитъ...

— На, на, родимый!

Степанъ протянулъ ему кружку. Больной жадно схватилъ ее дрожащими руками и поднесъ ко рту.

Долго тянулъ онъ запекшимися отъ жару губами холодную воду, тянулъ до тѣхъ поръ, пока вся кружка не опорожнилась,—и опять упалъ на солому...

Опять воцарилось молчаніе; слышалось только тяжелое дыханіе раненыхъ, стоны да бушеваніе вѣтра на улицѣ...

— Степа, а Степа! — заговорилъ вдругъ больной слабымъ голосомъ.—Спишь ты?

— Нѣтъ, голубчикъ, не сплю. До сна ли...

— Подвинься-ка поближе сюда... Сядь вотъ тутъ... тутъ... Дай-ка мнѣ руку...

Степанъ протянулъ руку Ильѣ, и тотъ крѣпко сжалъ ее въ своей горячей рукѣ.

— А не могу я ее забыть, Степа, — говорилъ онъ,—до сихъ поръ не могу... Вотъ какъ закрою глаза, — такъ она и стоитъ передо мной, какъ живая...

— Ты про кого это?

— Да про нее... Про дѣвчонку-то эту...

— Какую дѣвчонку? — удивился Степанъ. — Онъ думалъ, что Илья бредитъ.

— Да ту, помнишь... турецкую... Ну, еще тогда въ деревнѣ дрались мы... Какъ ее... эта деревня?

— Не помню я что-то... Когда же это, голубчикъ, когда?

— Да третьяго дня, что ли, али въ субботу, забылъ... Ну, гдѣ еще Пестряченко убили...

— А-а...

— Ну, вотъ... Такъ эта дѣвчонка... Охъ, не могу я забыть... Помнишь, еще турки изъ оконъ стрѣляли... Одинъ еще — старый такой, съ бородой — съ саблей бросился на капитана... Убили... Такъ вотъ дѣвчонка-то эта и выскочила изъ дому... Махонькая - премахонькая... Ухватилась за него, за убитаго, плачетъ, разливается - плачетъ, цѣлуетъ его, лепечетъ что-то по-своему... Господи!.. Такъ у меня сердце кровью и облилось... И вдругъ... вдругъ, Степа...— Больной приподнялся и съ трудомъ перевелъ духъ. Лицо его исказилось отъ ужаса.—Изъ нашихъ тутъ налетѣлъ кто-то, али изъ турокъ, на лошади... Извѣстно, нечаянно, ненарокомъ... И въ самый високъ ей... копытомъ, Степа, въ високъ... И не пикнула, бѣдная... Не могу я, голубчикъ, забыть, не могу...

— Вотъ и тогда... давеча — тоже, — продолжалъ онъ.—Иду я... Помню — иду... куда, самъ не знаю... Бью, колю направо, налѣво, не знаю, что дѣлаю: одурѣлъ... И вдругъ этотъ, помнишь, турчонокъ...

— Какъ не помнить!—Степанъ отеръ рукавомъ катившіяся изъ глазъ слезы.—Кабы не онъ,—не лежалъ бы ты тутъ...

— Да... Ну, такъ вотъ... Плачетъ, молитъ: *аманъ! аманъ!*.. Вспомнилъ я тутъ эту дѣвчонку,— и руки у меня опустились... Ну, а дальше непомню... Что дальше-то было?

— Да что! двѣ пули тебѣ въ грудь всадили, изъ-за турчонка-то, вотъ что... да бокъ прокололи...

— А-а... Значитъ того...—Илья улыбнулся.— Въ *чистую*, значитъ?

Степанъ понурилъ голову и молчалъ.

— Никто какъ Богъ, — пробормоталъ онъ.— Поправишься...

— Ой ли? Ну, нѣтъ, братъ, гдѣ ужъ поправиться... Э, да чего тутъ... Смерти я не боюсь... Хорошо и умереть, Степа, коли умираешь за правое дѣло... На душѣ, знаешь, легко...

Онъ замолчалъ.

— Кончится, Богъ дастъ, эта война, вернешься на родину... Да... Побывай ты, голубчикъ, у насъ, въ Новгородской губерніи... Деревня тамъ есть одна, Марьино-Сельцо называется... Старуха моя живетъ въ ней, парнишка... Ну, поклонъ передай ей, старухѣ... Скажи, что прощенья, молъ, у нея Ильюшка просилъ передъ смертью, что покинулъ ее одинокую на старости лѣтъ... Проститъ старуха: пойметъ, что не за худое дѣло голову я положилъ... А тамъ, Богъ да царь ее не оставятъ... Ну, а парнишкѣ благословенье мое передай, да вотъ тутъ еще... крестикъ...—Онъ съ трудомъ разстегнулъ окровавленный воротъ рубашки и вытащилъ изъ-подъ него мѣдный крестъ.

Илья опять замолчалъ. Измученный, обезсиленный, онъ тяжело упалъ на солому и закрылъ глаза.

— Прощай, Степа... Прощай...— прошепталъ онъ и еще разъ пожалъ все болѣе и болѣе слабѣвшей рукой руку товарища.—Дай Богъ тебѣ... Дай, Господи, нашимъ... Да не плачь же... Чего плачешь, глупый!.. Надо же вѣдь и умирать тоже когда-нибудь: не весь вѣкъ небо коптить. Ну, а теперь почитай ты мнѣ, ради Христа, хоть немножко... Возьми вонъ тамъ, въ ранцѣ, Евангеліе... Почитай...

Степанъ досталъ книжку, въ кожаномъ переплетѣ, и развернулъ ее.

— Ну, вотъ... вотъ спасибо... Раскрой отъ Матѳея, глава пятая...

— Есть.

— Почитай... Нагорная проповѣдь...

— Плохо я только читаю-то.

— Ла-дно...

Степанъ не плохо, а хорошо даже читалъ, но теперь тяжело ему было: сердце у него отъ тоски разрывалось, голосъ дрожалъ и прерывался отъ слезъ.

И опять тихо-тихо въ палаткѣ; слышится дыханіе спящихъ да изрѣдка стонъ...

— Слу-ша-ай!—несется съ одного конца лагеря.

— Слу-ша-ай!—долетаетъ съ другого.

...«И Онъ, отверзши уста Свои, училъ ихъ, говоря: Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ царство небесное. Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся...»—раздается дрожащій голосъ Степана. Илья лежитъ, слушаетъ; руки у него скрещены на груди, лицо совершенно спокойно.

...«Блаженны алчущіе и жаждущіе правды»...

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Ильи.

...«Ибо они насытятся...» — Степанъ поднялъ голову и взглянулъ на больного. Тотъ лежалъ неподвижно, съ улыбкою на губахъ.

— Спишь, Ильюшенька? А?

Нѣтъ отвѣта.

— Померъ! — въ ужасѣ закричалъ Степанъ и нагнулся къ больному.

Но Илья былъ еще живъ. Слабое, чуть слышное дыханіе еще колыхало эту широкую, богатырскую грудь. Но вотъ лицо его стало все болѣе и болѣе разгораться. Дыханіе становилось сильнѣй: съ нимъ начиналась горячка, бредъ...

Долго, мучительно долго тянулась эта безсонная ночь. Пронзительный вѣтеръ то вылъ, какъ разъяренный звѣрь, потрясая обледянѣлую парусину палатки, то точно плакалъ, стоналъ. И этому плачу и стону вторили надрывающіе душу стоны больныхъ... Огонекъ въ маленькой печкѣ то вспыхивалъ, то опять погасалъ... Но ничего не видѣлъ, не слышалъ Степанъ. Онъ не сводилъ

глазъ съ больного, слѣдилъ за выраженіемъ его лица, за дыханіемъ... «Вотъ, вотъ,— думалъ онъ,— еще одинъ вздохъ—и все будетъ кончено... Прощай, Илюша, прощай!..» И слезы градомъ катились по блѣднымъ, осунувшимся щекамъ бѣднаго малаго...

А бредъ все усиливался... Илья тревожно метался и ворочался на соломѣ...

То представлялось ему со всѣми мельчайшими подробностями, какъ идетъ онъ съ полкомъ черезъ Балканскія горы... Страшныя, неприступныя крутизны; снѣгъ, ледъ вездѣ, глубокія зіяющія пропасти... Холодно, ужасъ, какъ холодно: коченѣютъ руки и ноги, бѣлѣетъ лицо... Вотъ онъ идетъ, ползетъ по этому снѣгу и льду; за нимъ еле-еле плетутся совсѣмъ измученные товарищи... Онъ чувствуетъ, что силы его покидаютъ, дыханіе спирается въ груди, голова кружится... Еще немного—и онъ полетитъ въ бездонную пропасть. «Да ужъ не лучше ли? Сразу, по крайней мѣрѣ», думаетъ онъ... И вдругъ крикъ, болѣзненный, мучительный крикъ... Илья вздрогнулъ. Солдатикъ какой-то, худой, изнуренный, сорвался и полетѣлъ въ расщелину. Откуда и силы взялись у Ильи! Онъ бросился за несчастнымъ... Скользитъ, падаетъ... Руки у него всѣ въ крови, ноги изранены, но онъ успѣваетъ схватить бѣдняка и вытаскиваетъ его... То опять чудится ему, какъ идетъ онъ съ ружьемъ на-руку въ битву... Сквозь

клубы густого, темнаго дыма, тамъ и сямъ мелькаютъ красныя, потныя лица солдатъ... А вонъ и турецкія фески... Гнѣвомъ вспыхиваютъ глаза у Ильи... Но вотъ онъ опять вздрагиваетъ почему-то и зажмуриваетъ глаза: «Кровь... кровь...» бормочетъ онъ и тревожно ворочается на соломѣ...

И вдругъ передъ нимъ встаетъ новая картина: представляется ему жаркое, знойное лѣто... Душно... Трудно дышать. Въ воздухѣ стоитъ какой-то желтоватый туманъ; слегка пахнетъ дымомъ. Надъ сонной, неподвижной рѣкой какъ-то лѣниво носятся ласточки: имъ тоже жарко. На полѣ, покрытомъ желтѣющей рожью, мелькаютъ фигуры жнецовъ; порой вынырнетъ изъ этого хлѣбнаго моря голова бабы, повязанная бѣлымъ платкомъ, красное, лоснящееся отъ пота лицо; ярко блеснетъ на солнышкѣ серпъ... Съ какою-то лихорадочною поспѣшностью трудятся жнецы. Пѣсенъ не слышно: не до пѣсенъ теперь, только шелеститъ сжатая рожь да тихо позвякиваютъ серпы. А вонъ на межѣ, подъ тѣнью развѣсистой ивы, сидитъ молодая, красивая женщина и кормитъ грудью ребенка... Илья, съ трубкой въ зубахъ, примостился подлѣ нея и глазъ не сводитъ съ сынишки... «Илю-ша-а...—раздается откуда-то изо ржи голосъ старухи.—Обѣдать, родимый, пора... Совсѣмъ я стомилась...»—«Пора, пора, матушка!» шепчетъ Илья и поворачивается на соломѣ...

Картина мѣняется снова: видитъ онъ бѣдную, занесенную снѣгомъ деревню. Утро. Солнышко какъ-то тускло и хмуро свѣтится сквозь туманъ... Передъ открытой могилой стоитъ онъ, Илья... Слезы ручьями текутъ у него по лицу, и онъ наскоро отираетъ ихъ заскорузлой рукой... Старуха какая-то стоитъ тутъ же и жалобно причитываетъ...

— И на кого ты, родная ты наша, сынка покинула своего! — рыдаетъ она. — Кто-то теперь смотрѣть за нимъ будетъ? Кто будетъ кормить да поить?..

Но вотъ картина снова мѣняется: деревня исчезла въ туманѣ. Вотъ широко разлившаяся рѣка, хлѣбная пристань; барки, росшивы, плоты, пароходы... Толпа крючниковъ, рослыхъ, здоровыхъ ребятъ, таскаетъ на плечахъ десяти - и пятнадцатипудовые мѣшки съ мукой... Только покряхтываютъ молодцы да потираютъ спины...

Илья повернулся и тоже потеръ спину... . .

. . . .

— Э-э! да онъ совсѣмъ молодцомъ!—говорилъ старикъ докторъ, слушая пульсъ у все еще слабаго, но ужъ очнувшагося Ильи.—Еще двѣ-три недѣльки—и опять подъ ружье можно...

— Ваше высокоблагородіе!—завопилъ совсѣмъ одурѣвшій Степанъ и бухнулся въ ноги доктору.— Отецъ родной! благодѣтель!.. Ручку, ручку позвольте поцѣловать!

И онъ ловилъ руку доктора и цѣловалъ ее, а слезы такъ и текли ручьями на эту старую морщинистую руку.

— Не меня, не меня,—бормоталъ растроганный докторъ.—Я тутъ ни при чемъ... Бога благодарить надо, ну, да натуру еще: натура желѣзная...

И вдругъ, изъ глазъ старика-медика выкатилась слезинка и повисла на посѣдѣвшихъ усахъ. Это страшно сконфузило старика; онъ разсердился даже на подобное малодушіе.

— Ну, чего ты завылъ!—сердито прикрикнулъ онъ на Степана и вырвалъ руку.—Старрая баба!..

Степанъ вскочилъ и вытянулся во фронтъ.

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе,—пробормоталъ онъ.

Докторъ улыбнулся и вышелъ.

Было ясное, морозное зимнее утро. На ***ской станціи Новгородской желѣзной дороги, съ минуты на минуту ожидали прибытія поѣзда. Начальникъ станціи, низенькій тучный мужчина, съ лицомъ, почти такимъ же краснымъ, какъ его фуражка, то и дѣло поглядывалъ на часы...

— Опоздалъ, опоздалъ, — бормоталъ онъ. — Опять, видно, заносы...

По платформѣ бродило взадъ и впередъ нѣсколько пассажировъ съ чемоданчиками, саквояжами, узелками. Тутъ же, съ сознаніемъ своего достоинства, важно расхаживалъ рослый станціонный жандармъ...

— Скоро ли, Яковъ Васильевичъ?—обратился къ начальнику одинъ изъ пассажировъ, повидимому, небогатый помѣщикъ, въ потертой еноткѣ и съ саквояжемъ подъ мышкой.—Чуть не полчаса дожидаюсь. Весь перезябъ.

— Скоро, скоро-съ, Владиміръ Петровичъ. Сію минуту долженъ прійти-съ. — И начальникъ опять взглянулъ на часы. — Да вотъ идетъ, видите?

Дѣйствительно, вдали показалось легкое облачко дыма. Вотъ оно все больше и больше. Вотъ, наконецъ, послышался явственный грохотъ колесъ. Еще минута—и поѣздъ остановился у станціи.

Изъ вагона третьяго класса бодро выскочилъ рослый солдатъ съ рукою на перевязи и съ котомкою за плечами. Молча оглянулъ онъ толпу пассажировъ, какъ бы отыскивая въ ней знакомыхъ, но знакомыхъ не было... Вдругъ красное лицо начальника станціи кинулось ему въ глаза. Онъ пристально посмотрѣлъ на него, что-то припомнилъ...

— Дозвольте спросить, ваше высокоблагородіе,—заговорилъ онъ, подходя къ начальнику и молодцовато дѣлая подъ козырекъ:—вы не господинъ ли Андреевъ будете?

— Да, я Андреевъ,—отвѣчалъ тотъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ на солдата.— Что жъ тебѣ надо?

— Не изволите знать меня, ваше высокоблагородіе?

— Въ первый разъ вижу.

— А не помните ли Илью Тимоѳеева, ваше высокоблагородіе? Еще когда становымъ вы были, такъ не разъ изволили у меня останавливаться.

— Илья Тимоѳеевъ... Илья Тимоѳеевъ...—забормоталъ толстякъ.—А-а! вспомнилъ! Такъ это ты?

— Я, ваше высокоблагородіе.

— Не узналъ, не узналъ. — И онъ еще разъ оглянулъ Илью.—Измѣнился ты, братецъ. Что жъ, на побывку?

— Въ безсрочный отпускъ, ваше высокоблагородіе. По случаю ранъ.

— А-а... Такъ, значитъ, въ походѣ былъ!

— Да-съ... Дозвольте спросить, ваше высокоблагородіе,—заговорилъ снова Илья, и голосъ у него слегка задрожалъ:—не изволили ли вы чего слышать насчетъ моей матушки и сынишка? Больше года никакой о нихъ вѣсточки не было...

— Да какъ у тебя мать-то зовутъ? Дарьей?

— Дарьей, ваше благородіе.

— Гмъ... гмъ... Да... Слышалъ, слышалъ...

Илья, не мигая, смотрѣлъ на начальника, ждалъ...

— Совсѣмъ опустилась старуха... Въ третьемъ году избушка сгорѣла, новую строила, позадолжала... Хлѣбъ въ нынѣшнемъ году совсѣмъ не родился. По міру ходитъ.

Илья вздохнулъ, смахнувъ рукавомъ шинели выкатившуюся изъ глаза слезу.

— Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе,—проговорилъ онъ, — покорнѣйше благодаримъ-съ!—И, повернувшись налѣво кругомъ, зашагалъ по дорогѣ.

Начальникъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, покачалъ головой и скрылся за дверью вокзала.

Долго шелъ Илья, изрѣдка останавливаясь и осматриваясь по сторонамъ. Мѣста все были родныя, знакомыя...

Вотъ маленькій сосновый лѣсокъ, гдѣ онъ давно когда-то, мальчишкой еще, ставилъ силки на куропатокъ. Вонъ болото, поросшее мелкимъ и рѣдкимъ кустарникомъ. Много, бывало, сбиралъ онъ здѣсь разныхъ ягодъ: клюквы, брусники, черники... А вонъ, наконецъ, и деревня...

Сильно дрогнуло и забилось сердце Ильи, когда онъ завидѣлъ родную избушку. Но онъ не узналъ ее: это не та, это другая какая - то... Впрочемъ, та-то сгорѣла,—вспомнилъ онъ, взбираясь по ступенькамъ крылечка и робко пріотворяя дверь...

Въ небольшой низкой избѣ сидѣла за столомъ дряхлая старуха съ сѣдою трясущейся головой, въ изодранномъ пестрядинномъ сарафанишкѣ и жадно ѣла кусокъ чернаго хлѣба, обмакивая его

въ чашку съ водой. Тутъ же, подлѣ нея, на столѣ, лежала куча такихъ же кусковъ... Старый, худой котъ, съ жалобнымъ мяуканьемъ, терся у ногъ старухи, но она не обращала на него никакого вниманія.

— Матушка, здравствуй! — заговорилъ Илья, помолившись передъ иконой. — Вотъ привелъ Богъ опять свидѣться...

Старуха вытаращила на него глаза и молчала. Только сѣдая голова ея затряслась еще больше, корка выпала изъ руки...

— Да что жъ ты, не узнаешь, что ли меня?

— Владычица Пресвятая!—какъ полоумная заголосила старуха.—Илюша! Илюшенька!! Ты?!— Она бросилась сыну на шею, да такъ и замерла тутъ.

Долго не могъ Илья успокоить ее. Она слова вымолвить не могла и только рыдала, рыдала... Наконецъ, понемногу очнулась.

— Господи Іисусе Христе!—говорила она, не спуская съ сына красныхъ слезящихся глазъ. — Ангелы-хранители! Угодники Божіи! Родной ты мой... ненаглядный... кормилецъ... И не чаяла, и не гадала я, старая... Такъ въ отпуску, говоришь? Въ отпуску?

— Въ безсрочный уволенъ, матушка... Да что же это Петьки не видно?

— Ушелъ, родимый, къ сосѣдямъ, скоро придетъ. Забаловался, видно, съ ребятами...

— Господи, ты Боже мой!—вдругъ вскочила она.— Совсѣмъ у меня изъ головы вонъ... Вѣдь ты, поди, ѣсть хочешь, голубчикъ? Проголодался, усталъ?

— Я сытъ, матушка, только что закусилъ...— пробормоталъ Илья.

— Ужъ гдѣ, поди, закусилъ... А у меня и печка-то сегодня не топлена... Да и зачѣмъ топить. Ни варить ничего нѣту ни жарить... Вотъ только кусочки... кусочки Христовымъ именемъ насбирала. Да вѣдь ты, поди, не станешь ихъ ѣсть!—И она съ какою-то лихорадочною торопливостью начала подбирать со стола куски хлѣба.—Милостыньку-то не станешь?

Илья грустно понурилъ голову и молчалъ.

— Да что же это Петька-то, что же Петька не идетъ?—засуетилась опять старуха.—Господи, Боже мой! Этакій сорванецъ! Сбѣгаю я развѣ, родной?

— Ничего, матушка, не безпокойся: придетъ.

Наступило молчаніе. Дарья опять опустилась на лавку и съ любовью глядѣла на сына.

Илья былъ грустенъ, задумчивъ. Сердце у него ныло.

«Господи! — думалъ онъ. — До чего она дожила! Именемъ Христовымъ кормится, милостыней...»

— А ты, матушка, знаешь что? — заговорилъ онъ вдругъ,

— Что, мой родной?

— Усталъ я, признаться, больно усталъ... Ноги болятъ, кости ноютъ... Надо мнѣ отдохнуть денька два-три. Ну, а тамъ, родная, въ Нижній опять я пойду. Сидоръ Панкратьичъ давно обѣщалъ мнѣ работу. Будемъ опять мучку таскать.

— А рука-то, Илюшенька!—ужаснулась старуха.

— Э, что рука! Рука заживетъ... Такъ такъ-то... Денька два-три отдохну. Ну, а тамъ и пойду.— Онъ опять замолчалъ.

— Подати-то заплатила, матушка?

— Гдѣ ужъ, родной! Немного ихъ изъ христорадныхъ кусковъ заплатишь.

— Гмъ... Выплатимъ какъ-нибудь... А за избушку-то много ли задолжала?

— Да восемнадцать рублевъ, кормилецъ.

— Ладно... Хлѣбецъ, говоришь, не родился?

— Сѣмянъ, родной, не собрала—во какъ! Что, кабы хлѣбецъ... Развѣ пошла бы съ котомкой Лазаря пѣть?

— Ну, ничего, матушка,—попробовалъ улыбнуться Илья. — Никто, какъ Богъ — справимся. Вотъ ужо, погоди... Да что же это Петька не идетъ?

— Э, да вонъ онъ никакъ.—Старуха посмотрѣла въ окно.—Онъ, онъ и есть... Сорванецъ, шалопутъ!—заворчала она.—Просто моченьки нѣтъ съ этимъ парнишкой: совсѣмъ руки связалъ.

Дверь отворилась, и въ избу влетѣлъ мальчуганъ, лѣтъ семи, въ облѣзлой мѣховой шапкѣ,

съѣхавшей набекрень, и заплатанномъ полушубкѣ.

— Ѣ-ѣсть хочу, бабушка! ѣ-ѣсть хочу!—завопилъ онъ и вдругъ попятился къ двери...

— Стой, стой, шельмецъ!—закричала старуха.— Погляди-ка на дяденьку-то. Аль не узналъ?

Мальчикъ взглянулъ исподлобья на суроваго, загорѣлаго дяденьку, еще разъ взглянулъ и вдругъ съ крикомъ «тятя! тятя!» бросился ему на шею...

— Петенька... Петя!.. Родимый ты мой! ненаглядный!—бормоталъ Илья, сжимая въ объятіяхъ сына, а слезы такъ и текли въ три ручья по его загорѣлымъ щекамъ.

— Господи! Царь небесный!—говорила Дарья, осѣняя себя широкимъ крестомъ. — Дождалась, наконецъ, я денечка... Да, дождала-ась!..





Мятель.

Зимняя, бурная ночь... Точно въ саванъ закуталась маленькая, бѣдная деревушка... Дико, пустынно кругомъ... Вонъ тянется далеко-далеко вся занесенная снѣгомъ дорога; вонъ чернѣетъ густой хвойный лѣсъ... По темному небу, тамъ и сямъ, плывутъ облака, гонимыя сѣвернымъ вѣтромъ; рѣдко-рѣдко гдѣ блеснетъ изъ-за нихъ, какъ въ туманѣ, синяя звѣздочка, блеснетъ — и опять скроется... Холодно. Воетъ и злится вьюга, вздымаетъ снѣжную пыль цѣлыми тучами, вьетъ, крутитъ ее въ воздухѣ. Вонъ гдѣ-то жалобно заскрипѣли ворота, хлопнулъ полуотворенный ставень. Цѣлая стая воронъ, согнанныхъ съ крыши, поднялась съ громкимъ карканьемъ въ воздухѣ и скрылась за лѣсомъ...

Чуть не совсѣмъ замело деревушку. Всюду, куда ни взглянешь — сугробы и сугробы. Точно

горы какія вздымаются они тамъ и сямъ. Изрѣдка, сквозь снѣжную пелену, блеснетъ въ избѣ огонекъ, блеснетъ въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ, четвертомъ... Вонъ ихъ цѣлыхъ два, рядомъ... Все ближе и ближе... Звякнулъ гдѣ-то подъ дугой колокольчикъ, послышалось громкое ржаніе лошадей.

У крыльца небольшого одноэтажнаго домика, съ надписью *Бабуринская почтовая станція*, тускло горѣли два фонаря. Весь, съ головы до ногъ, занесенный снѣгомъ ямщикъ запрягалъ тройку.

Бѣдныя лошади, только часа два-три назадъ вернувшіяся изъ-подъ почты, безпокойно топтались на мѣстѣ, фыркали, отдувались. Цѣлыя облака пара такъ и валили изъ ихъ разгоряченныхъ ноздрей.

— А, чтобъ васъ черти побрали!—ругался ямщикъ, съ трудомъ подтягивая дугу окоченѣвшими отъ стужи руками.—Стой, тебѣ говорятъ, животина! Сто-ой!

— Ну, что, Миронычъ?—послышался вдругъ чей-то голосъ, и на крыльцѣ появилась маленькая, худенькая фигурка, въ форменномъ сюртукѣ—станціонный смотритель.—Скоро ты тамъ? Баринъ торопитъ. Ѣхать, говоритъ, надо, сейчасъ же, сію минуту...

— Ничего, подожде-отъ!—протянулъ Миронычъ, похлопывая рукавицами.—Ишь холодище-то какой—страсть!.. мятель—зги не видать...

— Вотъ то-то и есть: зги не видать... А вдругъ, сохрани Богъ...

— Чаго?

— Да какъ бы ты въ оврагъ не заѣхалъ.

— Э, слава те, Господи! Ништо ребенокъ я.

— Знаю, что не ребенокъ. А все же... Клюкнулъ никакъ?

— Косушку, Павелъ Иванычъ, вотъ те Христосъ, косушку всего: перезябъ страсть... Будьте покойны: мы свое дѣло знаемъ... Тпру, ты анаѳема! Въ лучшемъ видѣ доставимъ, Павелъ Иванычъ .. Тпру!..

Смотритель махнулъ рукою и скрылся.

Въ небольшой комнатѣ станціоннаго дома, оклеенной старенькими, выцвѣтшими обоями и освѣщенной сальной свѣчой, прохаживался взадъ и впередъ проѣзжій. Это былъ молодой еще человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, худощавый высокаго роста, съ блѣднымъ лицомъ и какими-то безпокойными, блуждающими глазами. На столѣ кипѣлъ самоваръ, стоялъ стаканъ съ налитымъ чаемъ, лежали булки и сухари, колотый сахаръ въ бумагѣ; но проѣзжій не обращалъ на это никакого вниманія. Быстро шагалъ онъ изъ угла въ уголъ, то и дѣло взглядывая на стѣнные часы, свѣряя ихъ со своими карманными, то подходилъ къ окну, прижимался къ стеклу потнымъ горячимъ лбомъ, тщетно стараясь разглядѣть что-нибудь. Но ничего

не было видно: снѣгъ совсѣмъ занесъ окна. Съ улицы доносились стоны и завыванья мятели; изрѣдка позвякивалъ колокольчикъ.

— Господи! Скоро ли, скоро ли!—съ какимъ-то отчаяніемъ бормоталъ проѣзжій, шагая по комнатѣ.—Да когда же они, наконецъ, запрягутъ?.. Двадцать... Нѣтъ, двадцать двѣ минуты двѣнадцатаго! Ровно часъ съ четвертью здѣсь... Что же это такое. Смотритель! Смотритель!—закричалъ онъ.

Отвѣта не было. Мѣрно почикивали часы; самоваръ допѣвалъ свою монотонную пѣсенку да тамъ, за стѣной гдѣ-то, слышался не то храпъ, не то стонъ какой-то...

Совсѣмъ утомленный, измученный, проѣзжій упалъ на диванъ. Глаза его противъ воли сомкнулись. Трое сутокъ ѣзды... да нѣтъ, не ѣзды, а какой-то бѣшеной скачки по страшно избитымъ дорогамъ, безъ сна, почти совсѣмъ безъ ѣды,—это хоть кого утомитъ! И вотъ видитъ онъ комнатку. Розовые обои; на полу, тамъ и сямъ, раскиданы въ безпорядкѣ игрушки: деревянный гусаръ, мельница, барабанъ. Лампадка горитъ передъ образомъ, заливая всю комнату мягкимъ, дрожащимъ свѣтомъ. А вотъ на кровати, подъ стеганымъ одѣяльцемъ, спитъ мальчикъ. Свѣжестью и здоровьемъ дышитъ его полное, разгорѣвшееся отъ сна личико; бѣлокурые волосы разсыпались по подушкѣ.

— Коля! Голубчикъ Коля!—шепчетъ проѣзжій и улыбается.

Но вдругъ лицо его принимаетъ страдальческое выраженіе; брови сдвигаются. Рука лѣзетъ въ карманъ и судорожно сжимаетъ тамъ какую-то небольшую бумагу. Всего нѣсколько словъ въ этой бумагѣ, но какія слова! Точно каленымъ желѣзомъ жгутъ они голову: *Коля боленъ очень опасно. Немедленно пріѣзжай. Анна.*

Проѣзжій вскочилъ, протеръ глаза. Часы показывали половину двѣнадцатаго. Онъ спалъ всего восемь минутъ. Самоваръ все еще пѣлъ на столѣ; мятель выла, стучала снѣгомъ въ окно.

«*Боленъ*... *Опасно*... Умеръ, можетъ-быть, *умеръ*!» Проѣзжій схватился за голову: она горѣла. Нѣтъ! Быть не можетъ! Господь великъ, милосердъ... Онъ сжалится надъ несчастнымъ отцомъ... Онъ не отниметъ у него единственное сокровище—сына, нѣжно любимаго.

«А если я опоздаю!—пронеслось вдругъ, какъ молнія, въ его разгоряченномъ мозгу. — Сто двадцать верстъ... *Сто два-адцать* верстъ!»

— Смотритель! Смотритель!—какъ бѣшеный, закричалъ проѣзжій и кинулся къ двери.

Она отворилась, и въ комнату вошла заспанная фигурка смотрителя. Онъ щурился, протиралъ глаза.

— Звать изволили?

— Да, да... Лошадей... Ради Христа, лошадей!

— Запрягаютъ-съ.

— Какъ «запрягаютъ-съ»? Только теперь запрягаютъ? Что же это такое? Два часа здѣсь сижу...

Два часа!! Да я въ это время сорокъ верстъ могъ бы проѣхать... Мнѣ каждая минута, секунда каждая дорога... Сынъ у меня умираетъ. Понимаете: сынъ!..

На заспанномъ лицѣ смотрителя мелькнуло что-то похожее на участіе, но, впрочемъ, тотчасъ же исчезло: лицо смотрителя приняло прежнее лѣнивое выраженіе.

— Запря...гаютъ-съ,—повторилъ онъ, съ трудомъ сдерживая зѣвоту.—А лучше остались бы, сударь. Давеча вамъ докладывалъ...

— Знаю, знаю!—перебилъ проѣзжій.—Темень, дороги плохія, овраги... Что мнѣ до этого!

— Какъ вамъ угодно-съ... Волки опять... Въ прошлую среду двухъ коровъ здѣсь зарѣзали.

— Да мнѣ-то что! мнѣ-то что! Ну, пусть тамъ овраги, пусть волки. Я не боюсь. Вотъ, тутъ...—онъ вынулъ револьверъ изъ кармана и бросилъ на столъ.—Не волковъ мнѣ... Сынъ у меня умираетъ...

— Какъ вамъ угодно-съ,—опять повторилъ смотритель.—Ямщикъ тоже, выпимши онъ маленько... Ну, что если, сохрани Богъ, въ оврагъ вывалитъ? А замѣнить некѣмъ.

Но проѣзжій не слушалъ. Онъ съ лихорадочной поспѣшностью надѣвалъ шубу, калоши... На улицѣ опять зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Дай Богъ счастливо, сударь!—поклонился смотритель.—За самоварчикъ бы съ васъ.

Проѣзжій сунулъ руку въ карманъ, вытащилъ какую-то ассигнацію и, не глядя, бросилъ на столъ.

— Возьмите!

Смотритель вытаращилъ глаза. Сонное лицо его вдругъ оживилось.

— Всепокорнѣйше васъ благодарю-съ! Дай вамъ Богъ...—разсыпался онъ въ благодарностяхъ. Но проѣзжій былъ уже на крыльцѣ.

Мятель все такъ же стонала и выла. Снѣжный вихрь чуть съ ногъ не сбивалъ, залѣплялъ глаза, захватывалъ духъ.

— Пожалуйте, сударь, пожалуйте!

Смотритель подскочилъ къ кибиткѣ и, предварительно выгребши оттуда цѣлую гору снѣга, обязательно усадилъ проѣзжаго. Тотъ пробормоталъ что-то и закутался въ шубу.

— Трогай!—глухо послышалось изъ кибитки.

— Трогай!—повторилъ и смотритель. — Гляди только, Миронычъ, полегче, Боже тебя сохрани. Главное тотъ-то оврагъ.

— Не *сумлѣвайтесь*, Павелъ Ивановичъ... Тпру!.. Будьте покойны, въ лучшемъ видѣ представимъ... Э-эхъ, вы соколики! Н-ну!..

Миронычъ взмахнулъ кнутомъ, дернулъ вожжами, и лошади тронулись.

— Съ Богомъ!

Смотритель взбѣжалъ на крыльцо и еще разъ разглядѣлъ передъ огнемъ фонаря полученную

имъ кредитку. Онъ точно глазамъ не вѣрилъ. Да еще бы: это была красная ассигнація!..

— Добрый баринъ, дай ему Богъ здоровья!— бормоталъ онъ, пролѣзая въ дверь своей натопленной, какъ баня, каморки.—А, можетъ, онъ ошибся, не доглядѣлъ.

«А вывалитъ его Миронычъ въ оврагъ, какъ Богъ святъ, вывалитъ... Долго ли до грѣха: зги не видать, да и выпилъ маленько... Впрочемъ, Богъ милостивъ...»

Еле-еле плетутся усталыя лошади, то и дѣло утопая въ снѣгу; колокольчикъ монотонно позвякиваетъ. Вѣтеръ воетъ и стонетъ, занося и безъ того занесенную ужъ дорогу новыми снѣжными кучами. Миронычъ лѣниво, точно для успокоенія совѣсти, покрикиваетъ изрѣдка на лошадей и подергиваетъ вожжами.

— Да скорѣй же, ради Бога, скорѣй!—чуть не стонетъ проѣзжій.—Вѣдь этакъ мы до завтра не доѣдемъ до станціи.

— Ничего не подѣлаешь, баринъ,—оправдывается Миронычъ.—Сами изволите видѣть: ни пройти ни проѣхать нельзя. И то еще чудеса, какъ плетемся... Ишь снѣгу-то, снѣгу-то навалило!.. Вотъ развѣ вѣтеръ утихнетъ, Богъ дастъ... Тпру!—вдругъ крикнулъ онъ.

— Чего ты?

— Да вотъ дорога тутъ была, баринъ...

— Ну!

— Пропала дорога... Все была, все была — вдругъ пропала...

— Да ты заблудился, должно-быть?

— Помилуйте, сударь! Ништо въ первой!.. Лѣсокъ вотъ тутъ долженъ бы быть сосновый... Куда дѣвался?..

Мироничъ слѣзъ съ козелъ и чуть не по поясъ провалился въ сугробъ.

— Чудеса, право!—бормоталъ онъ, тыча въ снѣгъ кнутовищемъ, точно отыскивая, не спрятался ли подъ нимъ лѣсокъ.

— Ну, часъ отъ часу не легче!—стоналъ проѣзжій.—Ѣхали шагомъ, десяти верстъ не проѣхали, а тутъ еще—заблудились!

— А, надо быть, заблудились!—не безъ горечи согласился Мироничъ.—Лѣсокъ теперь этотъ... Тьфу, ты, оказія!—Онъ опять взлѣзъ на козлы и дернулъ вожжами.

— Куда же ты теперь?

— Да куда Богъ дастъ, баринъ. Лошади вывезутъ... Н-ну!..

Проѣзжій чуть-чуть не плакалъ.

Долго плелась усталая тройка. Мятель бушевала... Но вотъ вѣтеръ началъ, какъ будто, стихать; порывы его стали ужъ не такъ часты и сильны. Вотъ выглянула изъ-за тучки луна...

— Господи! Съ нами крестная сила!—чуть не крикнулъ Мироничъ.—Волчій оврагъ!..

— Что ты тамъ говоришь?

— Волчій оврагъ, — повторилъ Миронычъ, и голосъ у него слегка задрожалъ.

Проѣзжій высунулъ голову.

Много еще есть на святой Руси дикихъ пустынныхъ мѣстъ, гдѣ рѣдко когда появляется человѣкъ съ топоромъ въ рукахъ или съ ружьемъ за плечами. Водятся тамъ больше куропатки да рябчики; рѣзвыя векши прыгаютъ съ сосны на сосну; съ громомъ и трескомъ провалитъ Топтыгинъ, все сокрушая на своемъ пути, все разбивая. Стаи голодныхъ волковъ оглашаютъ окрестности надрывающимъ душу воемъ. Пять верстъ пройдешь, десять, пятнадцать — нигдѣ ни слѣда жилья человѣческаго, — все тотъ же дремучій лѣсъ да кой-гдѣ болото. Къ числу такихъ дикихъ мѣстностей принадлежалъ и Волчій оврагъ.

Это, дѣйствительно, былъ оврагъ, страшно глубокій, поросшій густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Лѣтней порой здѣсь, можетъ-быть, было и не такъ дико и мрачно; росла, вѣрно, травка, цвѣточки... Теперь ничего не было, кромѣ снѣга и лѣса... Снѣгъ на землѣ, снѣгъ на соснахъ и еляхъ...

— Да что же это такое?—съ отчаяніемъ заговорилъ проѣзжій—Заблудились мы, что ли?

— Точно, что заблудились, баринъ... Верстъ шесть-семь, поди, крюку сдѣлали... Экая вѣдь напасть какая! Что теперь дѣлать?

— Какъ, что дѣлать?— Назадъ вернуться, дорогу найти... Что жъ ты не ѣдешь, голубчикъ? Видишь, мятель унялась...

Мятель, дѣйствительно, почти совсѣмъ унялась. Вѣтеръ стихалъ; снѣгъ уже не съ такой силой крутился въ воздухѣ; зато сугробы вездѣ навалило громадные, такіе сугробы, черезъ которые врядъ ли можно было пройти, не только проѣхать.

— Что жъ ты, любезный? Чего ждешь? Сворачивай лошадей.

— Никакъ нельзя, баринъ. Сами изволите видѣть.

И Миронычъ махнулъ рукой на сугробы.

Проѣзжій съ трудомъ удерживалъ слезы, подступавшія ему къ горлу,—слезы отчаянія, безсилія...

— Умираетъ вѣдь онъ! умираетъ! — промелькнуло у него въ головѣ. –Умеръ, можетъ-быть... Господи!..

— Развѣ пѣшкомъ вернетесь, баринъ, на станцію?—обратился къ нему Миронычъ.—А лошадей я какъ-нибудь подъ уздцы отведу.

— Обратно? На станцію?— Ни за что!.. Да неужто невозможно проѣхать?

— Никакъ невозможно...

— Ахъ, Господи Боже мой! Что теперь дѣлать! Что дѣлать! — схватился за голову проѣзжій. — Деревни здѣсь нѣтъ ли какой близко?

Переждать до утра...—Онъ взглянулъ на часы. Было сорокъ минутъ второго.

— Деревни-то нѣтъ, а есть вонъ избушка тутъ, въ этомъ оврагѣ... Да только нѣтъ, баринъ, лучше вернуться...

— Да почему же?

— Мѣсто здѣсь больно нечистое... Много чего толкуютъ...

— Глупости! Пустяки!.. Гдѣ же избушка?

— А вонъ она за деревьями, вправо.

Проѣзжій взглянулъ, но рѣшительно ничего не замѣтилъ; онъ видѣлъ только одни деревья да снѣгъ. Но вотъ опять показалась луна и освѣтила оврагъ. Дѣйствительно, какъ разъ вправо, между густыми, раскидистыми соснами виднѣлось что-то похожее на избушку.

— Мужичокъ здѣсь одинъ живетъ, баринъ,— продолжалъ Миронычъ.—Темнымъ кличутъ... И точно, что *темный*... Богъ его знаетъ, чѣмъ онъ занимается! Кто говоритъ, промысломъ: птицу бьетъ... Врядъ ли оно только: гдѣ ее станешь сбывать, птицу-то эту? Городъ не близко. Иные толкуютъ — съ нечистымъ знается; а то, пожалуй, и разбоемъ не прочь... Было тоже въ прошломъ году... Баринъ одинъ ѣхалъ этимъ вотъ мѣстомъ, богатый, помѣщикъ, денегъ съ собой кучу везъ, да и пропалъ куда-то и съ деньгами и съ лошадьми. Больно онъ сумнительный че-

ловѣкъ,—заключилъ Миронычъ.—Лучше назадъ вернуться.

Но проѣзжій не слушалъ. Быстро вылѣзъ онъ изъ кибитки и сталъ спускаться въ оврагъ.

— Своди лошадей!—крикнулъ онъ ямщику.— Слышишь? Скорѣе...

— Сохрани Богъ, баринъ. Ништо у меня двѣ головы...

— Эхъ, ты, дуралей, дуралей!

Долго толковалъ съ нимъ проѣзжій: упрашивалъ, бранился, стыдилъ,—Миронычъ стоялъ на своемъ. Припомнилъ онъ опять богатаго барина, старушку Даниловну: «Ушла въ городъ старушка и не вернулась. Куда же ей пропасть?» Припомнилъ что-то о *лихой порчѣ*, о *чарахъ*. Наконецъ, согласился. Махнулъ съ какимъ-то отчаяніемъ рукой: эхъ, дескать, была—не была!— Миронычъ взялъ подъ уздцы лошадей и сталъ спускать ихъ въ оврагъ.

Еле-еле, съ трудомъ, безпрестанно проваливаясь въ рыхломъ снѣгу, добрались они до избушки. Маленькая, бревенчатая, въ два оконца, стояла она за густыми, столѣтними соснами. Не будь этой защиты отъ вѣтра,—ее совсѣмъ занесло бы мятелью. Теперь снѣгъ виднѣлся только на крышѣ да у крылечка.

Немного въ сторонѣ отъ избушки чернѣлъ крытый деревянный навѣсъ. Поставивъ подъ



Еле-еле, съ трудомъ, безпрестанно проваливаясь въ рыхломъ снѣгу, добрались они до избушки...

этотъ навѣсъ свою тройку, Миронычъ робко постучалъ въ дверь.

— Да чего ты боишься? Стучи громче, вотъ такъ!—и проѣзжій забарабанилъ изо всей силы.

Прошло двѣ-три минуты — молчаніе. Тихо въ избѣ, точно въ могилѣ; вѣтеръ только свиститъ да гудитъ между деревьями. Но вотъ, наконецъ, раздались въ сѣняхъ чьи-то шаги.

— Кого тамъ лѣшій несетъ? — послышался сиплый, заспанный голосъ.—Чего надо?

Проѣзжій... Впусти, ради Бога.

Звякнулъ запоръ, дверь отворилась, и на порогѣ показался высокій, здоровенный мужикъ, въ одной рубахѣ, босой.

— Войдите,—угрюмо проговорилъ онъ и слегка отодвинулся.

Миронычъ правду сказалъ, назвавъ Темнаго «сумнительнымъ» человѣкомъ. Дѣйствительно, личность эта съ перваго взгляда не внушала особеннаго довѣрія. Смуглое лицо, съ нависшими густыми бровями, взглядъ исподлобья, громадный ростъ, всклоченная борода, — однимъ словомъ, всѣ тѣ примѣты, какими мы издавна привыкли надѣлять «разбойника».

— Мѣсто въ избѣ найдется; тепла тоже не занимать-стать,—продолжалъ Темный.—Зайдите.

Онъ дернулъ дверь и впустилъ нашихъ усталыхъ, иззябшихъ путниковъ въ избу. Они вошли ощупью: темно было—зги не видать.

— Сейчасъ вотъ огня зажгу.

Съ трескомъ загорѣлась лучина и освѣтила избу. Путники оглянулись.

Чистый, точно сейчасъ вымытый полъ, чистыя лавки. Въ углу образокъ, съ заткнутымъ за нимъ пучкомъ вербы; на стѣнахъ, тамъ и сямъ, лубочныя картинки; на полочкѣ маленькій пузатенькій самоваръ, посуда. Тихо, уютно, тепло... Проѣзжій снялъ шубу и опустился на лавку.

— Самоварчикъ поставить?—обратился къ нему Темный.—Аль закусить, можетъ? Яичницу сдѣлаемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, не надо. Скажи вотъ лучше: какъ намъ добраться до Мининской станціи?

— Аль заблудились?

— Точно, что заблудились,—замѣтилъ Миронычъ, робко поглядывая на Темнаго. — Верстъ семь, поди, крюку сдѣлали. Правду сказать: мѣста мнѣ не больно знакомыя,—я не здѣшній.

— То-то и видно — не здѣшній. А еще въ ямщикахъ ѣздишь. Э-эхъ! Лѣвѣй бы надо держать,—на Вязники...

Миронычъ молчалъ, онъ былъ, повидимому, сконфуженъ. Глаза его какъ-то безпокойно бѣгали по сторонамъ. Онъ то смотрѣлъ на Темнаго, то оглядывалъ избу.

— Сѣнца бы вотъ надо лошадкамъ,—заговорилъ онъ.—Найдется, дядюшка?

— А откуда мнѣ взять? Я лошадей не держу. Есть вонъ соломы маленько. Кушать-то будете, баринъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Вотъ ямщику развѣ дай что-нибудь.

— Можно.

Проѣзжій взглянулъ на часы. Только три!

«Господи, какъ тянется время! — думалъ онъ, поглядывая сквозь замерзшія стекла оконца. — Когда же, наконецъ, когда?..»

Мятель совсѣмъ унялась; вѣтеръ стихъ.

Вотъ тутъ я соломки вамъ подостлалъ, на лавкѣ, — говорилъ Темный, — помягче спать будетъ...

— Спасибо, голубчикъ...

Погасъ въ избѣ огонекъ. Тихо, спокойно. Тускло свѣтитъ луна сквозь замерзшія стекла. Гдѣ-то тамъ, не то на печи, не то на полатяхъ, раздается громкій, богатырскій храпъ Темнаго. Миронычъ тоже заснулъ, бормочетъ что - то спросонья.

Точно какъ на иголкахъ ворочается проѣзжій на лавкѣ,—никакъ не можетъ заснуть. Мысли одна другой мрачнѣе, печальнѣе толпятся въ его головѣ... «Коля! дитя мое, Коля!» думаетъ онъ. И вотъ опять та же комнатка; розовые обои; лампадка горитъ передъ образомъ; на полу, тамъ и сямъ, раскиданы въ безпорядкѣ игрушки... «Папочка!.. папа!..» раздается въ его ушахъ сла-

бый голосъ. Бѣленькія худыя ручки протягиваются къ нему.

Проѣзжій вздрогнулъ, очнулся. Все такъ же тихо, такъ же свѣтитъ луна. Вдругъ сверху откуда-то, съ полатей должно-быть, донесся до него говоръ...

— Легче бы надо, кормилецъ,—говорилъ кто-то.—Тутъ вѣдь шутки плохія... Долго ли до грѣха?

— Э, полно, матушка! Ништо въ первой мнѣ эти души губить? Ты посчитай-ка, сколько я ихъ ухлопалъ.

— Такъ-то оно такъ, родимый, а все же... Знаешь сорокового медвѣдя?

— Ну, то медвѣдя, а тутъ... Жить-то вѣдь чѣмъ-нибудь надо...

— Что толковать!

Послышался чей-то вздохъ, и разговоръ смолкъ.

«Господи, что же это? — подумалъ, поднимаясь съ лавки проѣзжій.—Да неужто онъ въ самомъ дѣлѣ разбойникъ? Нѣтъ, быть не можетъ...»

Онъ сунулъ руку въ карманъ шубы и... вдругъ крупныя капли пота выступили у него на лбу: револьвера тамъ не было! Пошарилъ въ другомъ, въ третьемъ карманѣ — пусто!

— Сгубишь ты когда-нибудь свою душу, Семенъ,—заговорилъ опять голосъ.—О-ой сгубишь! Всякій разъ, какъ ты за это дѣло берешься,— сердце у меня не на мѣстѣ... Ну, разъ прошло,

два прошло, а на третій... Смотри, родимый... На кого тогда Танька останется? Я вѣдь стара ужъ, въ могилу гляжу.

— Пустое, матушка... Волка бояться—въ лѣсъ не ходить... Топоръ-то у тебя гдѣ?

— Да ты развѣ теперь хочешь?

— Теперь... Чего ждать-то...

— Подъ печкой.

Опять послышался чей-то тяжелый вздохъ... Проѣзжій вздрогнулъ... Скрипнула доска полатей... Черная всклоченная голова высунулась съ нихъ, оглянула избу...

— Тише, не разбуди, смотри...

— Ладно...

Полати опять заскрипѣли. Темный осторожно спустился съ нихъ и сталъ шарить за печкой.

Проѣзжій лежалъ ни живъ ни мертвъ. Зубы его стучали, холодный потъ ручьями лился по лицу, по спинѣ... Теперь ужъ онъ не сомнѣвался, что попалъ въ руки разбойника. Страшной болью, тоской сжалось у него сердце... Образы дорогихъ, милыхъ промелькнули вдругъ передъ нимъ...

— Чего тебѣ отъ меня надо, злодѣй?—крикнулъ онъ въ ужасѣ и вскочилъ.

Шагахъ въ двухъ отъ него стоялъ Темный, съ топоромъ въ рукахъ...

— Не подходи! убью! — Проѣзжій схватилъ скамейку.



— Чего тебѣ надо, злодѣй?—крикнулъ онъ въ ужасѣ.
Шагахъ въ двухъ отъ него стоялъ Темный съ топоромъ въ рукахъ.
— Не подходи! убью!—Проѣзжій схватилъ скамейку.

— Да что вы, баринъ?—Темный шагнулъ назадъ.—Али во снѣ что увидали?

— Разбойникъ!.. Убiйца!..

— Какой я разбойникъ, помилуйте! Что вы, Христосъ съ вами!

— Разбойники!.. Рѣжутъ!..—не своимъ голосомъ заоралъ Миронычъ и кинулся къ двери.

— Тфу, ты пропасть!..—совсѣмъ ужъ сердито заворчалъ Темный.—Что они взбеленились? Какой тамъ разбойникъ? Гдѣ?

— Ты... ты... раз... бойникъ!—чуть выговорилъ проѣзжiй.—Убить насъ хотѣлъ...

— Убить? Я? Господи Боже мой. — Темный перекрестился.—Да ты никакъ ошалѣлъ, баринъ, со сна-то!..

— Я слышалъ, ты говорилъ тамъ, съ матерью. Топоръ теперь...

— А, такъ вотъ оно что!..—и Темный, что называется покатился отъ хохота. — Матушка! Слышь, что толкуютъ!.. Разбойники, молъ, убить хотѣли... Ха-ха-ха!..

Проѣзжiй съ Миронычемъ вытаращили глаза...

Съ трескомъ горитъ лучина въ избѣ; сквозь стекла оконца слегка брезжитъ предутреннiй свѣтъ. У печи сидитъ маленькая, вся сморщенная, какъ сухой грибъ, старушка и, поминутно позѣвывая, сучитъ длинную, тонкую нитку. Ми-

ронычъ за обѣ щеки уписываетъ гороховую похлебку, предварительно накрошивъ въ нее огромные куски хлѣба.

Проѣзжій сидитъ у окна; Темный, съ трубкой въ зубахъ, помѣстился тутъ же, подлѣ него.

— Да, такъ вотъ оно въ чемъ дѣло-то, баринъ,— говоритъ онъ.—Точно я—«душегубъ», да только не православныя души гублю, сохрани меня Господи!—волчьи... Кабы не волки,—хоть волкомъ вой!—усмѣхается онъ.—Страсть у насъ ихъ сколько въ оврагѣ!.. У иной бабы-неряхи таракановъ нѣтъ столько за печкой, какъ у насъ этихъ самыхъ волковъ... Такими, братецъ, стадами ходятъ—ой... Пѣсни иной разъ заведутъ ночью,—хоть вонъ бѣги: спать не даютъ... Ну, вотъ и кормимся. По три цѣлковыхъ съ хвоста платятъ въ управѣ-то... Деньги вѣдь это...

— А много набьешь?

— Въ зиму? Да какъ сказать... Штукъ восемнадцать - двадцать. Бываетъ и больше...

— Страшно, поди?

— Боязно, что говорить... Ухо востро держи... Было разъ какъ-то, — самъ еле ноги унесъ.— Ружьишко больно плохое: какъ ни приноравливаешься—все, подлое, въ сторону бьетъ... Осѣчки тоже... Ну, да Богъ милостивъ... Знаетъ Онъ, батюшка,—кромѣ волковъ намъ и кормиться нечѣмъ... Птицу, случается, бьемъ... Мало только ее здѣсь, птицы-то этой...

— А ты давно здѣсь живешь?

— Въ оврагѣ-то? Восемь лѣтъ, баринъ... Прежде я въ Осиновкѣ жилъ.

— Знаю Осиновку,—вставилъ Миронычъ, съ трудомъ прожевывая кусокъ.—Бѣднота...

— И точно, братецъ ты мой, бѣднота—страсть... Землишки по десятинѣ не было, да и земля-то—болото... Ну, кто какъ могъ, такъ и жилъ. Больше на заработкахъ...

— Слыхалъ.

— То-то и есть... Ну, живу я, живу... И вдругъ это пришло мнѣ въ голову: дай-ка переселюсь... Авось либо Господь пошлетъ... Птицу бить буду, волковъ... Охотой-то и прежде занимался...

Онъ замолчалъ, набилъ новую трубку.

— Переселился я,—продолжалъ онъ.—Только переселился,—и пошло у меня день ото дня все хуже да хуже... Сынишка померъ меньшой... Такой былъ славный парнишка—смышленый. Женка потомъ померла... А тамъ... Э, да чего ужъ!..—Темный махнулъ рукой.

— Говори, говори.

— Слухи про меня прошли разные, больно нехорошіе слухи... То, дескать, съ нечистымъ Семенъ знается, то Богъ знаетъ что... *Темнымъ* прозвали, баринъ, — горько усмѣхнулся онъ.—Прежде, бывало, заглядывали ко мнѣ земляки... Ну, тамъ потолкуемъ о томъ да о семъ, — все

веселѣе какъ будто: душу хоть отведешь... Вдругъ точно какъ отъ чумы—ни ногой... Обидно, баринъ... Вотъ и онъ слыхалъ, поди, тоже, какъ меня величаютъ,—кивнулъ онъ на Мироныча.

— Точно оно, говорятъ, — пробормоталъ тотъ сконфуженно.—Мало ли что болтаютъ...

— Вотъ то-то и есть,—болтаютъ... А самъ давеча, съ бариномъ, за разбойника меня принялъ, караулъ закричалъ... Ну, да Богъ съ вами!..

— Бѣжалъ бы отсюда, кажется, безъ оглядки бѣжалъ, — говорилъ онъ, — да руки связаны... Долгу у меня рублевъ до ста накоплено, — надо какъ-нибудь развязаться... Вотъ я и думаю: поживу еще годикъ-другой, понакоплю малость, отдамъ, да и давай Богъ ноги... Свѣтъ-то не клиномъ сошелся... Мать у меня старуха, дѣвчонка...

Онъ опять замолчалъ. Миронычъ, давно уже окончившій свою похлебку, облокотился о столъ и о чемъ-то задумался... Тихо было въ избѣ, только жужжало веретено, да тамъ, гдѣ-то за печкой, трещалъ сверчокъ... Проѣзжій сидѣлъ грустный, задумчивый... Вдругъ онъ очнулся, вскочилъ.

— Утро, хозяинъ, свѣтаетъ. Ѣхать пора...

— А вотъ сейчасъ, баринъ, ружье заряжу.—И Темный исчезъ за заборкой.

Минутъ черезъ пять всѣ вышли на улицу. Было свѣжо, холодно даже. По небу, тамъ и сямъ,

плыли темныя облака. Гдѣ-то на горизонтѣ заалѣлась легкая полоска зари. Миронычъ вывелъ лошадей изъ-подъ навѣса, залѣзъ на козлы, перекрестился:

— Господи, благослови!

— Прямо, все прямо берите,—говорилъ Темный.—Будетъ лѣсокъ,—такъ маленькій, рощица,—а за лѣскомъ—Минино. Дай Богъ счастливо...

— Спасибо, голубчикъ... Возьми-ка!—Проѣзжій вынулъ какую-то ассигнацію.

Темный взглянулъ, протянулъ было руку, но тотчасъ же опять отдернулъ ее.

— Не надо, баринъ, не стоитъ,—угрюмо проговорилъ онъ.—Все прямо, все прямо... Счастливый путь!

И «сумнительный» человѣкъ, съ ружьемъ за плечами, съ топоромъ за поясомъ, скрылся между деревьями...

— Э-эхъ, баринъ! — ворчалъ Миронычъ, подергивая вожжами.—Попали же мы въ *канитель*... Ночка теперь эта, чтобъ ее, да и сугробы опять... Эвона, какъ навалило!..

— Н-ну, милыя! н-ну!—пустилъ онъ въ ходъ кнутъ. — Чего опять стали?.. Баринъ на водку дастъ... Близко теперь ужъ — рукой подать...

Проѣзжій высунулъ голову изъ кибитки и застоналъ... Боже мой, что за сугробы! Горы какія-то навалило громадныя... Тускло, невесело

смотритъ зимнее солнышко; по небу, тамъ и сямъ, плывутъ облака... Снѣгъ, снѣгъ вездѣ... Вонъ, точно саванъ тяжелый, нависъ онъ на вѣтвяхъ старой сосны; поникли могучія вѣтви...

— Скорѣй, Миронычъ! — кричитъ проѣзжій — Скорѣй!..

— Радъ бы радостью, сударь, да снѣгъ этотъ...

— Рубль дамъ на водку... Два рубля... три...

При словѣ «три» Миронычъ изо всѣхъ силъ настегиваетъ коренника. Тотъ дергаетъ. Опять тронулась тройка, — плетется.

— Ужъ теперь близко, баринъ,—весело оборачивается вдругъ Миронычъ и помахиваетъ кнутомъ. — Вонъ она, церковь-то, — Минино.

— Въ горницу милости просимъ-съ! Пожалуйте! Обогрѣйтесь! — лебезилъ долговязый, юркій смотритель, отстегивая фартукъ кибитки. — Яишенку, можетъ-быть? Самоварчикъ? Борщъ можно сдѣлать, котлетки-съ...

— Нѣтъ, лошадей, ради Бога... Некогда,—тороплюсь.

— Лошади всѣ въ разгонѣ-съ.

— Полноте, быть не можетъ!

— Только курьерскія. Честное слово-съ. Тройка всего.

— Такъ вы и дайте ее.

— Помилуйте, какъ же можно!..

— Я вамъ двойные прогоны дамъ.

Смотритель задумался.

— Развѣ для васъ,—согласился онъ.—Все равно отвѣчать-то. Ѳомка! — крикнулъ онъ на весь дворъ. — Гдѣ ты тамъ?

— Здѣ-ѣ-ся!—послышалось издали.

— Тройку. Живо!

Прошло еще пять-десять минутъ, и свѣжая курьерская тройка выѣзжала съ Мининской станціи.

— Скорѣй, ради Бога, скорѣй! — торопилъ то и дѣло проѣзжій.

— Помилуйте, васс... кродіе, живо доставимъ.

И вотъ опять темная, безлунная ночь; потрескиваетъ морозецъ. Бойкой рысцой бѣгутъ лошади. Проѣзжій сидитъ въ кибиткѣ, дрожитъ отъ холода, отъ волненія...

«Господи! — думаетъ онъ. — Коля! Голубчикъ мой Коля! Какъ-то теперь онъ: живъ ли».

И вотъ вспоминается ему эта страшная ночь... Сколько тревогъ, заботъ сколько... Вспоминается Темный... «Ха - ха - ха! за разбойника приняли!» слышится еще въ ушахъ хохотъ. Сколько горечи въ этомъ хохотѣ! «Я-то разбойникъ? Да ты никакъ ошалѣлъ, баринъ, со сна-то!»

— А револьверъ-то я вѣдь тамъ позабылъ, на станціи,—вспомнилъ проѣзжій.—Да, да, на столъ бросилъ...

— Тпру!..

— Что тамъ такое?

— Городъ, васс... кродіе.—Ямщикъ слѣзъ съ козелъ и сталъ подвязывать колокольчикъ.

Проѣзжій вздрогнулъ, перекрестился.

Бойко пробѣжали лошадки городскую заставу. Замелькали, тамъ и сямъ, фонари, дома, маленькіе, старые, деревянные, каменные, большіе... Пугливо сворачиваютъ прохожіе отъ скачущей тройки... Дальше! дальше! скорѣй!..

— Стой!

Проѣзжій отдернулъ фартукъ и чуть не упалъ... Тройка влетѣла во дворъ двухъэтажнаго деревяннаго дома и стала, какъ вкопанная.—Да, это ты, родное гнѣздо. Флигель, сарай, ледникъ... Огонекъ гдѣ-то блеснулъ въ окнѣ. Кто-то сбѣжалъ съ лѣстницы съ фонаремъ въ рукѣ...

— Ты, Егорычъ?

— Я, баринъ, голубчикъ.

Обнялись крѣпко, расцѣловались.

— А Коля что? Коля.—Сердце сжимается у проѣзжаго, духъ захватываетъ.

— Коленька, слава Богу, здоровъ-съ,—крестится старый слуга.—Докторъ даже гулять разрѣшили: воздухъ, говорятъ, это—главное. Барыня, Анна Ивановна... вотъ обрадуются-то! Ждали васъ, ждали...

— Спасибо, Егорычъ, спасибо!—шепталъ проѣзжій задыхающимся отъ волненія голосомъ.— Ну, братъ, веди меня. Я на ногахъ не стою.

— Пожалуйте-съ...

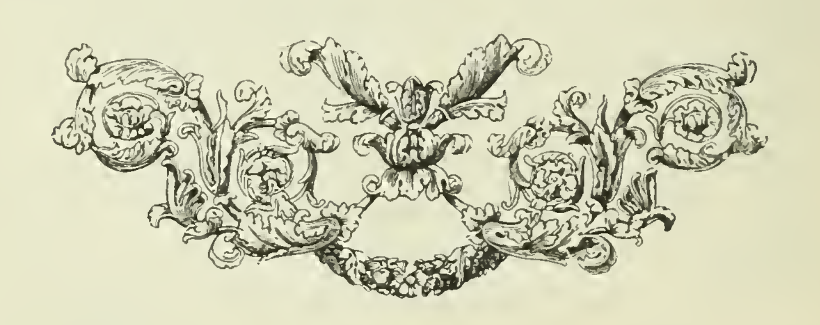
И опять эта комнатка. Розовые обои; лампадка горитъ передъ образомъ; игрушки разбросаны, тамъ и сямъ, на полу: гусаръ, мельница, барабанъ. На кроваткѣ лежитъ мальчикъ, хорошенькій, бѣлокурый, блѣдный немного, худенькій. Весело улыбнулся ребенокъ, протянулъ ручки...

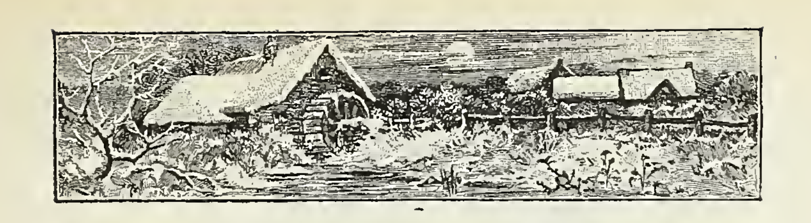
— Папочка! папа!

— Постой, милый, постой!—Пріѣзжій снялъ шапку и широко набожно перекрестился.

А тамъ, наверху, слышались звуки рояля: кто-то невѣрной рукой разбиралъ гаммы.

— Папочка, папка пріѣхалъ!—кричалъ дѣтскій голосъ.—Нянюшка! Самова-аръ!





ДВА ДРУГА.

Ненастный осенній вечеръ. Въ воздухѣ не то дождикъ накрапываетъ, не то носится какая-то сырая холодная пыль. Тускло горятъ фонари на пустынныхъ улицахъ города. Тихо. Изрѣдка проѣдетъ извозчикъ; изрѣдка пѣшеходъ прошлепаетъ по грязи и лужамъ...

Всеношная въ соборѣ подходила къ концу. Вотъ и народъ сталъ выходить изъ церкви. Первымъ показался на крыльцѣ высокій, толстый купецъ. Тяжело дыша и отпыхиваясь, онъ вытащилъ изъ кармана платокъ и сталъ отирать градомъ катившійся съ лица потъ.

— Подайте милостыньку, Христа ради! — послышался на паперти слабый старческій голосъ.

Купецъ оглянулся. При тускломъ свѣтѣ церковнаго фонаря онъ разглядѣлъ какую-то сгорбленную фигурку, прижавшуюся между колон-

нами. Это былъ дряхлый старикъ, на видъ лѣтъ семидесяти, если не больше, съ длинной, растрепанной бородою, исхудалый и блѣдный. Онъ весь трясся и дрожалъ отъ холода. Возлѣ него сидѣла маленькая лохматая собачонка и тоже дрожала...

— Весь день не ѣлъ... съ ранняго утра...—стоналъ старикъ. — Маковой росинки во рту не было... Подай, кормилецъ!..

— Прими, дѣдушка, ради Христа...—И купецъ подалъ ему мѣдную монетку.

— Спаси тебя Господи и помилуй!..

Вслѣдъ за купцомъ, солидно сошелъ съ крыльца какой-то чиновникъ, съ орденомъ на шеѣ, выглядывавшимъ изъ-подъ шинели. Онъ тоже подошелъ къ нищему.

— Подай, кормилецъ!—опять затянулъ тотъ.

— Работать бы могъ,—брюзгливо проворчалъ чиновникъ. — Побираться, вотъ, любите, а работать лѣнитесь...

— Охъ, до работы ли ужъ, родимый!.. Годы, силъ нѣту...

— Вотъ то-то: «годы, силъ нѣту»,—передразнилъ чиновникъ,—Слыхали мы эту пѣсню.

И онъ прошелъ мимо, сунувъ, впрочемъ, въ дрожащую, исхудалую руку старика грошъ.

Чиновника смѣнила старушка въ капорѣ и съ ридикюлемъ.

— Старъ, поди, дѣдушка?—ласково спросила она.



Это былъ дряхлый старикъ съ длинной бородой, исхудалый и блѣдный. Онъ дрожалъ отъ холода. Возлѣ него сидѣла маленькая собачонка и тоже дрожала.

— Охъ, старъ, матушка, ста-аръ... Самъ не знаю, который теперь годъ живу... Подай, родная, убогому человѣку!..

— Ахъ, да у тебя ноги нѣтъ! — воскликнула старушка, только теперь разглядѣвшая торчавшую изъ-подъ лохмотьевъ старика деревяжку. — Изъ отставныхъ, видно?

— Изъ отставныхъ, кормилица, изъ отставныхъ... О-охъ!—простоналъ старикъ и схватился за поясницу.

— Поясница болитъ, дѣдушка?..

— Все, родная, болитъ... И поясница болитъ и кости болятъ... О-о!..

— Ахъ, бѣдный ты, бѣдный!—сказала, вздохнувъ, старушка и стала рыться у себя въ ридикюлѣ. — Не знаю, вотъ, только, что дать тебѣ, голубчикъ: денегъ-то у меня всего три копейки.

— Будетъ, кормилица, за глаза будетъ! Дай тебѣ Богъ здоровья... Хлѣба теперь... охъ... хлѣба фунтикъ — двѣ съ половиной копейки, — еще грошикъ останется...

— Ну, на, прими, Христа ради... Да ты гдѣ живешь-то?

— Далеко, родная, далеко... Тамъ, у самой заставы... Миронычъ, сапожникъ, — слыхала, можетъ,—такъ у него.

— Ко мнѣ бы когда зашелъ, дѣдушка, я тутъ живу недалеко, въ Мироносицкой улицѣ. Марѳу Ивановну, капитаншу, спроси—всякій укажетъ...

Право, зашелъ бы... щецъ бы горяченькихъ похлебалъ, кашки... Не богата я тоже, ну, а для бѣднаго человѣка найдется кусокъ. Слава Тебѣ Господи, Богъ да царь не забыли: пенсію получаю, голубчикъ... хватаетъ...

— Спаси тебя Царица небесная и помилуй! Дай Тебѣ Господи.. —забормоталъ старикъ.

— Такъ заходи!

— Зайду, родная, зайду...

Рѣзкій порывъ вѣтра пронесся по церковной оградѣ. Онъ поднялъ съ земли цѣлую тучу пожелтѣвшихъ листьевъ и закрутилъ ихъ въ воздухѣ. Дождь накрапывалъ все сильнѣй и сильнѣй... Старушка закуталась поплотнѣе въ салопчикъ и пошла впередъ.

Гдѣ-то на каланчѣ часы пробили девять. Народъ отъ всенощной уже давно разошелся, а старый нищій все еще сидѣлъ на крыльцѣ между колоннами. На ладони его лежали двѣ-три мѣдныхъ монетки, и онъ на нихъ грустно поглядывалъ.

— Да, пять копеекъ, Трезорка,—говорилъ онъ, покачивая головою,—только и всего пять копеекъ. Это за цѣлый-то день!.. Маловато, голубчикъ. А? Какъ ты думаешь: маловато? (Трезорка замахалъ хвостомъ.) Ну, на хлѣбецъ-то оно, положимъ, достанетъ, и сольцы купимъ, да еще и кваску захватимъ на грошикъ у Еремѣича... Сыты будемъ, что толковать. А вотъ, чайку бы... о-охъ...

славно бы чайку попить, косточки пораспарить. А? Какъ ты, Трезорка, думаешь? Хорошо бы чайку?.. Ну, да ладно, не лѣзь! (Онъ оттолкнулъ собачонку, бросившуюся на грудь.) Нечего цѣловаться. Тебѣ все равно: ты чаю не пьешь. Тебѣ молочка бы вотъ полакать. А?.. (Трезорка запрыгалъ и завизжалъ.) Тсс... Что ты! что ты! Съ ума сошелъ? Смотри, братъ: Яковъ Степанычъ какъ разъ изъ сторожки вылѣзетъ да метлой! И тебѣ, да и мнѣ, пожалуй, достанется... Помнишь, какъ прошлый разъ онъ тебѣ бока-то нагрѣлъ? Что, небось, поджалъ хвостъ? Вотъ то-то и есть... Пойдемъ-ка лучше домой, Трезорка! Охъ, Господи Боже мой, поясница-то, поясница!

Старикъ съ кряхтѣніемъ и стономъ, кой-какъ поднялся съ крыльца и заковылялъ по оградѣ. Трезорка понесся впередъ.

Долго шелъ старикъ по улицамъ города, то-и дѣло останавливаясь и еле переводя духъ отъ усталости. Рѣзкій, холодный вѣтеръ пробирался въ безчисленныя прорѣхи его кафтанишка и кололъ все тѣло точно иголками. Крупныя капли дождя заставляли его ежиться, вздрагивать.

Вотъ, наконецъ, прошелъ онъ главныя улицы города, хотя и не очень роскошно, но все-таки освѣщенныя фонарями. Пошли улицы глухія, пустынныя. Темень здѣсь была—хоть глазъ выколи, и старикъ, несмотря на то, что хорошо зналъ дорогу, безпрестанно наталкивался то на

заборъ, то на тумбу. Разъ онъ едва не сломалъ послѣдней ноги, провалившись въ дыру гнилыхъ деревянныхъ панелей. Но вотъ, слава Богу, стало свѣтлѣе: выглянула изъ-за тучки луна и освѣтила эти глухія, пустынныя улицы. Господи, что здѣсь за грязь, что за бѣдность! Куда дѣвались эти каменные двухъ- и трехъэтажные дома главныхъ улицъ съ ихъ желѣзными рѣшетчатыми воротами, съ садами и палисадниками!.. Ихъ мѣсто заступили деревянные дома или, вѣрнѣе, домишки, старые, ветхіе, покосившіеся на бокъ, съ гнилыми полуразвалившимися заборчиками... И какая грязь здѣсь, какія лужи! Каково было дряхлому старику на деревяжкѣ перебираться черезъ лужи! Однако, старикъ перебирался кой-какъ: охалъ, кряхтѣлъ, стоналъ, а все-таки перебирался. Вотъ, наконецъ, добрался онъ до маленькаго, вросшаго въ землю домишка. Въ одномъ изъ оконцевъ его съ тусклыми разбитыми стеклами, заклеенными кой-какъ бумагой, свѣтился огонекъ. Трезорка живо юркнулъ въ калитку; старикъ сгорбившись, чтобы не стукнуться о притолоку, проскользнулъ туда же за нимъ.

— Богъ въ помощь, Миронычъ! — заговорилъ онъ, входя въ маленькую, низкую комнатку, слабо освѣщенную керосиновой лампочкой.—А я ужъ думалъ, ты зашабашилъ...

Блѣдный, худой мужчина, съ перехваченными ремешкомъ волосами, сидѣлъ у стола, на опро-

кинутой вверхъ дномъ кадушкѣ, и продѣвалъ дратву въ сапогъ. Подлѣ него на скамьѣ сидѣла молодая еще женщина, очень бѣдно одѣтая, и что-то шила. Въ углу, у печки, слышался храпъ. Тамъ спалъ кто-то,—дѣти, должно-быть. Да, дѣти. Вонъ, изъ-подъ груды лохмотьевъ выглянула растрепанная дѣтская голова и опять спряталась. Въ комнатѣ было страшно сыро и холодно. Съ позеленѣвшихъ, нештукатуренныхъ стѣнъ мѣстами пробивались цѣлые ручейки и текли на полъ.

— Пошабашили, думалъ,—повторилъ старикъ, отряхая вымоченную дождемъ шапку.

— Да, какъ же, держи карманъ!—заворчалъ сердито Миронычъ.—Всю ночь, братъ, сидѣть приведется... Вона работы-то, глянь-ка!—И онъ вытащилъ изъ-подъ стола цѣлую кучу сапоговъ все больше старыхъ, рваныхъ, истоптанныхъ.—Тутъ, вонъ, заплату наложить надо, тутъ каблуки на колодкѣ сбить, тутъ подметку прикинуть... Поспѣвай только.

— Къ сроку?

— Ну, къ сроку—не къ сроку, а надо. Ѣсть-то хочется.

— Что толковать...

Наступило молчаніе.

— Съ пятиалтынный-то насбиралъ?—спросилъ Миронычъ, продергивая зубами дратву.

— Куда ужъ, родной! Всего пять копеекъ.

Миронычъ свистнулъ и захохоталъ.

— Ѣсть-то что будешь?

— Да что... Хлѣбца вотъ фунтикъ бы, соли, кваску... Ты въ лавочку-то пойдешь?

— Пойду.

— Такъ заодно бы...

— Ладно, давай.

Старикъ, охая и хряхтя, вытащилъ изъ-за пазухи тряпку, а изъ нея всѣ собранныя сегодня копейки и подалъ Миронычу. Тотъ что-то накинулъ на себя и направился къ двери.

— Ты тутъ чего растянулся?—сердито закричалъ онъ, наткнувшись на разлегшуюся у дверей собачонку, и далъ ей пинка ногой. Трезорка жалобно завизжалъ.

— Ну, чего ты собаку-то бьешь?—упрекнулъ старикъ.—Что она тебѣ сдѣлала?

— А то, что голову ей отвернуть надо,—вотъ что!—заоралъ Миронычъ.—Сколько разъ я тебѣ говорилъ: не позволю я въ избѣ пса держать.

— Да чего тутъ...

— А то, что воруетъ. Давеча утромъ, вонъ, латки хватился: щи тамъ у меня были. Поглядѣлъ—чисто.

— Трезорка, думаешь?

— А кому больше?

— Ну, нѣтъ, Трезорка тутъ ни при чемъ... Трезорка—собака умная: съ голоду скорѣй поколѣетъ, а крошки не тронетъ.

— Разсказывай!.. Будь я не я, коли голову ему не сверну; утоплю вотъ ужо...

И Миронычъ вышелъ, сердито хлопнувъ дверями.

— И охота тебѣ, дѣдушка, со псомъ возиться!— заговорила женщина.—Точно съ малымъ ребенкомъ, право...

— Эхъ, родимая ты моя! – вздохнулъ тяжело старикъ.—Да вѣдь у меня, кромѣ Трезорки-то, и на свѣтѣ нѣтъ никого... Старуху свою давно схоронилъ, сыновей — тоже. Есть вотъ племянница, замужемъ за купцомъ за богатымъ, такъ гдѣ: знать не хочетъ! Ну, куда, говорятъ, ты годишься? А такъ кормить мы не можемъ: у самихъ семья. И вправду, куда я гожусь, убогій да дряхлый? Работать не въ силахъ—гдѣ ужъ! Въ богадѣльню просился—мѣстовъ нѣтъ свободныхъ. Одинъ я, родная, какъ перстъ одинъ... Мыкаюсь по свѣту, гдѣ день, гдѣ ночь. Ладно вотъ теперь у васъ пріютился... Только одинъ Трезорка и не бросаетъ меня, любитъ меня Трезорка... Вонъ вѣдь, гляди-ка, точно понимаетъ, что я говорю... Ишь, смотритъ-то, смотритъ-то какъ, человѣкъ будто, право!

И старикъ ласково гладилъ лохматую голову собачонки. Трезорка смотрѣлъ, дѣйствительно, не совсѣмъ по-собачьи. Въ его добрыхъ, подслѣповатыхъ глазахъ свѣтилась какая то грусть: точно онъ вполнѣ понималъ и сочувствовалъ положенію своего хозяина.

— А квасу-то нѣтъ, дѣдка, весь вышелъ,— говорилъ Миронычъ, входя въ комнату съ корзинкой, въ которой лежали разные съѣстные припасы: хлѣбъ, лукъ зеленый, завернутая въ бумагу селедка.—До завтра не будетъ.

— Ну, ладно, Богъ съ нимъ.

Старикъ покрестился и усѣлся за ужинъ. Ломоть ржаного хлѣба, посыпанный солью, да деревянная чашка съ водой, которую предложилъ вмѣсто кваса Миронычъ, вотъ и весь ужинъ. Трезорка принималъ въ немъ дѣятельное участіе, и каждый кусокъ аккуратно дѣлился поровну.

На дворѣ стояла темная ночь... Все такъ же завывалъ вѣтеръ, моросилъ дождь... Старый нищій давно уже спалъ подъ сырыми еще лохмотьями кафтанишка; Трезорка помѣщался у него въ ногахъ и тоже спалъ, сильно похрапывая и изрѣдка ворча спросонья... Тусклый свѣтъ лампочки освѣщалъ бѣдную комнатку. Вотъ уже и первые пѣтухи пропѣли, недолго ждать и вторыхъ, а Миронычъ съ женой все еще сидѣли, работали...

II.

Мароа Ивановна Близнецова, извѣстная въ городѣ болѣе подъ именемъ «капитанши», жила въ Мироносицкой улицѣ. Маленькій домикъ ея, въ три окна, съ мезаниномъ, выглядывалъ весело и привѣтливо между другими домами, все

больше какими-то мрачными, старыми... Въ крошечномъ садикѣ еще цвѣли, несмотря на позднюю осень, левкои и резеда; тамъ и сямъ, изъ-за кустовъ крыжовника и смородины выглядывали желтыя шапки подсолнечниковъ...

Было холодное дождливое утро. Тусклое осеннее солнышко, выглянувшее было изъ-за тучки, опять спряталось. Марѳа Ивановна только что вернулась изъ собора, отъ поздней обѣдни, и сѣла пить чай. Въ небольшой, но весьма опрятной, чистенькой комнаткѣ весело шипѣлъ на столѣ блестящій, какъ золото, самоваръ. Въ переднемъ углу, передъ кивотомъ, горѣла фарфоровая лампадка.

Холодно, сыро, грязно было на улицѣ; мрачно, невесело глядѣло сѣровато-свинцовое небо; но зато здѣсь, въ этой комнаткѣ было такъ чисто, тепло и уютно... Ярко и весело горѣлъ огонекъ въ лампадкѣ, освѣщая золоченыя ризы иконъ; ярко горѣлъ и вспыхивалъ огонь въ печкѣ, разливая кругомъ живительную теплоту... Вездѣ была чистота и порядокъ; отовсюду вѣяло чѣмъ-то привѣтливымъ и роднымъ...

Порядкомъ уставшая и озябшая Марѳа Ивановна принялась было за четвертую чашку, но вдругъ вспомнила что-то.

— Ульяна! Ульянушка!—закричала она.

— Сейчасъ, барыня,—послышалось за стѣной, и въ комнату вошла здоровая баба, лѣтъ 45-ти, въ сарафанѣ, съ засученными рукавами.

— Ужъ не отстряпалась ли Ульянушка?— спросила ее Марѳа Ивановна.

— Да скоро, барыня. Щи давно кипятъ; пирогъ тоже сейчасъ садить буду. А васъ тамъ какой-то старикъ спрашиваетъ, безногій. Нищій, должно-быть. Такъ прямо и лѣзетъ въ кухню, да еще съ собакой. Куда ты? говорю. Барыню, говоритъ, увидать надо, зайти велѣла.

— Ахъ, да это тотъ, видно. Зови его, Ульянушка.

— Да что вы, барыня! Вѣдь онъ грязный, мокрый такой, весь полъ загрязнитъ.

— Ничего, вымоемъ.

— Вымоемъ? Да когда мыть-то? Время развѣ теперь? Мнѣ вѣдь тоже не разорваться.

— Ну, ладно, ладно, ступай...

— Еще не стянулъ бы чего тамъ, на куфнѣ-то!— ворчала Ульянушка, ретируясь. — Много ихъ шляется здѣсь, убогихъ. Въ горницу — ишь ты! Ладно бы и въ сѣняхъ постоять.

За стѣной послышался стукъ деревяжки. Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ старый нищій. Ветхій, покрытый безчисленными заплатами и прорѣхами, кафтанишко его былъ промоченъ до нитки; съ растрепанной сѣдой бороды текли чуть не потоки. Трезорка такой же мокрый и грязный, какъ и его хозяинъ, также проскользнулъ въ комнату. Старикъ покрестился на образа, робко и съ удивленіемъ оглянулъ комнату и остановился на порогѣ, очевидно, не смѣя итти дальше.

— Проходи, дѣдушка, проходи!—ласково обратилась къ нему Мароа Ивановна.—Садись, отдохни...

— Спаси тебя Господи и помилуй, матушка!—заговорилъ старикъ и перекрестился.—Награди тебя Царица небесная за доброту за твою. Итти-то мнѣ только, итти-то сюда, родная, не слѣдъ: ишь вѣдь здѣсь чистота, благодать какая, точно въ раю. Промокъ я, въ грязи весь. На кухнѣ бы лучше...

— Ну, вотъ еще! чего тутъ, садись! Звать-то тебя какъ, дѣдушка?

— Петромъ, матушка, Петромъ зовутъ.

Старикъ доковылялъ до стула, на который указала ему Мароа Ивановна, оставляя на полу цѣлыя лужи воды, и робко присѣлъ.

— Чайку, вотъ, дѣдушка Петръ, выпей-ка. Съ холоду-то оно хорошо. Вотъ тутъ сливочки, крендельки.

— Спаси тебя Господи и помилуй!..

— Да что же это за наказанье такое!—вдругъ завопила Ульянушка, врываясь въ комнату съ кочергой.—Вѣдь собачонка-то сюда забѣжала!.. Ахъ ты, мерзкая!—И она кинулась на Трезорку, разлегшагося передъ печкой.—Вонъ, гадина, вонъ!

Трезорка съ визгомъ бросился подъ диванъ, но Ульянушка тотчасъ же вытащила его оттуда за хвостъ и ужъ не пожалѣла ни кочерги ни рукъ: удары посыпались градомъ.

Страшная мука исказила вдругъ лицо стараго нищаго. Стаканъ задрожалъ въ его исхудалой рукѣ.

— Да откуда эта собака? Чья? — спрашивала Мароа Ивановна.

— Моя, кормилица, — почти простоналъ старикъ.—Прости, ради Христа... На дворѣ-то не хотѣлось оставить: холодно, дождь... Нагрязнила она у васъ тутъ, воды нанесла. Да и я-то вѣдь тоже...

— Оставь, Ульяна! — крикнула Мароа Ивановна.—Жалости въ тебѣ нѣтъ никакой. Ну, чего ты бьешь собачонку? Поди сюда, милая, поди сюда!—поманила она Трезорку. Тотъ робко подошелъ къ ней и, получивъ кренделекъ, замахалъ хвостомъ въ знакъ благодарности.

— Любишь собачку-то?—спрашивала старика Мароа Ивановна.

— Какъ не любить, матушка, умная собачонка, привязанная... Вмѣстѣ мы съ ней горе мыкаемъ: вмѣстѣ и голодаемъ и холодаемъ; щеночкомъ я ее еще во какимъ махонькимъ подобралъ, выкормилъ. Вотъ и ходитъ съ тѣхъ поръ за мной, ни на шагъ не отстанетъ. Куда я, туда и она. На войнѣ даже вмѣстѣ были,—усмѣхнулся старикъ.

— Это какъ же? — увидались Мароа Ивановна.

— Да вотъ такъ, матушка. Въ походѣ собственно я и подобралъ-то ее. Шли это мы разъ черезъ деревню одну. Ну, вижу, барахтается въ

пруду щеночекъ, визжитъ. Жалко мнѣ стало, вытащилъ я его, да за пазуху подъ шинель-то и спряталъ. Сперва все думалъ,—не выростетъ, поколѣетъ, потому слѣпой еще былъ, сосунчикъ. Однако, ничего, выкормилъ. Кашу, бывало, сядешь ѣсть, и ему дашь, сухарь грызешь, и сухаря тоже. Смѣялись солдатики-то; ишь, говорятъ, какого ребеночка Богъ послалъ! Однако, ничего, не били. Ну, вотъ, и подросъ Трезорка, умнымъ такимъ сталъ, понятливымъ. Штукамъ мы его разнымъ тамъ обучили. Онъ вѣдь у меня ученый, матушка,—не безъ гордости замѣтилъ старикъ.— И поноску носитъ, и черезъ палку прыгаетъ, и на заднихъ лапкахъ мастеръ ходить. Куда, бывало, ни пойдетъ полкъ, и онъ за обозомъ бѣжитъ. Разъ даже чуть было не убили: пуля въ него попала.

— Да ты что же чай-то не пьешь, дѣдушка?— перебила его Мароа Ивановна.

— Спасибо, родная, награди тебя Богъ, много доволенъ.

— Пей, пей, голубчикъ.—И Мароа Ивановна подала ему новый стаканъ.—Да крендельковъ-то бери, чего ты!

— Спасибо, спасибо, кормилица... Такъ вотъ, пуля попала,—продолжалъ старикъ.—Совсѣмъ, думалъ, поколѣетъ Трезорка. Ухаживать-то за нимъ некогда было: дальше надо было итти, ну, а съ собой взять тоже нельзя. Оставилъ я

его на дорогѣ... Плакалъ, матушка, стыдно сказать, горькими плакалъ; смотритъ это на меня жалобно такъ, стонетъ, руки мнѣ лижетъ. Встать хочетъ, бѣжать за нами—не можетъ. Страсть, матушка, жалко было: собачонка-то умная. Однако, нечего было дѣлать—оставилъ. Идемъ это мы, идемъ, верстъ полтораста никакъ отошли, лагеремъ стали. Лежу это разъ какъ-то въ палаткѣ,—вдругъ слышу: визгъ... Господи, думаю, не Трезорка ли? Вышелъ, гляжу,—онъ и есть. Прыгнулъ на грудь, визжитъ, лаетъ. Отлежался вѣдь, матушка!—заключилъ старикъ.—Съ тѣхъ поръ вотъ и живемъ вмѣстѣ, не разстаемся.

— Кушай, дѣдушка, кушай!—ласково говорила Мароа Ивановна, подавая старику огромный кусокъ пирога съ рыбой.—Простынетъ.

— Награди тебя Богъ, матушка! — Старикъ отеръ кулакомъ выкатившуюся изъ глаза слезу.

Самоваръ былъ давно уже убранъ, и теперь на столѣ, накрытомъ чистою камчатною скатертью, стоялъ румяный пирогъ; тутъ же дымилась миска со щами. Выглянувшее изъ-за тучки солнышко пробиралось сквозь спущенную кисейную занавѣску окна и освѣтило веселенькую картинку. Весело было смотрѣть на эту добродушную хлопотунью-старушку, такъ радушно, отъ всего сердца, угощавшую оборваннаго, грязнаго нищаго. Весело было смотрѣть и на этого нищаго. Даже морщины на лбу его какъ будто разгладились. Дав-

нымъ-давно не ѣдалъ старикъ съ такимъ аппетитомъ; да и еще бы: во всю свою долголѣтнюю жизнь не случалось ему имѣть такого обѣда. Про Трезорку и толковать, разумѣется, нечего. Разлегшись комфортабельно подъ столомъ, онъ весь углубился въ уписываніе огромнѣйшей мясной кости и, конечно, былъ тоже доволенъ какъ нельзя болѣе.

— Да, сохрани, Господи, и помилуй всякаго отъ такой жизни,—задумчиво говорила Марѳа Ивановна.—Старый, больной человѣкъ, — покой бы нуженъ ему, хлѣба кусокъ вѣрный, а тутъ вотъ, поди ты, холодно, голодно.

— Что дѣлать, матушка! — вздохнулъ старикъ.—На все Божья воля.

— Такъ-то такъ, дѣдушка, ну, а все же... Вотъ ты о Мироначѣ тоже разсказывалъ. Бѣдно, говоришь, живутъ?

— И-и, матушка, такъ бѣдно... Изо дня въ день тоже перебиваются. Работишки-то у него никакой, почитай, нѣтъ, да если и есть, такъ какая работишка? Пустая самая! Заплатку на сапогъ наложить, подметку подкинуть. Двугривеннаго иной разъ въ день не выработаетъ А вѣдь у него семья. Однихъ ребятишекъ пять штукъ. Семь ртовъ за столъ-то садятся.

— Что толковать, голубчикъ! А платишь-то ты ему сколько?

— Да сорокъ копеекъ, матушка. Онъ-то и не бралъ бы, пожалуй: что, говоритъ, съ тебя взять, съ калѣки убогаго? — живи такъ, да я самъ ужъ: нѣтъ, говорю, родной, уголъ вѣдь я занимаю.

— Люди хорошіе, ничего, — продолжалъ старикъ, послѣ нѣкотораго молчанія, добрые; иной разъ послѣднимъ кускомъ подѣлятся, дай Богъ имъ здоровья. Одно вотъ только нехорошо; Трезорку моего обижаютъ... Не любитъ Мироничъ собакъ-то, да и ребята тоже: тотъ за хвостъ дернетъ, тотъ за ухо, тотъ пинка дастъ—мучаютъ собачонку. А Трезорка,—онъ смирный, не заворчитъ, не укуситъ; визжитъ только.

— Спасибо, кормилица!—говорилъ онъ, вставая изъ-за стола и крестясь на иконы.—За хлѣбъ за соль спасибо. Награди тебя Богъ. И меня досыта накормила, въ жизнь такъ не ѣлъ, да и Трезорку. Ишь вѣдь, какъ онъ, плутъ, разнѣжился, — ухмыльнулся старикъ, поглядывая на растянувшагося передъ печкой Трезорку.—Набилъ пузо-то... Ну-ка, вставай, благодари барыню, да и домой пора отправляться. Больно ужъ я засидѣлся, матушка, прости, Христа ради.

— Погоди, дѣдушка, погоди. Потолкуемъ.

— Да пора ужъ, родная. И тебѣ тоже покой надо дать. Сама, поди, послѣ обѣда-то отдохнуть хочешь.

— Ничего, ничего, садись!

Старикъ сѣлъ.

— Вотъ видишь, дѣдушка,—начала Марѳа Ивановна.—Говорила я тебѣ давеча, капиталовъ у меня никакихъ нѣтъ. Мужъ-покойникъ (царство ему небесное) тридцать пять лѣтъ прослужилъ вѣрой и правдой, трудился, копилъ. Ну вотъ и оставилъ домикъ этотъ да пенсію. И благодареніе Господу: ничего мнѣ больше не надо. Живу, не нуждаюсь, какъ у Христа за пазушкой: сыта, одѣта, въ теплѣ.

— Благодать, матушка, благодать! Точно въ раю живешь. Всякому такъ-то бы.

— Вотъ то-то и есть. Ну, и думаю я, знаешь ли... Вотъ что думаю, дѣдушка: домикъ у меня небольшой, а все въ немъ комнатки три найдется да кухня—просторно, значитъ. Кушанье мы на двоихъ готовимъ, а все, иной разъ, остается... Ну, и думаю я, что мнѣ стоитъ пріютить человѣка да прокормить его.

— Доброе дѣло, матушка.

— Ты Миронычу-то не долженъ?

— Двугривенный только.

— Ну, вотъ, и ладно. Такъ завтра, знаешь, возьми, да и перебирайся ко мнѣ.

— Къ тебѣ, матушка? Да какъ же это?

— Да такъ вотъ... Возьми, да и переберись. Чего тебѣ тамъ жить въ голодѣ да въ холодѣ? Мѣсто у меня на печкѣ найдется; лежи себѣ

хоть съ утра до ночи, парь свои косточки. Щей тарелка тоже найдется.

— Родимая ты моя, кормилица, — заплакалъ старикъ.—Награди тебя Царица небесная за доброту за твою. Да вѣдь нельзя мнѣ, матушка ты моя, нельзя: стѣсню я тебя. Убогій я человѣкъ, больной. Работать ничего не могу. Что хлѣбъ-то мнѣ у тебя даромъ ѣсть!

— И, полно, дѣдушка! Чего тутъ. Найдется, говорю, у меня хватитъ... Перебирайся-ка завтра съ Трезоркой. Кухня у меня свѣтлая, чистая; тепло въ ней зимой, какъ въ банѣ. А на Ульяну-то ты вниманія много не обращай: она баба не злая, только поворчать любитъ. Такъ вотъ завтра благословясь и перебирайся.

— Родимая ты моя!.. Благодѣтельница...—И старикъ упалъ въ ноги.

— Встань, дѣдушка, встань! Грѣшно человѣку кланяться... Богу кланяйся.

— Матушка, Царица небесная!—крестился старикъ, а слезы такъ и текли въ три ручья по его морщинистымъ, исхудалымъ щекамъ. — Заступница и Покровительница! Награди ты ее, пошли ей здоровья и счастія!

— Такъ вотъ, братъ-Трезорка,—совсѣмъ ужъ весело заговорилъ онъ, улыбаясь сквозь слезы,— дожили мы съ тобой и до краснаго дня. Много мы наголодались, назяблись, подъ дождемъ мокли, подъ снѣгомъ,—ну, вотъ теперь и послалъ намъ

Господь свѣтлый праздничекъ. Благодари же барыню, глупый, ручку у нея поцѣлуй.

Трезорка визжалъ и прыгалъ.

Растроганная Мароа Ивановна отвернулась и отирала катившіяся изъ глазъ слезы. Опять выглянуло спрятавшееся за тучи солнышко,—точно и оно раздѣляло общую радость.

— Ишь наслѣдилъ-то какъ, сѣдой хрычъ!—ворчала Ульянушка, провожая стараго нищаго. Наслалъ Богъ гостей!.. Тебѣ тутъ чего надо—брысь!—пнула она Трезорку, сунувшаго свой любопытный носъ въ какой-то горшокъ.

— О, чтобъ вамъ пусто было!—И Ульяна сердито захлопнула дверь.

Но старикъ даже не слыхалъ ея брани.

III.

Зима этотъ годъ выдалась чрезвычайно холодная. Давнымъ-давно не было въ N—скѣ такой лютой зимы: птица мерзла, дыханіе спиралось въ груди. Но тепло и уютно было старому нищему въ чистой, свѣтлой кухонькѣ Мароы Ивановны. Вотъ, всего мѣсяцъ прошелъ, какъ перебрался сюда дѣдушка Петръ, а какъ измѣнился онъ въ этотъ мѣсяцъ! Куда дѣвался этотъ вѣчный, простудный кашель, такъ сильно мучившій старика, эта страшная худоба! Дѣдушка Петръ поправился и даже немножко пополнѣлъ. Да и еще бы! Съ

утра до вечера, зачастую не сходилъ онъ съ жарко натопленной печи, ѣлъ сытно и хорошо; не было у него теперь ни заботъ ни печали, не мучила его каждый день мысль: а что-то я насбираю сегодня? хватитъ ли на хлѣбецъ съ кваскомъ?

Даже Трезорка и тотъ поправился. Сытый, въ теплѣ, онъ выглядывалъ теперь веселѣе и даже иной разъ отъ избытка довольства отваживался кидаться съ веселымъ лаемъ на грудь сердитой Ульянушкѣ и облизать ей лицо, за что, впрочемъ, и получалъ легкую потасовку.

Съ Ульянушкой дѣдушка Петръ долго не могъ ужиться. Она постоянно косилась на него, ворчала что-то насчетъ дармоѣдства... Бѣднякъ и самъ хорошо понималъ, что онъ «даромъ» чужой хлѣбъ ѣстъ, не работаетъ. Ему стыдно было Ульянушки. Онъ видѣлъ, какъ эта здоровая баба работала, не покладая рукъ, съ утра и до ночи. Вотъ, еще съ первыми пѣтухами, слѣзла она съ полатей; дровъ принесла, печь затопила. Вотъ вернулась съ базара съ корзинкой, за стряпню принялась: варитъ, печетъ, жаритъ. Отобѣдали—посуду моетъ, самоваръ чиститъ... Лежитъ дѣдушка Петръ на печи, смотритъ на всѣ эти хлопоты, и вдругъ ему совѣстно какъ-то станетъ.

— Послушай, родимая,—говоритъ онъ,—дай я хоть лучинокъ тебѣ на самоваръ нащеплю.

— Лежи ужъ себѣ, коли Богъ убилъ!—презрительно отвѣчаетъ Ульянушка.—Куда тебѣ старому!

— Да нѣтъ, право, нащепалъ бы.

— Ну на, коли такъ, щепли!—И она бросаетъ ему полѣно.

Старикъ слѣзаетъ съ печи и принимается за работу. И онъ счастливъ, доволенъ теперь, что хоть капельку да полезенъ.

— Посудку бы вотъ,—продолжалъ дѣдушка Петръ, подавая огромнѣйшій пукъ лучины,—посудку бы вымылъ.

— Это ты-то?

— Да что мудренаго?

— А вотъ на-ка, попробуй!—И Ульянушка, насмѣшливо улыбаясь, придвигаетъ къ нему лахань, въ которой только что начала мыть тарелки.

Дѣдушка Петръ вооружается мочалкой и моетъ. Но тутъ оказывается, что это «не его рукъ дѣло».

— Вотъ то-то и есть!—говоритъ Ульянушка и отнимаетъ лахань.— Гдѣ ужъ тебѣ! Полѣзай-ка лучше на печку... помощникъ! Трезорка вонъ, пожалуй, лучше тебя это дѣло сдѣлаетъ. Третьяго дня блюдо приготовилась мыть, гляжу: дочиста вылизалъ.

— Это какъ же такъ?

— Да такъ вотъ: вылизалъ, да и все тутъ. Любитъ иной разъ попакостничать. А ужъ чего бы, кажется,—до отвалу кормлю.

— А, та-та!—покачиваетъ головою старикъ.— Трезорка, это ты что же? А? Да знаешь, братецъ ты мой, за это вѣдь драть надо вашего брата. Нечего хвостомъ-то вилять. Что за срамъ за такой: никогда прежде за тобой этого грѣха не бывало. А ты бы ему взбучку, Ульянушка, розгой бы его, шельмеца,

— Да я и то ужъ побила...

— Слѣдуетъ, родная, слѣдуетъ. Что за оказія! Никогда прежде... Трезорка, — сердито подзываетъ онъ собачонку,—поди-ка сюда!

Трезорка, слегка пошевеливая хвостомъ, подползаетъ къ нему на брюхѣ.

— Да если ты еще разъ,—грозитъ пальцемъ старикъ,—да я тебя запорю, бестію! Понимаешь ты? запорю... Дровецъ бы вотъ поколоть, родная,— обращается онъ къ Ульянушкѣ.—У тебя, кажись, нѣтъ колотыхъ?

— Гдѣ ужъ тебѣ! Полѣзай, говорю, лучше на печь.

— Да нѣтъ, чего же... Я пололъ бы, право бы покололъ. Прежде, бывало, я...

— Да то, вишь, прежде. Мало ли прежде что! Прежде я и сама по пяти пудовъ подымала, а теперь и трехъ за глаза. Полѣнъ шесть-то наколешь?—подсмѣивается Ульянушка.

— Ше-есть? А вотъ дай-ка топоръ-отъ.

— Ну, на, на; бери, горе ты богатырь. Коли!

Дѣдушка Петръ надѣваетъ тулупчикъ, подаренный ему Мареой Ивановной, беретъ топоръ и выходитъ.

На улицѣ страшный морозъ. Такъ духъ и спираетъ... Не успѣлъ еще и до сарая доковылять старикъ, а у него ужъ вся борода заиндивѣла. Сильная дрожь охватила его старое тѣло.

— А ну-ка, Господи благослови! — говоритъ дѣдушка Петръ, поплевывая на посинѣвшія руки.—Разъ... два... три... Согрѣюсь! И онъ принимается рубить дрова.

Проходитъ четверть часа, много минутъ двадцать, старикъ бросаетъ топоръ и грустно опускаетъ свою сѣдую, лысую голову. Да, правду говорила Ульянушка,—мало ли что прежде бывало! Вотъ тутъ пять... десять... пятнадцать полѣнъ. Немного, кажется, а какъ болятъ руки, какъ ноетъ спина!

— Нѣтъ, братъ, плохой я работникъ!—бормочетъ старикъ.—Видно, и впрямь мнѣ на печи и лежать только.

— Ну, что, дѣдушка? А?—встрѣчаетъ его Ульянушка. — Много ли нарубилъ дровъ-то? Ха-ха-ха! куча какая!—покатывается она.—Въ три дня не спалишь... Усталъ, поди, перезябъ? Охъ, ты помощникъ, помощникъ! Полѣзай-ка на печку лучше, отдохни тамъ!

Зимняя, морозная ночь. Часы на городской каланчѣ только что пробили десять. Въ чистенькой, теплой, уютной комнаткѣ Марѳы Ивановны горитъ лампа, подъ матовымъ абажуромъ. Самоваръ давно уже убранъ, и теперь за столомъ сидитъ сама Марѳа Ивановна, въ обычномъ своемъ темно-коричневомъ платьѣ и старинномъ чепцѣ съ черными лентами. Передъ ней лежитъ книга въ кожаномъ переплетѣ, съ серебряными застежками, и старушка читаетъ изъ нея вслухъ. Дѣдушка Петръ, помѣстившійся на другомъ концѣ стола, подперъ руками голову и весь обратился во вниманіе. Онъ даже руку одну приставилъ къ уху воронкой, чтобы слышнѣй было. Тутъ же сидитъ Ульянушка, съ шитьемъ на колѣняхъ, и тоже внимательно слушаетъ. Картину довершаетъ Трезорка, разлегшійся комфортабельно на диванѣ.

Тихо, тепло въ комнаткѣ. За стѣной гдѣ-то почикиваютъ часы. Лампа разливаетъ кругомъ мягкій и нѣжный свѣтъ. А тамъ въ окна, слегка подернутыя морозомъ, глядитъ свѣтлая лунная ночь. Точно брильянты, горитъ и искрится снѣгъ. Изрѣдка проскрипитъ онъ подъ ногами прохожаго; изрѣдка донесется откуда-то, издали, полицейскій свистокъ—и опять тихо.

— ...«Аминь, аминь глаголю вамъ»,—слышится въ комнатѣ голосъ Марѳы Ивановны,—«яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ

гласъ Сына Божія и, услышавши, оживутъ. Якоже бо Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ. И область даде Ему и судъ творити, яко сынъ человѣчь есть, не дивитеся сему. Яко грядетъ часъ, въ онь же вси сущіи въ гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ сотворшіи благая— въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая — въ воскрешеніе суда»...

— Да,—задумчиво повторяетъ Марѳа Ивановна, закрывая Евангеліе,—и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая— въ воскрешеніе суда. Сохрани, Господи, и помилуй всякаго православнаго!.. Избави его отъ суда и геенны огненной! Много зла въ мірѣ; много въ немъ жадности, злобы... Забыли люди Господа Бога, забыли волю Его: творить дѣла добрыя, дѣлить съ ближними все, что имѣешь. Нѣтъ, не дѣлиться любятъ они, любятъ послѣднее отнимать. Господи, что творится! Братъ возстаетъ на брата, сынъ на отца! Что будетъ грѣшникамъ на томъ свѣтѣ! Какія муки ихъ тамъ ожидаютъ, страданія! Охъ, страшно, страшно подумать.

— Правда твоя, родная!—глубоко вздыхаетъ дѣдушка Петръ.—Что будетъ тамъ, на страшномъ судѣ!.. И пріидетъ Судія праведный и скажетъ Онъ грѣшникамъ окаяннымъ: «Идите отъ Меня, проклятые, въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его».

Старикъ умолкаетъ. Ульянушка, оставивъ шитье, не то дремлетъ, не то сидитъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

— Да, страшно за грѣшниковъ!—продолжаетъ дѣдушка Петръ. — Вотъ только тебѣ, матушка,— обращается онъ къ Марѳѣ Ивановнѣ,—бояться нечего: праведница ты, ангельская душа.

— Ахъ, нѣтъ, дѣдушка, нѣтъ! Грѣшница я... Много я грѣховъ въ жизни сдѣлала, ну, а добраго—что?

— Мало ли добраго, барыня,—подаетъ голосъ Ульянушка.—Вы и теперь сколько добра-то дѣлаете. Да вотъ хоть бы, примѣрно, и онъ. Ну, куда бы ему, старому, дряхлому?

— Такъ то отъ достатковъ, милая, отъ достатковъ. А въ писаніи, знаешь, что сказано: послѣднюю съ себя рубашку сними да отдай ближнему. А это какое добро: хлѣба кусокъ да уголъ?

— Старушку опять содержите,—продолжаетъ Ульянушка,—двухъ мальчиковъ тамъ, въ пріютѣ.

— Ну, вотъ ты какая! — конфузится Марѳа Ивановна. — Завысчитывала, завысчитывала. Накрывай-ка на столъ лучше. Поужинать, да и спать: одиннадцать скоро.

— Сохрани ее, Господи, и помилуй!—набожно крестился дѣдушка Петръ, залѣзая на печь послѣ сытнаго ужина.—Награди ее Царица небесная... Трезорка! Ты гдѣ тамъ опять? Кость гложешь? Полѣзай-ка сюда: тепло здѣсь.

Погасъ огонекъ въ домикѣ Мароы Ивановны; всѣ давнымъ-давно уже спятъ. Только луна съ безоблачнаго, усѣяннаго звѣздами неба заливаетъ комнаты своимъ серебрянымъ свѣтомъ. На улицѣ потрескиваетъ морозецъ.

IV.

Такъ, изо дня въ день, мирно, тихо, спокойно, шла жизнь въ маленькомъ домикѣ Мароы Ивановны. Съ первымъ ударомъ колокола на колокольнѣ Рождественской церкви, старушка, торопливо выпивъ чашку-другую чая, отправлялась къ ранней обѣднѣ. Вспыхивалъ огонекъ въ кухонной печкѣ. Ульянушка, вернувшись съ базара съ провизіей, принималась варить и жарить, а дѣдушка Петръ, не желая сидѣть сложа руки, помогалъ ей или, вѣрнѣе, мѣшалъ. Часу во второмъ накрывался столъ для обѣда; подавались жирныя, наварныя щи (въ постные дни—уха), телятина или грудинка, пирожки какіе-нибудь, молоко. А тамъ, часу въ седьмомъ — чай, потомъ ужинъ. До ужина Мароа Ивановна читала иной разъ Евангеліе или житіе какого-нибудь святого, и много чего говорилось и обсуждалось на этихъ чтеніяхъ.

И денно и нощно, какъ говорится, молился дѣдушка Петръ за свою благодѣтельницу, но только не дошли, должно-быть, до Бога его

молитвы. Здоровье Марѳы Ивановны становилось все хуже и хуже. Недавно еще бойкая и живая, старушка, весь день, съ утра до вечера, проводившая на ногахъ, стала жаловаться теперь на усталость. Болѣзни она никакой не чувствовала, а такъ просто—слабость, упадокъ силъ.

— И то опять вѣдь, голубчики, не аридовы мнѣ вѣки жить!—усмѣхалась она.—Когда-нибудь и умирать надо. Не молоденькая я: шестьдесятъ восемь.

И вотъ въ одно морозное, зимнее утро... Но, впрочемъ, сейчасъ.

— Фу, ты, Господи, какъ заспалась я сегодня!— говорила Ульянушка, слѣзая съ полатей и доставая съ полочки самоваръ.—Что за оказія! А вѣдь, кажись, вчера не поздно легла. Дѣдушка Петръ, а дѣдушка Петръ! Лучинки-то у тебя есть? Слышишь?

Но дѣдушка Петръ отвѣчалъ только храпомъ.

— Часовъ семь, поди, коли не больше,—бормотала Ульянушка, бросая уголья въ самоваръ.— Ишь ты, напасть какая! Ну, что теперь барыня скажетъ? Да, часовъ семь. Э, да вонъ: разъ, два, три, четыре.

Старенькіе часы за стѣной пробили восемь. Тусклое зимнее солнышко проглянуло сквозь замерзшія стекла окна. Трезорка, позѣвывая и потягиваясь, вылѣзъ откуда-то изъ-подъ лавки и

отправился прогуливаться по кухнѣ, понюхивая по угламъ,

— Да никакъ поздно, родимая!—высунулъ съ печки свою сѣдую, лысую голову дѣдушка Петръ.—Часовъ-то много ли?

— Много, дѣдушка,—восемь пробило. Заспались.

— О-о!

Старикъ быстро слѣзъ съ печи, плеснулъ раза два-три водою изъ рукомойника, покрестился.

— Лучинокъ-то, родная, лучинокъ-то, кажись, и не нащепалъ?

— А ну тебя тутъ съ лучинками!—махнула рукой Ульянушка.—Не до лучинокъ теперь. Барыня вотъ проснется, самоваръ надо бы.

— Такъ не проснулась?—удивился старикъ.

— Не проснулась еще. Богъ ее знаетъ, что съ ней... Девять скоро.

— Ужъ не больна ли, родимая?—какъ-то испуганно спросилъ дѣдушка Петръ.—Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ... Мало ли, сохрани Господи! Сходила бы.

Часы пробили девять.

— Девять... Ишь вѣдь. Да, надо сходить. Всегда въ семь вставала.

— Сходи, родная, сходи.

— Спите, барыня, а Марѳа Ивановна?—спрашивала, стуча въ дверь спальни, Ульянушка.

— Кто тамъ? Ульянушка, ты?—послышался слабый голосъ.—Войди!

Въ спальнѣ былъ полумракъ; спущенныя темныя шторы не пропускали съ улицы свѣта, только предъ иконой Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ горѣла лампадка. Марѳа Ивановна лежала въ постели, блѣдная и неподвижная.

— Барыня! Да что это съ вами?—всплеснула вдругъ руками Ульянушка.—Вѣдь на васъ лица нѣтъ!.. Голубушка, что вы?

— Да вотъ умирать собралась, Ульянушка,—слабо улыбаясь, отвѣчала Марѳа Ивановна.—Пора ужъ...

— Полноте, барыня, что вы, Господь съ вами! Болитъ у васъ что?

— Ничего, милая, не болитъ,—такъ, слабость какая-то сильная. Чувствую, что конецъ.

— За докторомъ сбѣгать бы.

— Нѣтъ, милая, нѣтъ. Докторъ тутъ не поможетъ. Не за докторомъ, а вотъ за о. Алексѣемъ сходи... знаешь, за Рождественскимъ.

Губы Ульянушки задрожали; еще минута — и она бы расплакалась.

— Да полноте, барыня, Богъ милостивъ. Мало ли что бываетъ... Прозябли просто,—морозы-то нонѣ стоятъ. Вставайте-ка вотъ лучше, чайку напейтесь, а не то мятки,—оно и пройдетъ.

Старушка молчала.

— Право, мятки напейтесь. Есть тамъ у насъ, въ шкапу.

— Нѣтъ, нѣтъ, милая,—покачала головой Марѳа Ивановна.—Не до мяты мнѣ. За о. Алексѣемъ сходи, вотъ это лучше.

— Господи ты, Боже мой! Да что же это такое?—зарыдала Ульянушка.—Барыня!.. милая...

— Ну, полно, не плачь. Сходи, скажи о. Алексѣю: Марѳа Ивановна проситъ васъ, батюшка, да поскорѣй только,—время идетъ. Нельзя же безъ покаянія... Да постой, постой. Вотъ тутъ, передъ образомъ, свѣчку затепли. Тамъ онѣ, свѣчки, въ кивотѣ.

Ульянушка, всхлипывая и отирая заскорузлымъ кулакомъ слезы, исполнила просьбу Марѳы Ивановны. Ярко затеплилась восковая свѣча предъ иконой Спасителя.

Минутъ черезъ десять явился о. Алексѣй,—высокій, худощавый, сѣдой, какъ лунь, старичокъ. Онъ торопливо прошелъ въ спальню и затворилъ дверь.

Исповѣдь продолжалась недолго. Вскорѣ священникъ, крестясь и шепча что-то, надѣвалъ шубу въ прихожей.

— Святая женщина, да... святая!..—бормоталъ онъ.—Да помилуетъ ее Господь Богъ.

— Матушка ты моя, родная, кормилица!—плакалъ дѣдушка Петръ.—Помолись ты *тамъ*, за меня своими святыми молитвами, за меня, грѣшника

окаяннаго.—И онъ ловилъ худыя, почти прозрачныя, руки старушки и цѣловалъ ихъ.

Маѳа Ивановна съ блѣднымъ, страшно блѣднымъ, но совершенно спокойнымъ лицомъ, на которомъ не было и слѣда страданій, лежала все такъ же тихо и неподвижно. Слабое, прерывистое дыханіе чуть-чуть колыхало ея впавшую грудь.

— Не горюй, дѣдушка Петръ, не горюй,— шептала она.—На все Божья воля. Жаль мнѣ тебя, больно жаль, да что станешь дѣлать. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей; найдется кто-нибудь, пригрѣетъ тебя, пріютитъ.

— Эхъ, кормилица! — почти простоналъ старикъ.—Кто пріютитъ? Кто пригрѣетъ? Лучше ужъ помереть бы скорѣй. Да смерть-то нейдетъ. Не тебѣ бы, родимая, помирать надо, а мнѣ, старику негодному, дряхлому. Такъ живешь, Богъ знаетъ зачѣмъ, только небо коптишь.

— Ну, полно, полно, голубчикъ. Не гнѣви Бога. Онъ лучше насъ знаетъ, кому жить, кому умирать.

— Вотъ завѣщанія не оставила, — продолжала она.—Нехорошо. Все откладывала да откладывала. Родственниковъ у меня, впрочемъ, нѣтъ. Есть, правда, братъ двоюродный, здѣсь живетъ, да онъ самъ человѣкъ не бѣдный: не позарится на мою хату. Ну, вотъ, и живите съ Ульянушкой. Все, что тамъ есть въ сундукѣ, продайте. Не много тамъ: платья кое-какія, салопъ, ложекъ се-

ребряныхъ дюжина. Хватитъ покамѣстъ. Ну, а тамъ... тамъ никто, какъ Богъ. Молитесь только, молитесь.

Больная опять смолкла. Дѣдушка Петръ, блѣдный, убитый, глазъ не сводилъ съ нея. Слезы такъ и текли въ три ручья по его морщинистому лицу.

— А вотъ и Трезорка здѣсь, — заговорила вдругъ Мароа Ивановна.—И ты тоже проститься? Ну, прощай, прощай, бѣдный!

Дѣдушка Петръ вздрогнулъ. Онъ думалъ, что съ больной начинается бредъ. Но нѣтъ, старушка не бредила. Богъ вѣсть откуда появившійся въ спальнѣ Трезорка лизалъ свѣсившуюся съ кровати руку Мароы Ивановны.

— Пошелъ вонъ, Трезорка, пошелъ вонъ! — зашикалъ на него старикъ.—Ему казалось неумѣстнымъ, оскорбительнымъ даже присутствіе собаки въ такую торжественную минуту. Тебѣ говорятъ: вонъ!

— Оставь его, дѣдушка, онъ не мѣшаетъ.—И Мароа Ивановна потрепала слегка по спинѣ собачонку.—Друзья вѣдь, сироты горемычныя... — шептала она въ забытьѣ. Бѣдные! бѣдные!

. . . .

Ярко горитъ свѣча передъ иконой Спасителя. Дѣдушка Петръ стоитъ на колѣняхъ и молится. Никогда, никогда, во всю жизнь, не молился старикъ такъ горячо, такъ усердно. Немного зналъ

онъ молитвъ, но эти молитвы шли изъ самой души, изъ самаго сердца. Молился онъ за упокой души новопреставленной рабы Божіей Маркы, которой только что закрылъ навѣки глаза.

А ликъ Спасителя, изможденный, покрытый каплями крови, въ терновомъ вѣнцѣ, смотрѣлъ, какъ живой, съ иконы. И вотъ старику чудится: зашевелились крѣпко сжатыя губы Божественнаго Страдальца. Онъ говоритъ что-то...

«Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы».

И дѣдушка Петръ молился, молился...

V.

— Н-ну! кончилъ таки, слава тебѣ, Господи!— говорилъ Миронычъ, отирая съ лица крупныя капли пота. Поработалъ на сей день довольно. Вотъ они, сапоги-то, глянь-ка, Маланья, чѣмъ я не мастеръ? А? — Онъ поднялъ съ полу пару только что сшитыхъ сапогъ и показалъ женѣ. Рублика два, пожалуй, чистаго барыша будетъ. Въ лавочку отдадимъ. Семьдесять пять, кажись?— Да, семьдесятъ пять. Ну, значитъ, еще рубль съ четвертакомъ въ карманѣ. Дней на пять хватитъ.

—Хватитъ, — согласилась жена.—Вотъ только рубашонку бы надо Анюткѣ: совсѣмъ износилась,

— Ладно, не велика барышня, и въ старой пощеголяетъ.

— Да нѣтъ, Мироны чъ, совсѣмъ ужъ истрепалась рубаха-то, даже чинить нельзя,—такъ и ползетъ подъ рукой.

— Гмъ!

— Сенькѣ, вотъ, сапожонки бы тоже, — продолжала Маланья,—хоть немудреные. Давно сшить сбирался. Зима нонѣ, голубчикъ: не больно оно, босикомъ-то.

— А еще чего надо?—разсердился Мироны чъ.— Платье, можетъ, тебѣ шелковое не купить ли? Откуда мнѣ взять? Изъ какихъ капиталовъ? На рубль-то съ четвертью не разгуляешься!

Маланья молчала. Тускло, дымясь, горѣла на столѣ лампочка, освѣщая бѣдную обстановку. Въ комнаткѣ было страшно холодно: паръ такъ и валилъ изо рта. На стѣнахъ, тамъ и сямъ, поблескивалъ иней; на стеклахъ оконца, разбитыхъ и кое-какъ заклеенныхъ, чуть не на вершокъ наросло льду. Мрачно, угрюмо глядѣла старая, холодная, закоптѣлая печка. Въ одномъ углу лежала груда какихъ-то лохмотьевъ. Повсюду соръ, грязь.

— Вотъ развѣ Степанъ Андреичъ работу дастъ,— задумчиво говорилъ Мироны чъ:—сапоги хотѣлъ заказать, охотничьи, ну, тогда дѣло другое. Тогда, пожалуй, и на рубашку и на прочее хватитъ. Поправимся. Ну, а ежели...

— Постой-ка, постой! — перебила его Маланья.—Никакъ къ намъ кто-то.

— Кому бы въ такую пору?

Въ сѣняхъ послышался стукъ. Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ дѣдушка Петръ. Онъ весь посинѣлъ отъ холода и трясся, какъ въ лихорадкѣ. Трезорка, весь въ снѣгу, плелся за нимъ.

— Господи, Боже мой! Да это ты, дѣдко? —не то удивился, не то обрадовался Миронычъ.—Да откудова это тебя Богъ несетъ?

Но старикъ только махнулъ рукой и опустился или, вѣрнѣе, упалъ на скамью. Долго сидѣлъ онъ, не говоря ни слова, и только какъ-то глухо стоналъ.

— Да что съ тобой, дѣдушка? — испугался Миронычъ.—Боленъ ты, что ли?

— Не, ничего, перезябъ сильно, усталъ,—бормоталъ коснѣющимъ языкомъ дѣдушка Петръ.—Морозъ на дворѣ-то, метель, свѣту не видно. Думалъ, не дойду живой. Упалъ два раза, едва поднялся.

Онъ замолчалъ и съ трудомъ перевелъ духъ.

— Къ тебѣ вотъ опять, родимый, —продолжалъ онъ.—Не откажи ради Христа, дай уголокъ.

— А барыня какъ же?—удивилась Маланья.—Марѳа Ивановна? Развѣ она...

— Долго жить приказала, голубушка... въ прошлую пятницу схоронили.

— Вотъ-те и ра-азъ!—протянулъ Миронычъ.—Ну, царство небесное. Добрая была барыня.

— Да ужъ на что добрѣй! Такой барыни, голубчикъ ты мой, поискать; днемъ съ огнемъ поискать. Упокой, Господи, ея чистую душу! Всю-то жизнь только и дѣлала, что сиротъ да убогихъ кормила. Пенціи шестьдесятъ рублей получала въ мѣсяцъ, и все, какъ есть все уходило на сиротъ да на нищихъ. Слезъ - то однѣхъ сколько было. Господи, сколько слезъ! Хоронили мы ее, голубушку, въ простомъ гробѣ, не крашеномъ—сама такъ хотѣла—хоронили, такъ толпа цѣлая—нищіе все, и старики, и старухи, и ребятенки,—въ голосъ всѣ выли.

— Да что она больна была, дѣдушка?—спросила Маланья.

— Нѣтъ, родная, все на ногахъ была. Такъ это съ ней сразу, вдругъ сдѣлалось. Точно заснула, голубушка, безъ мукъ, безъ страданій. Истинно христіанской кончины удостоилъ ее Господь. Хорошо бы такъ всякому.

Старикъ опять замолчалъ и глубоко вздохнулъ. Молчали и Миронычъ съ Маланьей. Съ улицы доносились порывы вѣтра, завыванья метелицы; сухой снѣгъ стучалъ въ стекла оконца.

— И не осталось ничего послѣ нея?—спросилъ Миронычъ.— Имущества-то не осталось?

— Осталось, родной, какъ не остаться! Домикъ теперь, платья сколько, посуды. Все, говоритъ, вамъ съ Ульянушкой; живите, продайте тамъ что. Родственниковъ, говоритъ, у меня нѣтъ, одинъ

только братъ двоюродный, да тотъ не позарится на мой хламъ; самъ человѣкъ богатый. Анъ, вышло не то. Все забралъ этотъ родственникъ, суди его Богъ. Домикъ-то, говоритъ, мнѣ и самому годится: контору я въ немъ помѣщу. Мало, вишь, мѣста въ своемъ дому: каменный трехъэтажный дворецъ! И добро все забралъ, и платье, и посуду, и ложки серебряныя. На память, говоритъ, о сестрицѣ. Ну, а намъ съ Ульянушкой дверь указалъ. Не надо, молъ, васъ, ступайте. Господь съ нимъ.

— Экіе вѣдь глаза завидущіе! — пробормотала Маланья. — Мало, вишь, своего-то добра. Ну, чтобы ему старика пріютить да пригрѣть?

— Богъ съ нимъ, родимая, Богъ съ нимъ! Да и чего, впрочемъ? Пожилъ я, благодареніе Господу, вволю въ теплотѣ, поѣлъ, попилъ сладко, ну, и довольно. Будемъ опять по-старому, именемъ Христовымъ кормиться. Мнѣ вѣдь немного надо: хлѣбца кусочекъ. Да вотъ Трезорка еще.

— А ты, поди, закусить хочешь, дѣдушка? — спохватилась Маланья. — Печки-то мы не топили сегодня, ничего не готовили. Есть, вонъ, капуста кислая, квасъ. Похлебалъ бы.

— Спасибо, родная. Ѣсть-то я, признаться, сегодня почти ничего не ѣлъ, да и не хочется что-то. Вотъ собачонкѣ развѣ.

— Можно, можно... Поди-ка сюда, Трезорка!

Трезорка вылѣзъ изъ-подъ скамьи и подошелъ, помахивая хвостомъ, къ Маланьѣ. Та угостила его краюшкой.

— Старенекъ тоже становится,—говорилъ дѣдушка Петръ, поглядывая на собачонку, съ трудомъ прожовывавшую черствый хлѣбъ. Зубовъ тоже не больше, чѣмъ у меня, да и сѣдой сталъ. Стары, братъ, мы съ тобой, Трезорка! Помирать надо... Да!

— А поѣлъ бы капустки-то, дѣдушка, — замѣтилъ Миронычъ. — Право, поѣлъ бы. Давай-ка, Маланья!

Маланья живо положила въ чашку капусты, налила квасу и подала старику,

Тотъ покрестился и принялся за ужинъ. Но, видно, не до ѣды было старому нищему. Ложка дрожала въ его рукѣ. Хлебнулъ онъ раза два-три и отодвинулъ чашку.

— Нѣтъ, не могу больше. Спасибо! — проговорилъ онъ.

— Какъ хочешь, дѣдушка. Спать, можетъ, легъ бы.

— Пожалуй, родная... усталъ.

Минутъ черезъ десять всѣ уже спали въ домѣ сапожника. Мироычъ громко похрапывалъ гдѣ-то у печки; Маланья вторила ему изъ другого угла. Только одинъ дѣдушка Петръ долго не могъ уснуть, все ворочался съ боку на бокъ. Жалобно, точно плача, завывала метелица; снѣгъ колотилъ въ окно.

VI.

Былъ зимній морозный вечеръ. Гдѣ-то на колокольнѣ раздался первый ударъ ко всенощной. Гулко пронесся этотъ ударъ въ спертомъ морозномъ воздухѣ и замеръ вдали. Ему отвѣтилъ другой, третій, четвертый... И вотъ по всему городу понесся колокольный звонъ: по случаю какого-то праздника благовѣстили во всѣхъ церквахъ.

— Эхъ, опоздаю, пожалуй!—говорилъ дѣдушка Петръ, торопливо надѣвая тулупчикъ. — Покамѣстъ дойдешь еще, времени-то немного.

— А лучше бы не ходилъ, дѣдушка, — замѣтилъ Миронычъ.—Право, остался бы... холодище на улицѣ страсть какой: такъ духъ и спираетъ, Прозябнешь вѣдь ты совсѣмъ.

— Нельзя, голубчикъ, нельзя. Праздникъ завтра большой,' помолиться надо. Да и народу сегодня много будетъ у всенощной. Все, смотришь, перепадетъ копеечка.

— Ну, какъ знаешь. За насъ помолись, грѣшныхъ. Самимъ-то некогда; видишь,— и Миронычъ поднялъ голову отъ работы, — къ завтраму, къ утру сапоги надо. Господь проститъ, можетъ.

— Проститъ, голубчикъ, проститъ. Трезорка, ты гдѣ тамъ? Идемъ.

Трезорка, грязный, всклоченный, вылѣзъ откуда-то изъ-за печки и, пошатываясь слегка, поплелся за старикомъ.

Да, морозъ былъ на славу, такой морозъ, какіе, я думаю, и въ Сибири не часты. Точно выстрѣлы, то и дѣло, раздавались въ воздухѣ: это трещали дома, ворота, заборы. На улицахъ, несмотря на раннюю еще пору, почти вовсе не виднѣлось прохожихъ. Изрѣдка развѣ торопливо пробѣжитъ кто - нибудь, старательно пряча носъ въ шинель или шубу и похлопывая на ходу нога объ ногу.

Напрасно кутался дѣдушка Петръ въ свой тулупчикъ, — холодъ пронималъ его до костей; напрасно старался онъ прибавлять шагу,— ноги не слушались, точно одеревянѣли. Трезорка съ трудомъ плелся за нимъ, часто останавливаясь и отдыхая. Это показалось старику страннымъ.

— Да что ты, усталъ, что ли? Озябъ?—спросилъ онъ.— Чего ты, Трезорка?

Трезорка взглянулъ на него своими подслѣповатыми глазами и какъ-то жалобно завизжалъ.

— Эхъ, старина, старина! — покачалъ головой дѣдушка Петръ. — Плохи, братъ, мы съ тобой, пло-охи! Ну, да ладно, погоди—ужо отдохнемъ, погрѣемся. Авось, Яковъ Степанычъ въ сторожку пуститъ, не выгонитъ.

Вотъ, наконецъ, и соборъ. Издали еще разглядѣлъ старикъ его ярко освѣщенныя окна: вонъ донеслось до него громкое стройное пѣніе. Дѣдушка Петръ снялъ шапку и перекрестился.

Нищихъ на крыльцѣ и на паперти было, на этотъ разъ, особенно много. Всюду, куда ни взглянешь, виднѣлись блѣдныя, исхудалыя лица, лохмотья. Всякій старался найти себѣ «повиднѣе» мѣстечки: кричали, спорили, даже ругались.

Сторожка, къ великому огорченію старика, оказалась запертой на замокъ. Нечего было дѣлать, приходилось сидѣть на морозѣ. Не безъ труда нашелъ себѣ дѣдушка Петръ мѣстечко, прижался между колоннами. Трезорка, дрожа всѣмъ тѣломъ, улегся у него въ ногахъ.

Хлопнула гдѣ-то дверь; цѣлое облако пара повалило на улицу. Народъ сталъ выходить изъ церкви.

— Милостинку, ради Христа! Кормилицы и доброхоты! — послышались голоса — старческіе, хрипящіе, грубые, нѣжные, дѣтскіе. — Убогому... безрукому... безногому.

Въ четверть часа какихъ-нибудь дѣдушка Петръ собралъ цѣлую горсть мѣдныхъ копеекъ. Рѣдко когда доводилось получать ему столько.

— Сохрани Господи и помилуй! Пошли имъ, Царица Небесная! — бормоталъ онъ и крестился дрожащей, посинѣлой рукой.

А морозъ все потрескивалъ да потрескивалъ. Точно безчисленные брильянты, сверкалъ иней на церковныхъ стѣнахъ. Цѣлые милліарды синенькихъ звѣздочекъ глядѣли съ неба. Ярко свѣтила луна; воздухъ былъ чистъ и прозраченъ.

— Домой, Трезорка, пора; холодно!—говорилъ дѣдушка Петръ.— Пойдемъ-ка, голубчикъ!

Онъ сдѣлалъ усиліе, приподнялся и тотчасъ же опять упалъ на крыльцо.

— Что это, какъ я усталъ! Какъ страшно спать хочется! Трезорушка, а Трезорушка! Надо домой.

Но Трезорка лежалъ неподвижно. Въ широко раскрытыхъ глазахъ его, устремленныхъ на старика, было какое-то страшное выраженіе. Точно что́ въ сердце кольнуло стараго нищаго. Онъ опустилъ руку, провелъ по тѣлу собаки, и слезы такъ и полились въ три ручья по щекамъ дѣдушки. Трезорка былъ мертвъ.

Долго сидѣлъ старикъ, точно окаменѣлый. А слезы текли, текли, замерзали крупными каплями. Но онъ даже не чувствовалъ холода. Въ головѣ его былъ какой-то туманъ. И вотъ глаза его стали смыкаться, закрылись совсѣмъ: голова упала на грудь.

— Трезорка... Трезорка... — шепталъ дѣдушка Петръ.— Трезо-орка.





Божья старушка.

Вечерѣло; солнышко давно скрылось за лѣсомъ; надъ тихой и гладкой, какъ зеркало, рѣчкой поднимался легкій туманъ; на небѣ тамъ и сямъ загорались синія звѣздочки. Вонъ гдѣ-то въ кустахъ щелкнулъ разъ соловей. Еще и еще, все лучше, чище и громче — и вотъ серебромъ полилась въ тихомъ и тепломъ воздухѣ чудная соловьиная пѣсня. Тихо, спокойно въ деревнѣ Маниловкѣ. Въ окнахъ вездѣ поблескиваютъ огоньки. Вернулись съ работъ голодные, утомленные труженики, сѣли за ужинъ.

— Ну, и ночька же сегодня, Пахомовна! — говорилъ дядя Андрей, высовываясь чуть не по поясъ изъ окна. — Благодать! Кабы денекъ завтра такой же, — важно бы мы съ сѣномъ управились!

— Дай то Господи!.. Все нонѣ деньки-то стоятъ хорошіе. Ужинать накрывать развѣ, Иванычъ?

— Пожалуй... Спать что-то хочется... — Дядя Андрей зѣвнулъ на всю избу.—Поработали дюже... Ребята-то гдѣ?

— Да гдѣ, какъ не у дѣдушки Аѳанасія. Сказки онъ имъ все разсказываетъ.

— Чудной старикъ... Накрывай, что ли.

Пахомовна засуетилась. Живо нарѣзала она хлѣба, вытащила изъ печки горшокъ.

— Мамонька! мамонька! — вдругъ закричала, вбѣгая въ избу, маленькая, вся запыхавшаяся дѣвчонка.— Бабушка Степанида пришла...

— Бабушка Степанида пришла! — подхватилъ вслѣдъ за нею толстенькій мальчуганъ.— Пришла, пришла бабушка! — И, точно волчокъ, завертѣлся по всей избѣ.

— Врете вы, пострѣлята! — заворчалъ дядя Андрей. — Какая бабушка Степанида? Ее ужъ, поди, и въ живыхъ давно нѣтъ...

— Жива, тятя, жива!.. Такая же все: съ котомочкой, съ палочкой... Бѣжимъ это мы съ Анюткой отъ дѣдушки Аѳанасья, а она и идетъ... О тебѣ спрашивала, о мамкѣ, о тетушкѣ Акулинѣ, о дядѣ Миронѣ, о всѣхъ... Къ намъ ночевать хочетъ.

Дядя Андрей улыбнулся.

— Слышишь, Пахомовна?

— Слышу, слышу, Иванычъ... Слава те, Господи! — Пахомовна перекрестилась. — Ну, не думала я, не гадала...

— Все рядомъ шли,—продолжалъ мальчуганъ.— Все спрашивала: какъ у насъ нонѣ живутъ; живъ ли дѣдушка Аѳанасій, бабушка Аграфена; дядя Степанъ поправился ли?.. Шли мы,—дошли до мельницы... Анютка и побѣжала, а я за ней... Пришла, пришла, бабушка!—И онъ опять запрыгалъ и завертѣлся.

— Перестань баловать, Ѳедюшка!—закричала Пахомовна.—Что ты, ошалѣлъ, что ли?

— А вотъ я сейчасъ вицу изъ вѣника выдерну... Вицей его.

Дверь отворилась, и въ избу вошла старушка въ худенькомъ сарафанѣ, въ лаптяхъ, съ палкой въ рукѣ, съ котомкою за плечами. Пахомовна такъ и кинулась къ ней навстрѣчу.

— Родимая ты моя, голубушка!—заговорила она.—Да откудова это тебя Господь Богъ несетъ? А я думала и въ живыхъ тебя нѣтъ, и за душеньку-то твою молилась.

— Ну, вотъ и спасибо, милая!—ухмыльнулась старушка.—Авось и зачтутся твои молитвы предъ Господомъ... Ну, здравствуй, касатка! Здравствуй, Андреюшка, здравствуй, голубчикъ! Какъ васъ Господь Богъ милуетъ?

Обнялись крѣпко, расцѣловались.

— Такой же все здоровенный!—говорила старушка, оглядывая съ головы до ногъ мощную фигуру Андрея.—Еще, пожалуй, здоровѣй сталъ.

— Да и ты, бабушка, все такая же... Крѣпонькая старушка.

— Ну, нѣтъ, родной, гдѣ ужъ крѣпонькая! Годы не тѣ. Прежде, бывало, — лѣтъ этакъ десять назадъ,—верстъ восемнадцать пройдешь безъ отдыху, ну, а теперь нѣтъ,—уставать стала.

— А много годковъ-то, бабушка?

— Не считала, родной... Десятокъ, поди, восьмой на исходѣ.

— Од-на-ко!..

— Ребятки вотъ у тебя славные! — говорила старушка, гладя по головкамъ дѣтей. — Такіе ласковые ребятки. Узнали меня сейчасъ. Обнимаютъ, цѣлуютъ. Гдѣ ты, говорятъ, бабушка, пропадала? Ждали мы тебя, ждали.

— А и впрямь, родная, гдѣ ты была? — спрашивала Пахомовна.—Шутка сказать: три года не видѣлись.

— Много гдѣ была, милая, много. Была и у Сергія, радонежскаго чудотворца; была и у печерскихъ угодниковъ. Сподобилъ Господь и въ Соловкахъ побывать, у преподобныхъ Зосимы и Савватія была...

— Постой, бабушка,—перебилъ дядя Андрей,—успѣемъ потолковать-то... Садись-ка лучше, поужинай. Щи горяченькія—не простыли.

— Садись, садись, бабушка! — подхватила Пахомовна.—Я молочко вотъ сейчасъ принесу.

— Спаси тебя Господи и помилуй!

Усѣлись за ужинъ. Щи были славныя: жирныя, вкусныя; хорошо и утреннее молоко: сливки чуть въ полпальца,—да только ѣли всѣ какъ-то лѣниво. Дядя Андрей хлебнулъ разъ пятокъ и положилъ ложку; Пахомовна тоже. Про ребятишекъ и толковать нечего: ни къ чему не притронулись; сидѣли все время, разинувъ рты, и глазъ не сводили съ бабушки.

— Да, родные мои,—говорила старушка.—Десять лѣтъ все сбиралась, откладывала да откладывала. Собралась, наконецъ. Причина, правду сказать, была: воды я больно боюсь; въ лодкѣ отродясь не ѣзжала,—а тутъ 300 верстъ по морю надо, отъ самаго отъ Архангельска. Однако, что же, думаю, коли терпитъ еще Господь грѣхамъ моимъ тяжкимъ... Отправилась... И, Господи Ты Боже мой, что только было!.. Буря поднялась страшная: било, качало насъ; трубой пароходъ воду зачерпывалъ. Плачутъ всѣ, стонутъ, молятся. Монахи молебны поютъ. А я, прости меня, Господи, точно колода какая, подъ лавкой валяюсь; такъ у меня все нутро-то будто кто выворачиваетъ. И молиться совсѣмъ не могу. Ну, думаю, тутъ мнѣ и смерть. Однакоже, ничего — добрались.

Старушка остановилась. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Тихо было въ избѣ, въ отворенное окно глядѣла луна, лилася чудная соловьиная пѣсня.

— До Соловецкаго, бабушка?—спросилъ дядя Андрей.

— До Соловецкаго, милый.

— То-то, поди, хорошо тамъ?

— И не говори лучше, голубчикъ! Такъ хорошо, такъ хорошо,—всю бы жизнь, кажется, прожила, не вышла оттуда. Церкви теперь взять однѣ—благодать! Камни вездѣ самоцвѣтные, золото, серебро... Свѣчи горятъ передъ иконами, паникадила, лампадки... Точно какъ солнышко свѣтитъ во храмѣ-то,—ажно глазамъ больно. Стоишь это, молишься, и вдругъ такъ тебѣ легко на душѣ сдѣлается, такъ легко, такъ легко—все горе забудешь... Кончится служба, выйдешь на улицу,—точно туманъ какой-то: слезы глаза застилаютъ... Вѣтромъ поопахнетъ — освѣжишься маленько. Сядешь это иной разъ до трапезы на бережку (а трапеза у нихъ безплатная, милые. Три дня всѣхъ странниковъ кормятъ, да и кормятъ-то какъ!). Сядешь на бережку. Вѣтерокъ съ моря дуетъ. Небо ясное, чистое; солнышко весело свѣтитъ... Чайки кругомъ летаютъ. (Пропасть тамъ чаекъ,—ручныя такія: чуть не на голову садятся.) И такъ-то тебѣ опять легко да весело станетъ. Господи, думаешь, благодать-то какая! Въ лѣсокъ пойдешь, — птички поютъ звонко да радостно. Олень иной разъ изъ-за кустовъ выйдетъ. Ну, думаешь, испужается, побѣжитъ. Не тутъ-то было: чуть не бокъ о бокъ съ тобой прой-

детъ... Не бьютъ ихъ тамъ, не пужаютъ,—и не боятся.

— А я бы, бабушка, взялъ да погладилъ его, оленя-то,—замѣтилъ Ѳедюшка.

— Ну, погладить - то онъ, пожалуй, и не дастся. Ты вотъ еще верхомъ бы на него вздумалъ сѣсть.

Ребята захохотали.

— А богомольцевъ-то, поди, бабушка, богомольцевъ-то,—говорила Пахомовна.

— Богомольцевъ, милая, не сосчитать! Такъ и валятъ - валомъ туда каждый годъ. И откуда только не идутъ, Господи Боже мой, изъ какой дали! Иные съ Амуру, съ Кавказа. Видѣла вотъ одного,—изъ Сибири, изъ Енисейской губерніи... Дочку съ собой больную привезъ... Такая махонькая дѣвчоночка, лѣтъ десяти, худенькая-прехуденькая. Ходить не можетъ, бѣдняжечка;—ножки отсохли.

— Ахти, Царица небесная! Да какъ же это, родная? Съ рожденія, что ли?

— Съ рожденія. Больно мнѣ жаль ее было, голубушку, да и его тоже, отца-то ея. Такой горемычный мужичокъ, безталанный. Не знаю, добрался ли онъ до своей деревушки. А дай-то бы Господи! Такъ было дѣло-то,—продолжала старушка.—Подъ вечерокъ какъ-то сижу я на бережку. Славный такой былъ вечерокъ, тихій да

теплый. Сижу, это, думаю: вотъ, завтра и въ обратный путь ѣхать надо. Какъ-то Господь сподобитъ? Вижу, идетъ мужичокъ, небольшой такой ростомъ, клиномъ бородка, да такой-то ли печальный, задумчивый. Сѣлъ этакъ отъ меня въ сторонкѣ, трубочку вынулъ, куритъ да покашливаетъ. Откуда, спрашиваю, голубчикъ, Господь Богъ несетъ? «Да издалека, говоритъ, бабушка, изъ самой Сибири, изъ Енисейской губерніи». Слово за словомъ, — разговорились. «Жить-то, говоритъ, у насъ можно, бабушка: рыбы въ рѣкѣ—сколько хошь, въ лѣсахъ звѣрья, птицъ — пропасть, — да вотъ только горе мое: здоровьемъ я больно слабъ, силъ мало. А тутъ еще, говоритъ, и другое горе: дочка убогая, — ноги у нея сохнутъ, ходить не можетъ, на рукахъ ползаетъ. Ну, и лѣчили ее, говоритъ, лѣчили. Дохтура-то въ нашихъ мѣстахъ нѣтъ, фершала тоже,—знахарь лѣчилъ, Андронычъ. И сколько я денегъ ему переплатилъ — страсть! — а нѣтъ пользы ни капли, хуже еще... Вотъ и надумалъ я сходить къ соловецкимъ угодникамъ. Продалъ избенку, добришко тамъ кой-какое, взялъ Дуньку на руки и отправился... Десять мѣсяцевъ, говоритъ, бабушка, шелъ, да еще съ недѣлей. Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ подвезутъ добрые люди. И чего, чего только не натерпѣлся! Два раза чуть не замерзъ, голодалъ. Деньжонки какія были — всѣ вышли... Христовымъ именемъ побирался. Гдѣ по-

дадутъ, гдѣ откажутъ: проваливай, молъ, самимъ ѣсть нечего... Добрался-таки, наконецъ. Помолился святителямъ,— завтра и въ путь надо, пароходъ-то отходитъ»... Закашлялся, замолчалъ. Гляжу, а у него слезы такъ и текутъ въ три ручья. Что, говорю, съ тобой? «Да вотъ, такъ и такъ, бабушка: ѣхать — а денегъ ни гроша нѣтъ... До Архангельска-то, положимъ, отвезутъ даромъ,— а вотъ оттуда-то какъ?» Жаль мнѣ его стало, голубчика,— во какъ жалко!.. Денегъ-то у меня у самой копейка-двѣ — и обчелся. Пошарила, однако, въ котомкѣ: гдѣ гривенникъ въ тряпицѣ, гдѣ три копейки... Искала-искала, набрала рубль семь гривенъ. Возьми!..

Старушка опять замолчала. Пахомовна всхлипывала потихоньку; дядя Андрей сидѣлъ мрачный, задумчивый...

— Никогда не забыть мнѣ,— продолжала старушка,— какъ онъ плакалъ, болѣзный, благодарилъ... Дочку свою потомъ показалъ. Ну, тутъ ужъ, признаться, и сама я заплакала... Худенькая-прехуденькая, ползаетъ по полу, встать не можетъ.

— Э, да никакъ и разсвѣтъ скоро!.. заговорилась я, старая. Спать вамъ, родные, пора. Вона ребятки-то какъ важно похрапываютъ.

Ѳедюшка съ Анюткой давно уже спали, склонивъ головы на столѣ. Въ окно глядѣла тихая, звѣздная ночь, ярко свѣтила луна.

— Завтра вотъ потолкуемъ, бабушка, — говорилъ дядя Андрей.— Вся деревня, поди, къ намъ соберется. Къ себѣ станутъ звать, нарасхватъ. Да нѣтъ, мы не пустимъ тебя, Божья старушка. У насъ погости.

Чуть только солнышко взошло, всѣ поднялись въ избѣ дяди Андрея. Затопила печку Пахомовна, тѣсто стала творить.

— Ну, вотъ и гостинчиковъ принесла я вамъ, дѣтки,— говорила бабушка Степанида, разбираясь въ котомочкѣ. — Да ты постой, постой, шустрый! Куда лѣзешь? Не торопись! Али, думаешь, пряники у меня тутъ, баранки? Нѣтъ, мой голубчикъ... Вотъ, перво-наперво... На-тка, перекрестись да покушай.—Она вынула двѣ просфоры, сухія, какъ камень, и одну изъ нихъ дала мальчику.— Крошекъ только, смотри, не роняй на полъ — великій грѣхъ. Это отъ преподобныхъ Зосимы и Савватія. Что, раскусить не можешь? И то правда, — засохли маленько. Матери вотъ ужо дай, она ихъ въ теплой водѣ размочитъ... А это тебѣ, Анютка,—дала она другую просфору дѣвочкѣ.

— А вотъ тутъ,— вынула она что-то завернутое въ бумажкѣ, — крестики тутъ. Нате-ка, носите, благословясь.

— Спасибо, бабушка, милая. Ахъ, свѣтленькіе какіе! А это у тебя что, въ мѣшочкѣ-то?

— Да постой же, тебѣ говорятъ, несуразный! Увидишь, что и въ мѣшочкѣ. Вотъ, погляди-ка! — И бабушка Степанида высыпала на столъ цѣлую кучу пестренькихъ камешковъ.

— Камешки, бабушка!—удивился разочарованный мальчикъ.—Да на что тебѣ камешки? Ихъ вонъ у насъ на берегу—сколько хошь...

— Да не такіе только, голубчикъ. Тѣ простые каменья, а эти отъ угодниковъ Божіихъ... Можетъ, они ходили когда по нимъ.

— Ну, а тутъ вотъ картинка. Нате-ка, поглядите. Это тотъ самый и есть монастырь Соловецкій, что вчера говорила.

— Да ты совсѣмъ ее намъ отдашь, бабушка? Подаришь?

— Возьмите, возьмите. Есть еще у меня тамъ такая же.

— Полно ты ихъ баловать, родная!—заговорила Пахомовна. — Что ты картинку-то имъ отдала? Разорвутъ вѣдь.

— Не разорвемъ, мамонька. Мы на стѣну ее налѣпимъ, вотъ тутъ, къ образамъ...

— А много же у тебя въ котомочкѣ, бабушка. Небольшая, кажись, а чего-чего не накладено!

— Много, милая. Все отъ угодниковъ больше. Крестики, образки, четки. Масло вотъ, изъ лампадки, отъ преподобныхъ Зосимы и Савватія, просвирокъ пять штукъ. Всѣхъ надѣлить надо, самой не останется.

— Больно спесива стала, Степанида Мироновна! — заговорилъ, входя въ избу, плотный, коренастый мужикъ съ окладистой бородой. — А я думалъ, ты къ намъ зайдешь. Ну, да ладно ужъ. Здравствуй, Божья старушка! Какъ живешь-можешь?

— Спасибо, Яковъ Петровичъ. Живу по-маленьку. День да ночь — сутки прочь, къ смерти ближе.

— Все по обителямъ ходишь?

— Все по обителямъ!

— Доброе дѣло, бабушка. Чего лучше — Богу молиться. Вотъ и мнѣ тоже придетъ иной разъ въ голову: надо бы съѣздить на богомолье. Все-то мы о мірскомъ думаемъ да заботимся, — нѣтъ, чтобы о душѣ порадѣть... Охъ, грѣхи, грѣхи тяжкіе!

И Яковъ Петровичъ тяжело опустился на лавку.

— Впрочемъ, и мы тоже не татары какіе-нибудь, — продолжалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія. — Бога-то помнимъ. Вотъ, въ третьемъ году, иконостасъ вызолотилъ на свой счетъ. Стоило тоже чего-нибудь. Безъ малаго тысячу отдалъ.

— Что толковать! — согласилась бабушка Степанида. — Богоугодное дѣло. А все лучше бы, Яковъ Петровичъ, кабы ты эту тысячу-то другимъ отдалъ. Сколько теперь въ Маниловкѣ мужичковъ бѣдныхъ: ни кола ни двора. Вотъ хошь бы Семенъ Долгій. А Вавила Петровъ, Сидоръ Егоровъ, Силантій?

— Такъ ужъ не въ долгъ ли имъ давать, бабушка!—усмѣхнулся Яковъ Петровичъ.

— А почему и не дать?

— Смѣшная ты, право! Ни кола ни двора у людей. Чѣмъ отдадутъ-то?

— А коли и не отдадутъ — тебѣ что? Много ты потеряешь? Вотъ ты свѣчу ставишь въ праздникъ передъ иконой, три копейки за нее отдаешь. А какъ ты думаешь: нужна Господу Богу твоя свѣча? Нѣтъ, мой родной! Лучше ты эти три-то копейки нищему дай. Господу не свѣчи нужны, а молитвы. Молись-ка отъ всего сердца, да не такъ, какъ фарисей молится, а какъ мытарь: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Вотъ Онъ, Господь-то, и внемлетъ. Лучше будетъ Ему молитва твоей свѣчи. Такъ вотъ и тутъ тоже. Тысячу, говоришь, отдалъ за позолоту. Да развѣ нужна Богу позолота-то эта?

— Такъ-то оно такъ, бабушка, только вѣдь и благолѣпіе тоже, — нельзя. Къ намъ-то зайдешь сегодня?

— Не знаю, Яковъ Петровичъ. Можетъ, зайду.

— Заходи, бабушка, потолкуемъ. Мароа-то вонъ у меня давно тебя вспоминаетъ: когда, говоритъ, Божья старушка придетъ? Заходи. Ну, а теперь прощай покамѣстъ, много у меня дома дѣла.

— Прощай, прощай.

Яковъ Петровичъ ушелъ.

Къ вечеру въ избѣ дяди Андрея, что называется, провороту не было: собралась чуть ли не вся деревня. Были тутъ и старые старики, и старушки, и ребята малые, и молодые парни, и дѣвушки. Размѣстились, кто какъ попало: кто на скамьяхъ, кто на полу, кто на полатяхъ, на печкѣ. Духота, несмотря на открытыя окна, стояла невыносимая. Потъ такъ и лилъ со всѣхъ въ три ручья.

— Господь тебѣ помогаетъ, Божья старушка!— говорилъ, вздыхая, какой-то худенькій мужичокъ. — Истинно, Онъ одинъ, батюшка. Шутка сказать, сколько ты мѣстъ исходила!

— Кто, какъ не Онъ, — согласился дядя Андрей, — подкрѣпляетъ. Ты возьми теперь годы ея: съ хвостикомъ восемь десятковъ.

— А страховъ-то, поди, навидалась, бабушка?— спросилъ кто-то робко съ полатей.— Осенью, да въ лѣсу... Темь, вѣтеръ воетъ... Озолоти меня, кажется...

— Лѣшій въ лѣсу-то...

— Типунъ бы тебѣ на языкъ! Чего къ вечеру поминаешь?

— А волки, бабушка, а медвѣди?

— Бѣглые тоже, вотъ...

— Господь хранилъ, милые, ничего. Сила нечистая креста да молитвы боится, а я завсегда въ пути молитву творю: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его — и не тронетъ. Отъ вол-



— Господь хранилъ, милые, ничего. Сила нечистая креста да молитвы боится, а я завсегда въ пути молитву творю.

ковъ тоже Богъ миловалъ. Слыхать-то, слыхала ихъ сколько. Ночью иной разъ зимой воютъ, проклятые, ажно морозъ по кожѣ пойдетъ. Только не трогали — не случалось.

— А лихой человѣкъ, бабушка?

— Что, лихой человѣкъ! Много-ли онъ возьметъ съ меня, со старухи убогой? Что у меня въ котомкѣ-то? Крестики мѣдные да просвирки, хлѣба краюшка.

— Было, впрочемъ, однажды: встрѣтилась я и съ лихимъ человѣкомъ. Только онъ не больно лихъ оказался.

— Да какъ же это, бабушка, было? Когда?

— Осенью какъ-то, милые, въ третьемъ году... Шла это я тогда черезъ Олонецкую губернію. Страсть тамъ лѣса какіе, гдѣ противъ здѣшнихъ! Густые-прегустые, дремучіе. Волковъ да медвѣдей не оберешься. Иду это я какъ-то ночью. А ночь была не то, чтобъ ужъ очень темная, да и не свѣтлая. Мѣсяцъ то выглянетъ изъ-за тучки, то опять спрячется. Холодно, дождь моросить. Иду это я проселкомъ, молитву творю. Долго ли, коротко ли шла — не знаю, только уставать стала. Дай, думаю, отдохну. А кругомъ — лѣсъ дремучій: сосны да ели, болото. Сѣла я на кочку, сижу. Вдругъ, милые вы мои, слышу, точно кто закашлялъ въ лѣсу.

— То-то поди испужалась?

— Да, можетъ, заяцъ, Авдотья.

— А вы постойте, не торопитесь. Пужаться-то было нечего: мало ли въ лѣсу ходитъ народу, не я одна. Да и не заяцъ. Слышу закашлялъ кто-то да вдругъ какъ застонетъ, застонетъ, — такъ-то жалобно, ажно сердце у меня встрепенулось. Ну, думаю, видно больной человѣкъ... Только и выходитъ изъ-за деревьевъ: мужикъ — не мужикъ, солдатъ не солдатъ,— высокій такой да тощій, безъ шапки, босой; на плечахъ какая-то рвань болтается: не то кафтанишка, не то шинелишка. Вышелъ это изъ-за деревьевъ да прямо ко мнѣ. — Что тебѣ, говорю, добрый человѣкъ, надо? А онъ, какъ цапнетъ меня за плечо! Рука-то худая, костлявая, хуже моей, а самъ какъ осиновый листъ дрожитъ. «Хлѣба, говоритъ, дай, старуха! Я трое сутокъ не ѣлъ»... Гляжу, а у него глаза-то, точно у волка, свѣтятся. Ну, тутъ, признаться, струхнула маленько: не сумасшедшій ли, думаю. «Хлѣба, кричитъ, давай, не то зарѣжу!..» Вижу, ножикъ вытаскиваетъ.

— Господи Іисусе Христе! Разбойникъ, бабушка? Бѣглый?

— Не торопись, погоди. Вытащилъ ножикъ,— зарѣжу!—Да что ты, говорю, Христосъ съ тобою,— аль очумѣлъ? Да какъ рванусь отъ него,— онъ и упалъ. Лежитъ на землѣ, трясется. «Хлѣба, хрипитъ, хлѣба, старуха! Три дня не ѣлъ». На, говорю, болѣзный!—Достала ему краюшку. Чуть не съ руками вырвалъ. Присѣлъ—ѣстъ, да

не ѣстъ—жретъ, какъ собака. Смотрю я да головой покачиваю.—Кто ты, говорю, человѣкъ Божій?—Молчитъ. — Давно хвораешь? — Рукой только махнулъ. «Кто бы, говоритъ, я ни былъ, бабушка это не твое дѣло. А только я тебѣ вотъ что скажу: счастлива ты, что у тебя хлѣбъ съ собою былъ, а то я тебя самое съѣлъ бы». Мнѣ ажно смѣшно стало.—Ну, нѣтъ говорю: подавился бы,—больно костлява. «А деньги, говоритъ, у тебя есть?» Есть, говорю, сорокъ копеекъ. «Давай!» Да у меня послѣднія. «Давай!» кричитъ. И опять у него глаза загорѣлись. Достала я изъ котомочки деньги. Вырвалъ изъ рукъ, подержалъ, подержалъ. «На, говоритъ, не надо. Ты не подумай, что я какой-нибудь... Сохрани меня Господи... Мнѣ чужого не нужно. Ну, а за хлѣбъ за соль — спасибо. Не говори, смотри, что меня видала. А, впрочемъ, какъ хочешь,—мнѣ все едино». Застоналъ опять, закряхтѣлъ,— поднялся.— Да куда же ты, говорю? Махнулъ рукой и ушелъ въ лѣсъ.

Бабушка Степанида остановилась. Слушатели молчали.

— Да, человѣкъ вѣдь тоже, — вздохнулъ кто-то, — не лютый звѣрь. О, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

— Долго сидѣла я на одномъ мѣстѣ, — продолжала старушка. — Холодно, дождь идетъ, вѣтеръ подулъ. Итти бы мнѣ надо, а я все сижу,

какъ прикованная. Слышу, закашлялъ опять въ лѣсу. Крикнуть хотѣла его,— не могу: точно сдавилъ кто горло. Тутъ слезы хлынули,— легче стало. Поднялась я, перекрестилась; пошла впередъ. Стало ужъ разсвѣтать,— добралась до какой-то деревни. Маленькая, помню, такая, — поселокъ: избы четыре. Приняли ласково (дай Богъ имъ здоровья). Хлѣба принесли, молока. Ѣсть только я не могла что-то. Отдохнуть прилегла, — не спится, хоть что ты хошь. Видно, ужъ больно стомилась.

— А давно ты этакъ, бабушка, ходишь по богомольямъ?— спросилъ кто-то.

— Ой, давно, милый, давно! Какъ бы тебѣ сказать—не соврать... Да лѣтъ тридцать, пожалуй, коли не больше. Это еще послѣ того, какъ горячка у насъ была въ деревнѣ. Обѣтъ я тогда дала. Да вѣдь, кажись разсказывала?

— Нѣтъ, бабушка, не разсказывала! — послышались голоса. — Вотъ ужъ который годъ теперь ходишь къ намъ, а кто ты такая, откуда — не знаемъ.

— Да и зачѣмъ знать-то, — замѣтилъ дядя Андрей.—Извѣстно, Божья старушка.

— А издалека ты, бабушка?

— Издалека, родной, изъ Тамбовской губерніи... Есть тамъ деревня одна, Промзино прозывается, такъ вотъ я оттуда.

— Какъ-то теперь живутъ мужички? — вздохнула она. — Какъ ихъ Господь милуетъ? Въ прошломъ году пять лѣтъ минуло — ушла изъ деревни, да съ тѣхъ поръ и не была тамъ... Дай-то имъ, Господи! — перекрестилась старушка. — Пошли, Царица небесная!

— Сродственники тамъ у тебя, бабушка, есть какіе?

— Никого, милый мой, нѣтъ, ни единаго человѣка. Было два сына, дочь была, — всѣхъ Господь Богъ прибралъ. Одна я осталась.

Бабушка Степанида вздохнула, вытерла рукавомъ сарафана выкатившуюся изъ глаза слезу.

— А хорошо жили мы, хорошо! — продолжала она. — Можно сказать — зажиточно даже. Земли было пять десятинъ, да еще на аренду покойникъ мужъ бралъ десятинокъ двѣнадцать. Хлѣба — не проворотишь! Коровушекъ однѣхъ семь, да три лошади, да овецъ штукъ сорокъ, коли не больше. Жили, что толковать, ладно жили. Мельница тоже своя была, лавочка мелочная. Щи съ говядиной на столѣ, каждый день пироги, даже въ будни случалось. Только живемъ мы, живемъ, Бога хвалимъ. Вдругъ, точно снѣгъ на голову, бѣда. Мужъ за товаромъ поѣхалъ въ городъ, а зима была страсть какая, и простудился. Дохтура привезли. Лѣчилъ онъ, лѣчилъ, — нѣтъ проку. Такъ и померъ, сердечный, царство ему небесное!.. Подзываетъ этакъ меня,

дня за два до смерти. «Ну, говоритъ, Мироновна, чувствую, что помру, — надо съ тобой слово молвить. Вотъ, слушай-ка, наши дѣла какія. Торговалъ я безъ малаго двадцать лѣтъ, да только мало что не проторговался. Капиталовъ у меня всего на все двѣ тысячи... Тамъ они лежатъ, въ красненькомъ сундучкѣ — знаешь? Да въ долгу вотъ еще сколько»... И началъ высчитывать. Я ажно руками всплеснула! Въ Промзинѣ-то чуть ли не всѣ должны до единаго, да тамъ еще изъ другихъ деревень. Прикинулъ на счетахъ, — безъ малаго восемь тысячъ. «Получить-то, говоритъ, ты ихъ получишь, да только посерьезнѣе дѣйствуй: спуску, смотри не давай. Знаю вѣдь я, какъ они долги платить любятъ. Ну, а товара, говоритъ, больше не вѣрь». Померъ Петровичъ... Осталась я съ двумя сыновьями, да съ дочерью. Старшій-то сынъ, Данилушка, рослый такой молодецъ былъ, полный, румяный, — одно слово — красавецъ, А тихій да скромный какой!.. Ну, а другой, Вася, подростокъ еще, лѣтъ пятнадцати, только куда лютъ въ работѣ, точно взрослый мужикъ. Дочка, Агаѳьюшка, тоже была на возрастѣ. Ну, вотъ, прожили мы такъ годикъ - другой. Отдала дочку замужъ, приданымъ ее надѣлила, какъ слѣдуетъ. А тутъ и Данилушка поженился. Славную за себя дѣвушку взялъ, работящую. Осталась я вдвоемъ съ Васей. И вдругъ, милые вы мои, опять бѣда: скотскій

падежъ въ нашихъ мѣстахъ проявился. Такъ и валитъ скотину, такъ и валитъ... Стонъ на деревнѣ поднялся: у кого пять-шесть коровъ было — одна осталась, а у кого и все подобрало — ни коровы, ни лошади, ни овцы. Посѣтило и меня наказаніе Божіе. Изъ четырехъ-то коровъ (семь было, да три за дочкой пошли въ приданое) ни одной не осталось; лошади тоже пали; овецъ осталось всего десять али пятнадцать. Ну, и пошло у меня все точно съ горы.

— Да неужто деньги всѣ прожили, бабушка? — спросилъ кто-то.

— Вотъ то-то и есть — прожили, милый. Да только не всѣ: гдѣ эку уйму прожить! Больше по долгамъ разошлись. Хоть и наказывалъ мнѣ покойный ничего не давать въ долгъ, да что станешь дѣлать-то: сердце не камень. Иной придетъ, плачетъ, въ ногахъ валяется. «Дай, Степанида Мироновна! Выручи, ради Христа! Вѣришь, родная: ѣсть дома нечего, — второй день ребята безъ хлѣба сидятъ»... Ну, какъ тутъ не дашь? А за нимъ еще стараго долгу рублей тридцать аль сорокъ. «Все, говоритъ, отдамъ, Степанида Мироновна». И отдалъ бы, что толковать, да нечѣмъ. Другой придетъ, третій, четвертый... А тутъ, какъ нарочно, два года сряду неурожай былъ... Вотъ деньги-то и разошлись всѣ! Ужъ на что тихъ былъ да скроменъ Данилушка, — а и тотъ не разъ говорилъ: «Ты бы, говоритъ, легче, матушка. Тамъ

еще когда они отдадутъ, а сами мы съ чѣмъ останемся?» Ну, ладно, говорю, Богъ пошлетъ.

— Больно ужъ ты проста, бабушка!—замѣтилъ какой-то мужикъ. — Хуже воровства, говорятъ, простота-то.

— Такъ-то оно такъ, родной, да опять же тебѣ говорю: сердце не камень. Былъ, правда, случай одинъ: обманулъ меня мужичокъ изъ сосѣдней деревни. Мужу еще покойному долженъ былъ сотни три съ половиной. Отперся: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Гдѣ расписка? А расписокъ-то у насъ и въ заводѣ не было. Ну, да Господь съ нимъ,—не разживется, авось, онъ этими деньгами. Такъ вотъ одинъ только, ну, а другіе... Другимъ, голубчики, точно, что нечѣмъ было отдать: время стояло больно тяжелое. Ну, такъ вотъ, живу, я, живу, — продолжала бабушка Степанида, — что ни годъ все хуже да хуже. Совсѣмъ хозяйство разстроилось. Коровушка только одна осталась; овецъ, что были,— всѣхъ продала. А тутъ, какъ нарочно, и у Данилушки дѣла плохо пошли. Затосковала я, милые, запечалилась. Не за себя, мнѣ-то что, а за своихъ. Господи, думаю, много, видно, согрѣшили мы, грѣшные, что Ты такъ насъ наказываешь! Стала я Богу молиться. Только вдругъ это...

Бабушка Степанида остановилась, опять отерла рукавомъ сарафана выкатившуюся слезу.

— Вдругъ появилась у насъ на деревнѣ болѣзнь. Богъ ее знаетъ, что она была за болѣзнь за такая: не то горячка, не то что... Только въ недѣлю человѣка свертывало, а не то денъ въ пять. Помечется, помечется въ жару, да и помретъ. Дохтуръ пріѣхалъ съ фершаломъ — просто изъ силъ выбились. А народъ-отъ точно метлой выметаетъ. Первымъ Данилушка захворалъ. Господи, сколько мнѣ муки было! Трое сутокъ глазъ не смыкала, все сидѣла подлѣ него. Точно въ огнѣ весь лежитъ, дышитъ такъ тяжело, бредитъ. Не узнаетъ меня: что тебѣ, говоритъ, надо тетка? Ну, и молилась я, милые. Только одинъ Господь знаетъ, да еще ночь темная, какъ я молилась,— да нѣтъ, не принялъ Создатель моихъ молитвъ... Померъ Данилушка...

Бабушка Степанида остановилась. Слезы ручьемъ текли по ея сморщеннымъ, исхудалымъ щекамъ, но она даже не отирала ихъ.

— Чуть не недѣлю ходила я, точно какъ одурѣлая,—продолжала старушка,—не ѣмъ, не пью ничего, спать не могу. Что говорятъ, не понимаю. А тамъ Агаѳьюшка заболѣла. Опять тоска, опять мука. Померла и она...

— Да, много ты вынесла, бѣдная! — тяжело вздохнулъ дядя Андрей. — Тяжкій крестъ тебѣ выпалъ на долю.

— Лучше и не говори, милый! До сихъ поръ не знаю, какъ съ ума не сошла... Всего было, го-

лубчикъ, всего было, только одно—не роптала я. Нѣтъ, не взяла я этого грѣха на душу. Помнила я Іова многострадальнаго: Господь далъ, Господь и взялъ. Да будетъ благословенно имя Его. А болѣзнь-то все пуще да пуще, — продолжала бабушка Степанида. — Стонъ стоитъ у насъ на деревнѣ; всѣ просто изъ силъ выбились. Вотъ только вдругъ заболѣла дочка у бабушки Марѳы (древняя такая была старушка, больная). — Дай, говорю, похожу я за ней, ты отдохни, притомилась. «Нѣтъ, говоритъ, спасибо, Степанида Мироновна, я ужъ сама лучше (а какое сама: на ногахъ не держится). Ты на себя-то взгляни, говоритъ, что съ тобой сдѣлалось, того и гляди, сляжешь». Ну, и точно, не даромъ мнѣ это горе прошло, милые. Здоровая я была баба, крѣпкая, не старуха еще, а тутъ въ двѣ недѣли какихъ-нибудь исхудала, осунулась, точно вотъ какъ теперь, посѣдѣла.. Ничего, говорю, Богъ милостивъ... Стала я ухаживать за Ѳедосьюшкой. «Ты смотри, бабушка, осторожнѣе, докторъ мнѣ говоритъ: болѣзнь прилипчивая. Уксусомъ, говоритъ, надо курить», да вотъ тутъ еще далъ что-то въ бутылкѣ, въ плошку налейте, пусть на полу стоитъ. Выздоровѣла Ѳедосьюшка. Мнѣ ажно завидно стало, ей-ей! Вотъ, думаю, послалъ же Господь радость матери, ну, а я... Только нѣтъ, милые, не роптала. Стала я послѣ того ухаживать за больными. (Болѣзнь-то мѣсяца два

была съ половиной; къ зимѣ только поунялась.) Домахъ въ двадцати перебывала я,—и, Боже мой, чего не наслушалась, не насмотрѣлась! Всюду горе да слезы... Тамъ у матери дочь померла или сынъ, тамъ внучекъ у дѣдушки. Всѣхъ посѣтилъ Господь, не одну меня, грѣшную.

— Ну, а ты-то бабушка, не заболѣла?

— Вотъ то-то и есть, милый, свалилась и я: денъ восемь лежала безъ памяти. Думали всѣ — помру, да нѣтъ, легче стало. Тутъ и дала я обѣтъ сходить къ печерскимъ угодникамъ. Ну, говорю, Васенька, оставайся, Христосъ съ тобой! Ты ужъ не маленькій теперь, справишься. Присматривай за хозяйствомъ, а я Богу молиться пойду. «А когда, говоритъ, ты вернешься, мамонька?» Да когда Господь дастъ. Попрощалась я съ нимъ, благословила, отправилась.

— Деньги-то были, бабушка?

— Нѣтъ, мой родной, денегъ-то не было ни копеечки. Да и зачѣмъ деньги? Люди добрые не оставляли: тотъ обѣдомъ покормитъ, тотъ грошикъ подастъ: на, бабушка, помолись за раба Божьяго Алексѣя... Благодареніе Господу, сотъ восемь, коли не больше, прошла, голодна не бывала. Ну, такъ вотъ, милые вы мои,—продолжала бабушка Степанида,—добралась я до Кіева. Помню, стою разъ какъ-то у всенощной. Вдругъ, точно меня кто подъ локоть толкнулъ. Оглянулась, — глазамъ не вѣрю: Сидоръ Кондратьичъ, куз-

нецъ изъ нашей деревни.—Ты, говорю, какъ сюда попалъ? «Да вотъ, такъ и такъ, говоритъ, по дѣламъ: барина одного повидать надо бы» Ну, что, какъ тамъ у насъ, въ Промзинѣ? Всѣ ли живы, здоровы?—Гляжу—замялся что-то Кондратьичъ. «Ничего, говоритъ, слава Богу», а самъ въ сторону смотритъ. Заныло у меня сердце, милые...—Ой, такъ ли, говорю, полно: все ли благополучно? — Молчитъ. «Послушай, говоритъ, Степанида Мироновна. Въ животѣ и смерти Богъ воленъ, на все Его воля святая... Сынъ-отъ, говоритъ, твой, Васильюшка, долго жить приказалъ»... Я только охнула. «Ѣхалъ онъ, говоритъ, черезъ рѣчку, а вѣтеръ былъ,— лодку-то и оберни: утонулъ, бѣдный, царство ему небесное!..» Пала я, милые, передъ иконой, заплакала, — Господи, говорю, все Ты теперь взялъ отъ меня, все! Осталась я одна, горемычная! Вотъ, съ этихъ поръ и хожу я по богомольямъ. Много гдѣ побывала, милые, а еще того больше, гдѣ не была. Ужъ и не знаю, сподобитъ ли Господь Богъ: стара больно стала, силъ мало. Хотѣлось бы побывать у гроба Господняго, въ Іерусалимѣ. Только наврядъ: скоро, поди, кончу я свои странствія,—да и пора ужъ.

— А на родину-то не тянетъ, бабушка? — спросила Пахомовна.

— Какъ не тянуть, милая, — тянетъ... И день и ночь молю Господа: какъ бы мнѣ на родимой

сторонкѣ косточки свои положить... Тамъ и родные мои—батюшка съ матушкой, мужъ-покойничекъ, дѣтки... Вотъ только одно тревожитъ, родимые,—говорила старушка, и голосъ ея слегка задрожалъ.—А вдругъ да на дорогѣ меня гдѣ-нибудь смерть застанетъ: придется душу отдать безъ покаянія.

— Ну, Господь милостивъ, бабушка.

Весело, ярко всходило лѣтнее солнышко надъ деревней Маниловкой. Вотъ, точно капли топленаго золота, засверкали росинки на травѣ, на цвѣтахъ. Зачирикали голосистыя птички. Оживился зеленый лѣсъ послѣ сна. Въ травѣ затрещали кузнечики, зажужжали пчелы. Вонъ гдѣ-то вдали послышались звуки рожка. Все ближе и ближе. Звякнулъ бубенчикъ, еще и еще, — и вотъ цѣлое стадо коровъ высыпало на зеленомъ лугу. Проснулась деревня. Надъ избами тамъ и сямъ заклубился легкій дымокъ.

Бабушка Степанида, съ котомкой за плечами, съ палкой въ рукѣ, собиралась въ дорогу. Чуть не вся деревушка высыпала провожать ее.

— Ну, прощай, бабушка!—съ сожалѣніемъ говорили маниловцы. — А мы было думали: у насъ еще погостишь.

— Нельзя, родныя, — надо и въ путь-дороженьку... Спасибо вамъ за вашу хлѣбъ-соль. Сохрани васъ Господь и помилуй.

— Не за что, бабушка. Дай Богъ и тебѣ тоже... Помолись за насъ, грѣшныхъ.

На будущій годъ, родимая, коли будешь въ нашихъ мѣстахъ, — не забывай, приворачивай!

— Не забуду, голубчики, не забуду. Простите!..

И бабушка Степанида, отвѣсивъ всѣмъ низкій поклонъ, пошла, помахивая палочкой, по дорогѣ. Долго слѣдили за ней глазами маниловцы. Но вотъ худенькая, слегка сгорбленная, фигура старушки мелькнула еще разъ за околицей и скрылась между деревьями.

— Спаси тебя Господи и помилуй, родная! — перекрестился дядя Андрей. — Пошли тебѣ Царица небесная!





Проблескъ счастья.

И одѣли Его въ багряницу и, сплетши терновый вѣнецъ, возложили на Него; и начали привѣтствовать Его: радуйся, царь Іудейскій! И били Его по головѣ тростью, и плевали на Него, и, становясь на колѣни, кланялись Ему».

Тяжкій, болѣзненный вздохъ вырвался изъ впалой груди старушки. Она закрыла «вѣчную книгу Вѣчнаго Учителя», подперла руками свою сѣдую голову и глубоко-глубоко задумалась.

Тусклый дрожащій свѣтъ нагорѣвшей сальной свѣчи освѣщалъ бѣдную, убогую обстановку. Не то комната, не то клѣтка какая-то, съ низенькимъ потолкомъ, на которомъ петербургская сырость разрисовала довольно прихотливые узоры, наподобіе географическихъ картъ: стѣны покривившіяся, съ однимъ только признакомъ жал-

кихъ обоевъ, плѣсень на нихъ, зеленыя пятна. Два-три стула, одинъ чуть-чуть держится на трехъ ножкахъ, крѣпко прижавшись къ стѣнѣ; столикъ въ углу, на немъ—книги, кучи книгъ, тетради разныя, Рейфовскій лексиконъ. Тутъ же только что начатый крошечный дѣтскій чулочекъ. У стѣны, близъ дверей, —кровать подъ старенькимъ ситцевымъ пологомъ.

А въ тусклыя, потрескавшіяся стекла единственнаго окна убогой каморки такъ и стучитъ крупный и частый осенній дождь.

«Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи,—припоминается вдругъ почему-то старушкѣ,—и Азъ упокою вы...»

— Не меня, Господи, не меня!—шепчутъ блѣдныя губы.—Надю мою, вѣчную мою труженицу, успокой. Успокой бѣдныхъ сиротокъ-дѣтей. Чѣмъ же они виноваты?

И слезы застилаютъ туманомъ ея глаза, крупными каплями текутъ по морщинистымъ, исхудалымъ щекамъ и падаютъ прямо на книгу Божественнаго Страдальца-Учителя.

— Сирота ты моя, сирота горемычная! Не сладка была твоя жизнь, съ самыхъ пеленокъ. Не любилъ тебя твой отецъ, билъ онъ тебя подъ пьяную руку, голодомъ морилъ зачастую. Выросла ты... Ну, и что же?

И вотъ вспомнилась старушкѣ вся жизнь ея внучки любимой, ея Нади, вѣчной и честной труженицы.

Вотъ она, эта Надя, съ 10—11 лѣтъ сидитъ за тяжелой, неблагодарной работой — шитьемъ. Силъ нехватаетъ у бѣдной малютки корпѣть всю ночь до разсвѣта, съ пустымъ желудкомъ, въ грязной, сырой и холодной каморкѣ, корпѣть для того, чтобъ заработать 20 — 30 копеекъ на пропитаніе.

Отецъ пьяный бушуетъ, кричитъ за заборкой; мать бѣдная плачетъ, стонетъ, умоляетъ его. О, какъ страдала бѣдная дѣвочка! Сколько слезъ пролила она на эти, взятыя по заказу, рубашки и женскіе пеньюары!

И вотъ она шьетъ. Иголка чуть держится въ ея окоченѣвшихъ отъ холода, отъ усталости, худенькихъ пальчикахъ.

Тускло свѣтится керосиновый ночникъ - лампочка, за заборкой бушуетъ отецъ, мать бѣдная плачетъ.

Въ глазахъ круги какіе-то радужные; усталость, разбитость страшная во всемъ тѣлѣ; сонъ такъ и клонитъ и клонитъ. А тамъ переводъ еще нужно французскій къ уроку, разборъ грамматическій сдѣлать... Успѣю ли я?

А вотъ и приращеніе вдругъ въ семействѣ,— братишка явился. А тамъ, черезъ годъ, сестренка явилась. Да вѣдь тутъ двадцати рукъ нехватитъ.

И бьется она, уже взрослая дѣвочка, какъ рыба объ ледъ; бьется ея старая мать. А за за-

боркой—отецъ пьяный бушуетъ, ругается, кулаками, ногами бьетъ въ стѣну!

Но вотъ, наконецъ, пересталъ онъ пьянствовать, бушевать,—умеръ старикъ.

Двѣ старыя, дряхлыя клячи, нанятыя на счетъ благодѣтелей, свезли его трупъ на Волково кладбище — и Надя, 16-лѣтняя Надя, только что окончившая блистательно курсъ въ пансіонѣ M-me Renard, осталась съ матерью и двумя маленькими ребятишками на мостовой... «А тамъ... что было тамъ!..»

— Наденька! Бѣдная моя, горемычная моя Наденька!—шепчетъ старушка.— Сиротка моя, труженица моя вѣковѣчная! Господь Богъ подкрѣпилъ тебя, дитя мое, и ты съ честью несла и несешь крестъ, выпавшій на твою долю. Много было насмѣшекъ и оскорбленій! Да, ты съ честью несешь тяжкій свой крестъ, Наденька.

— Бабушка, мнѣ холодно, милая, — раздается вдругъ дѣтскій голосъ, и головка мальчика съ бѣлокурыми, вьющимися волосами высовывается изъ-подъ полога.—Закрой меня, бабушка, своимъ старымъ салопомъ.

— Салопомъ... салопомъ... — бормочетъ старушка и чувствуетъ, какъ краска разливается по ея морщинистому лицу.—Да я не знаю, право, куда засунула салопъ свой, Володенька. Искала-искала давеча.

Бѣдная бабушка! Она не хочетъ сказать, что не позже, какъ вчера вечеромъ, отнесла она свой старый салопъ закладчику и отдала полученные за него три рубля въ лавку. А тяжело, о, какъ тяжело было разставаться съ этимъ старымъ, попорченнымъ молью, салопомъ! Сколько сладкихъ воспоминаній, давнымъ-давно канувшихъ въ вѣчность, связывалось съ этимъ «тряпьемъ», какъ его назвалъ закладчикъ. Вспомнила она своего стараго мужа... Э, да что толковать...

— Одѣяльце есть у тебя теплое, Володенька,— говоритъ старушка,—одѣяльцемъ закройся.

— Одѣяльце никуда не годится, бабушка,— возражаетъ внучекъ: — все изорвано, вата отовсюду выглядываетъ. Погляди-ка!

А Леленька спитъ вонъ. У нея тоже одѣяльце не новое. Спитъ, будто ангелъ небесный.

И старушка любуется на маленькую 3-лѣтнюю дѣвочку, разметавшуюся на кровати. Плохо укрытъ ребенокъ тряпьемъ какимъ-то; сквозь это тряпье проглядываетъ голенькое дѣтское тѣльце. Маленькія ручки заложены за подушку, и спитъ дѣвочка, крѣпко спитъ, несмотря на холодъ и сырость; даже улыбка играетъ на ея худенькомъ личикѣ.

— Да я, бабушка, и ѣсть тоже хочу, — замѣчаетъ Володя.—Ну, что мы давеча ѣли? Что ѣли мы, бабушка?—повторяетъ онъ съ какимъ-то от-



— Бабушка, мнѣ холодно, —раздается вдругъ дѣтскій голосъ.—Закрой меня, бабушка, своимъ старымъ салопомъ.

чаяніемъ.—Господи! Полтарелочки супу! Только полтарелочки.

Старушка молчитъ. Знаетъ она, что Володя только полтарелочки супу съѣлъ; но не знаетъ онъ, этотъ бѣдный Володя, что если бъ бабушка не отказалась отъ своей порціи, подъ предлогомъ легкаго нездоровья, то ему и этой-то полтарелочки не досталось бы.

— А салопъ-то ты, бабушка, поищи, сдѣлай милость,—продолжаетъ Володя.— Ну, какъ же я подъ этими тряпками буду лежать.

Подъ этими тряпками! А эти тряпки какихъ трудовъ стоили бѣдной Наденькѣ, сироткѣ, труженицѣ вѣковѣчной! Это старенькое одѣяльце, изъ котораго вата отовсюду выглядываетъ и за которое никто теперь двухъ мѣдныхъ пятаковъ не дастъ, это одѣяльце стоило огромныхъ трудовъ. Чуть не полгода должна была Наденька, изо дня въ день, во всякую погоду—и въ дождь и въ морозъ—бѣгать въ своихъ худенькихъ башмакахъ съ Песковъ на Выборгскую сторону и на Васильевскій островъ, чтобъ отложить изъ скуднаго заработка деньги на это одѣяльце. Эта вылѣзающая со всѣхъ сторонъ вата, къ которой Володя относился съ такимъ великимъ презрѣніемъ, быть-можетъ, не разъ была полита потомъ бѣдной работницы.

— Поищи ты, бабушка, хоть хлѣбца, что ли, кусочекъ,—не унимался голодный Володя, — ну

такъ ѣсть хочется, такъ ѣсть хочется, право... Да вотъ и Надя что-то не идетъ, а обѣщала скоро прійти.

— Бабуска, мнѣ цаю хоцется, — начинаетъ вдругъ проснувшаяся Леля, — съ булоцкой, съ сухалями.

— Родная моя,—шепчетъ старушка, наклонясь надъ нею и цѣлуя ея черненькую головку.—Подожди, мой голубчикъ: придетъ Наденька, она и чаю, и сахару, и всего принесетъ.

— Да когда есцо плидетъ Надя. Она, бабуска, на улоки усла?

— На уроки, дитя, на уроки.

— А плинесетъ ли она мнѣ, бабуска, куклу? Давно она обѣсцаетъ мнѣ куклу купить. И все обманываетъ, все обманываетъ. Я ее любить больсе не буду.—И Леля презабавно надуваетъ губки.—Плаво зе, бабуска, не буду больсе любить.

— Да давно ли у тебя, Лелечка, кукла была? Зачѣмъ ты ее сломала?

— Да лазвѣ я ее сломала, бабуска? Володя сломалъ.

— Вретъ она, бабушка, — оправдывался Володя,—сама она тогда ее съ лѣстницы уронила. А ѣсть-то какъ хочется, бабушка. Господи, какъ хочется ѣсть. Ну, неужто ничего у насъ нѣтъ?

— Ничего, дитя, нѣтъ... Да вотъ подожди, ужо придетъ Наденька. Она сегодня за урокъ должна получить.

— А мнѣ, бабуска, знаесь, цего захотѣлось?— говоритъ Леля.

— Чего, милая?

— Захотѣлось мнѣ цолной иклы, бабуска, съ булоцкой.

— Да вѣдь черная-то икра, дитя, дорого стоитъ. Охъ, какъ дорого. Гдѣ ужъ намъ ее покупать.

— А вотъ Коля съ Витей каждый день ее кусаютъ, бабуска.

— Ну, тѣ—другое дѣло, голубчикъ... Родители у нихъ средства имѣютъ.

— Какія, бабуска, следства?

— Да денегъ много у нихъ, — поясняетъ старушка.

— Денегъ много? — Леля задумывается. — А вѣдь денегъ, бабуска, не даютъ даломъ? — спрашиваетъ она.—Ихъ за лаботу даютъ?

— За работу, голубчикъ.

— Такъ науци ты меня, бабуска, цулоцки вязать,—я тозе буду денезки залабатывать.

— Ахъ, ты, голубчикъ ты мой! — говоритъ сквозь слезы старушка и крѣпко цѣлуетъ ребенка.—Да гдѣ же тебѣ, такой крошкѣ, работать?

— Да сходи ты, бабушка въ лавочку-то,— хнычетъ Володя, — купи ты тамъ что-нибудь. Такъ, право, ѣсть хочется.

— Денегъ нѣтъ, Воленька,—вздыхаетъ старушка,—а въ долгъ ничего не даютъ. Подожди вотъ, Надя скоро придетъ. Да вонъ она, кажется.

Дѣйствительно, на лѣстницѣ послышались чьи-то поспѣшные шаги. Дверь отворилась, и въ комнату вошла или, вѣрнѣе, вбѣжала молодая дѣвушка лѣтъ 18,—высокая, стройная, хорошенькая, съ блѣднымъ личикомъ, на которомъ тяжелый трудъ и безсонныя ночи успѣли ужъ наложить какой-то особенный отпечатокъ, вовсе не свойственный ея лѣтамъ.

Но теперь на этомъ блѣдномъ, красивомъ личикѣ свѣтилась радость: каріе глаза смотрѣли бойко и весело.

Дѣвушка бросила на стулъ старенькій зонтикъ и, не снимая насквозь промокшаго бурнуса, такъ и кинулась на шею старушкѣ.

— Бабушка, милая моя! дорогая моя! — говорила она. — Поздравь меня, я получила работу. Такую работу, бабушка, что теперь мы ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ не будемъ нуждаться.

— Да какую такую работу, Наденька? — спрашивала удивленно старушка. — Когда? У кого получила?

— Переводы, бабушка, получила, и за очень хорошую плату. Э, да, впрочемъ, позвольте. Послѣ все разскажу. Теперь самоваръ надо поскорѣй поставить, чаю напиться. На ужинъ тоже еще что-нибудь надо купить. Денегъ-то у меня куча, бабушка. Поглядите.

Старушка удивлялась все болѣе и болѣе. Изъ маленькаго портмонэ, въ которомъ рѣдко когда

и трехрублевая бумажка бывала, Надя вытащила и бросила на столъ цѣлыхъ... цѣлыхъ 20 рублей. Господи! Да что жъ это такое?

— Откуда жъ это взяла ты, Наденька? Экія деньги... — удивлялась бабушка.— Двадцать рублей!

— Да ужъ, конечно, не украла, бабушка,— весело улыбается Надя,— и не съ неба онѣ мнѣ свалились. А это мнѣ тотъ господинъ далъ въ задатокъ. Впрочемъ, послѣ все разскажу. Ну, а теперь самоваръ, самоваръ поскорѣй, моя милая, чаю надо напиться, поѣсть тоже надо.

— Сейчасъ, сейчасъ, Наденька.

Бабушка засуетилась. Откуда, подумаешь, и прыть взялась у старушки. Въ одну минуту стащенъ былъ съ полочки старинный пузатенькій самоваръ, въ одну минуту спущены въ него угольки и лучинки.

— Цай будемъ пить! Цай будемъ пить!— весело запрыгала Леля.— И съ булоцкой, Наденька? Съ булоцкой?

— Съ булочкой, мой голубчикъ, съ сухарями московскими.

— А что бы тебѣ, Наденька, хоть колбасы фунтикъ купить,— замѣчаетъ Володя,— или тамъ ветчины, что ли. Такъ ѣсть хочется, такъ ѣсть хочется. Ну, что я давеча съѣлъ? Сама посуди: только полтарелочки супу.

— А я-то, ты думаешь, тоже ѣсть не хочу?— говорила дѣвушка.— Да еще какъ хочу-то, Володенька. Ну-ка сообрази: вышла изъ дому въ десять часовъ и выпила только чаю двѣ чашечки съ однимъ крендвелькомъ. Исходила верстъ десять, если не больше. Устала, озябла, промокла и, разумѣется, проголодалась. Подожди, мой милѣйшій, чаю напьемся и поѣдимъ, и по-ѣ-димъ.— И она шутя треплетъ и взбиваетъ спутавшіеся бѣлокурые волосы мальчика.

— Да ну же, оста-авь! Оставь, Надя!—говоритъ тотъ недовольнымъ тономъ.

— И яицъ всмятку сваримъ, — продолжаетъ дѣвушка.— Да что яицъ! Яичницу сдѣлаемъ съ ветчиной.

— Яичницу съ ветчиной? А-а!—Лицо Володи вдругъ проясняется.— Вотъ это ты очень дѣльно придумала. Яичница съ ветчиной... Это — очень хорошая штука.

— А холосо, кабы ты, Наденька, иклы цолной купила,—говоритъ Леля,—съ булоцкой холосо.

— Купимъ и черной икры,—соглашается дѣвушка.— А что же, бабушка, самоваръ?

— Да сейчасъ закипитъ.

И точно, самоваръ шумитъ елико возможно.

Еще пять минутъ, и бабушка стелетъ на столъ старенькую камчатную скатерть (еще покойный мужъ подарилъ), ставитъ шипящій самоваръ, чашки...

Хорошенькая картинка. Тускло свѣтитъ свѣча сквозь облако пара отъ кипящаго самовара. Въ комнатѣ холодно, сыро... Дождь такъ и стучитъ, такъ и колотитъ въ окно... Этажомъ ниже все еще раздаются нестройные звуки пѣсни, топотъ пляски. Стѣны сырыя, мрачныя, съ облупленными обоями. Но зато, какъ веселы, радостны лица сидящихъ за чайнымъ столикомъ!

Крошка Леля буквально сіяетъ: чай «внакладку» (явленіе рѣдкое), съ московскими сухарями и вкусными сливками очень хорошъ. Забыла Леля и куклу, «котолую Надя обѣсцала купить», и «пклу цолную съ булоцкой», и за обѣ щечки уписываетъ московскіе сухари. Володя тоже изъ всѣхъ силъ старается вознаградить себя за «какихъ-нибудь полтарелочки супа». Наденька весела.

Одна только старая бабушка не очень что-то раздѣляетъ общую радость. Лицо старушки мрачно, задумчиво. Знаетъ она, что эта «безбѣдная жизнь», что сулитъ въ скоромъ будущемъ Наденька, эти французскіе переводы будутъ не дешево стоить. Много безсонныхъ ночей проведетъ ея милая Наденька за тетрадками, лексиконами; много будетъ потрачено силъ и здоровья на эти «выгодные переводы». А здоровье слабѣетъ, слабѣетъ. И прежде далеко не розовыя и не полныя щечки блѣднѣютъ все больше и больше. Боль въ груди («пустая боль, бабушка») является очень нерѣдко.

— О, подкрѣпи ее Господи! — неслышно шепчетъ старушка. — Дай ей силъ и здоровья. Дай ей силу, возможность нести этотъ крестъ, это бремя труда, для бѣдныхъ сиротокъ.

— Да вы совсѣмъ, бабушка, чаю не пьете,— замѣчаетъ вдругъ Надя. — Что это вы?

— Пью, пью, дитя, — бормочетъ старушка и наливаетъ себѣ третью чашку.

— Вотъ ты хотѣла давеча разсказать, какъ ты работу-то достала, голубчикъ. И выгодная, говоришь ты, работа?

— О, такая выгодная, такая выгодная, бабушка, что лучше и желать нельзя. Да вотъ, посудите.

И Надя начинаетъ посвящать ее во всѣ подробности выгодной переводной работы.

Молча, слушаетъ ее старая бабушка и не возражаетъ ни слова.«Десять рублей». «Пять рублей». «Обыкновенно пять рублей платятъ, а мнѣ десять даютъ; *вдвое*, бабушка, — десять», раздается въ ея ушахъ.

«О, подкрѣпи ее Господи! Дай ей силъ и здоровья!» думаетъ старая бабушка.

Яичница съ ветчиной вышла на диво... Володя съ Лелей уписывали, не стѣсняясь. Ну, такъ, однимъ словомъ, уписывали, что не замѣтили даже, что на ихъ долю досталась чуть не вся сковородка, къ которой бабушка съ сильно проголодавшейся Надей такъ только *дотронулись*. Покушала Леля

и «цолной иклы». Однако и спать ужъ пора: гдѣ-то, за стѣной, часы пробили 12... Пора!

„Честь тому, кто поднялъ молотъ,
Шелъ за плугомъ на поляхъ,
Побѣждалъ нужду и голодъ,
Роясь въ темныхъ рудникахъ...“

слышался изъ нижняго этажа чей-то женскій голосъ, сопровождаемый акомпанементомъ разстроеннаго піанино.

„Честь тебѣ, людей работа!
Честь мозолямъ грубыхъ рукъ!
Честь пролитымъ каплямъ пота
Среди мельницъ и лачугъ!..“

подхватываетъ звонкій теноръ.

„Но и тотъ, кто, голодая,
Ночь безсонную сидитъ,
Умъ въ работѣ напрягая,
Да не будетъ позабытъ!
Да не бу-детъ по-за-бытъ!“

Давнымъ-давно спятъ Володя съ Лелей. Они сыты, довольны. Старая бабушка тоже давно улеглась. Но сонъ не идетъ къ ней. Безпокоитъ ее ея Надя, ея честная, вѣковѣчная труженица.

— Дай мнѣ только двѣ-три странички перевести, бабушка,— говоритъ она,— и я лягу.— И пишетъ, пишетъ и пишетъ.

Какъ ножомъ, бьетъ въ сердце старушки этотъ скрипъ стального пера, этотъ шелестъ переворачиваемыхъ страницъ.

Тускло горитъ сальная свѣчка. На стѣнѣ чернѣетъ профиль склоненной надъ работой Наденьки.

Часы опять бьютъ. Пробило три.

— Наденька! Да ложись же! — чуть не стонетъ старушка.

— Сейчасъ, сейчасъ, милая, — отвѣчаетъ дѣвушка, и пишетъ, пишетъ и пишетъ.

— Наконецъ-то, бабушка, счастье намъ улыбнулось! — все еще раздается въ ушахъ старой бабушки веселенькій голосокъ. — Теперь мы не будемъ нуждаться, не бу-демъ. Старые долги мы заплатимъ, а новыхъ, бабушка...

— О Господи! подкрѣпи Ты ее, дай Ты ей силы! — шепчетъ старушка.

... „Умъ въ работѣ напрягая,
Да не будетъ позабытъ!“

раздается какъ-то глухо внизу.

— Спать пора, Наденька! Завтра допишешь.

— Сейчасъ, сейчасъ, бабушка.

«*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы...*»

Старушка заснула.





ОГЛАВЛЕНІЕ.







Цѣна 1 рубль.

Изданіе Товарищества  И. Д. СЫТИНА. Москва.